

СИБИРИАДА

СЕРГЕЙ
КУЗНЕЧИХИН

ГДЕ НАША
НЕ ПРОПАДАЛА

Сибиряда

Сергей Кузнечихин

Где наша не пропадала

«ВЕЧЕ»

2020

Кузнечихин С. Д.

Где наша не пропадала / С. Д. Кузнечихин — «ВЕЧЕ»,
2020 — (Сибиряда)

ISBN 978-5-4484-8151-2

Герой этой книги Алексей Лукич Петухов – современный сказитель, бывалый русский человек, от лица которого ведёт повествование автор. Лукич – верный слуга народа, лукаво и мудро докапывается до самого доньшка нашей жизни, а его правдивые рассказы, объединяя всю Россию, создают наполненную юмором энциклопедию русской провинции.

ISBN 978-5-4484-8151-2

© Кузнечихин С. Д., 2020
© ВЕЧЕ, 2020

Содержание

Часть первая. Самодельные игры	6
Корень	6
Точное время	10
Близкие родственники	14
Дальние родственники	18
Первые ошибки	21
Происхождение асфальта	24
Сладкие яблоки	26
Коза и капуста	28
Охота на моржа	31
Плакучие ивы	35
Пионерские игрушки	39
Американец	42
Самодельные игры	45
Филипп Григорьевич Зеленка	48
Боевая ничья	51
Потомок	56
Первый лагерь	59
Старый пяточок	63
Как поют дрозды	66
Игра на высадку	69
История с коровой	73
Теодолит	77
Еще раз о чужих яблоках	80
Игра в ремни	83
Предпоследний романтик	86
Барнаул	88
Братья Санины	92
Военные	94
Оккупант	97
Торела	100
Новый пяточок	103
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Сергей Данилович Кузнечихин
Где наша не пропадала
Из жизни Петухова Алексея Лукича
Роман

Александр Пушкин оставил нам Савельича, а Сергей Кузнечихин – Лукича. Таково обретающее нарицательную силу отчество бывалого русского человека Алексея Петухова – главного героя кузнечихинской книги, от лица которого и ведёт повествование автор. Савельич – верный слуга юного барина Гринёва. А Лукич?.. А Лукич – верный слуга народа. Потому что, во-первых, все его рассказы объединяют Россию географически – от плеча до плеча, во-вторых, даже в лукавстве своём (оттого – и Лукич) докапывается до самого доньшка нашей жизни, и не понять, где больше вымысла – в правде или правды – в вымысле? Лукич – это современный сказитель, наговоривший «Энциклопедию русской провинции» встреченному им на пути Данилычу сиречь Сергею Кузнечихину.

Юрий Беликов

Часть первая. Самодельные игры

Корень

Если начинать, то начинать с начала.

Я понимаю, что любой род держится на женщинах, но о наших женщинах рассказывать совсем нечего. И коней на скаку не останавливали, и в горящие избы не входили, – не потягивало их на такие мужицкие подвиги. Да и на женские – тоже. Бабка моя, говорят, красавицей была, в девках ее брандмайор сватал, специально из города приезжал, но и о ней ничего острожетного не вспоминают. Разве что тринадцать детишек на свет божий произвела, так по тем временам это неудивительно – жили при лучине, картошку навозом удобряли, грамоты не знали, телевизоров до часу ночи не смотрели.

Но детей, обратите внимание, именно тринадцать. Потому что дедушка был Петухов. Все, что касается заскоков, вывихов и разного рода приключений, мужчины нашего рода всегда брали на себя.

Почудили наши мужики. Ох уж победокурили. Не все, разумеется, но в каждом колене появлялся какой-нибудь герой, для которого пусть и наничку, но чтобы обязательно в отличку. Ходячие анекдоты. Про одного даже поэму написали. В честь него и папаня мой Лукой назван. Батя, сами знаете, мужик не промах, но до первого Луки ему не то чтобы далековато, просто сравнивать несерьезно – другие времена, разные масштабы. Вырождаемся понемногу. А что сделаешь, не мы одни. Мамонты вообще вымерли, и тигры уже наперечет.

Какая поэма, спрашиваете?

Веселая поэма. Был такой поэт – Иван Барков.

Не слышали, говорите.

Ну, вы даете! Его сам Ломоносов учил. Только к Ломоносову мой предок никаким боком, ни с какой стороны. Врать не буду. Чужой славы нам не надо. Со своей бы управиться. Просто ученик великого ученого сживал с моим предком за чарочкой. И не раз. Была у них такая общая слабость. Случалось, по суткам из-за стола не вставали. У одного было чего рассказать, а у другого талант имелся. И сочинил Барков поэму о подвигах Луки. Имя в поэме осталось настоящее, а фамилию он заменил – Мудищевым обозвал. Может, для конспирации, может, для лучшей рифмовки, может, ради озорства. Бабка наша, к примеру, считала, что Лука надоел поэту пьяным хвастовством, потому и заработал такую кличку. У деда своя версия была, он подозревал, что Баркова одолела мужицкая зависть. Уточнить теперь не у кого.

Кстати, и вокруг нашей фамилии полно тумана. Дед мой, батькин отец, уверял, что мы вовсе и не Петуховы, а Орловы – ни больше ни меньше. Не совсем из графьев, и фаворитам Екатерины не родня, но мало ли на Руси птичьих фамилий: Орловы, Соколовы, Гусевы, Сорокины. Однако менять фамилию пришлось как раз из-за этих самых фаворитов.

Веселые вести не лежат на месте. Узнал Алексей Григорьевич Орлов о великих донжунских подвигах Луки и струхнул за положение своего беспутного братца. Дело понятное – дойдут слухи до государыни, а там гадай: как она к такой любопытной новости отнесется, что в ее царскую голову взбредет, в какую сторону извилина под короной выгнется? Пока гадаешь, половину растеряешь, а вторую – отберут. И решил Алексей Григорьевич избавиться от соперника. Подослал он проверенного человека, чтобы упоил тот Луку, а там мало ли что с бедолагой по пьяной лавочке может случиться: с крыши упадет или в речке утонет – какая разница. Человека подослали проверенного, да не слишком подготовленного. Сели они за стол, а Луку сам Барков перепить не мог, сели в обед, встали вечером. Увязался человек Луку провожать. В обнимочку идут, песнюка давят. Вышли на мост. Собутыльничка заносит, и все в одну сторону,

все к перилам поближе. А перила низенькие, уронить через них – пару пустяков. И уронил бы. Да ловкости не хватило, в собственных ногах запутался, и сам вниз загремел.

А Лука так и не понял, с кем гулял, спасать кинулся и даже на берег вытащил, только откатать не сумели, слишком тяжело наглотался мужик.

Провалилась операция.

Не понравилось это Алексею Григорьевичу. Разъярился граф. Экий, мол, живучий, харя твоя подлая, брыкаться посмел. Разъярился и недолго думая послал к Луке женщину, чтобы соблазнила, а ночью впустила к сонному пару головорезов. Лучшую свою любовницу отправил, не пожадничал. Но горячая голова только на второй день умнеет. Разомлела графская любовница в объятиях Луки и все ему выболтала и про свое задание, и про человека, что через перила перекинулся.

Веселенькая информация, ничего не скажешь. Пришла очередь и Луке задуматься. Вроде и не робкого десятка мужик, но против лома нет приема: раз увернешься, другой – ускользнешь, а на третий и хребет переломать могут. И чтобы не искушать лишний раз судьбу, сбрил он свои пышные усы, уехал из Петербурга в Ярославль, а фамилию сменил на более скромную.

Был Орлов, стал Петухов.

Да хоть бы и Курицын. Дело не в фамилии. Волк вон каждый год линяет, а повадок не меняет.

Но это уже мои соображения. А что касается прапра (когда дедушкой его называю, как-то неловко становится), так вот Лука, я полагаю, кровушкой обливался от такой линьки. Если было все действительно так, как дед рассказывал.

Сам дед о потере фамилии горевал, и очень сильно. Но здесь уже другое. Ему позарез нужна была красивая вывеска. Потому что случалось бывать в таких домах и компаниях, где приличная фамилия заменяла и фрак, и бронжилет, и кошелек – на первое время, разумеется.

Дедушка мой был картежником. До одна тысяча девятьсот двадцать второго года – профессиональным. Потом, конечно, пришлось для маскировки на работу устраиваться, но основной доход все равно шел с игрищ.

Жили они в деревне, недалеко от Москвы, хотя, по тем скоростям, не так и близко. Бабка моя, красавица, с ребятишками мал-мала меньше кое-как поддерживала нехитрое хозяйство, а он, как настоящий артист, заявлялся туда только после гастролей. Прикапывал на тройке с бубенцами и полную коляску гостинцев вез. Удача, сами понимаете, подруга непостоянная, случалось, я полагаю, и пешочком, босыми пятками по холодной росе. Наверняка случалось, но об этом, кроме домашних, все быстро забывали. А запоминалось, когда под звон бубенцов, с подарками, когда из каждого кармана по сотенной торчит. Батя рассказывал, что сам видел, как вывалил дед из таратайки бабий плат полный керенок, так набитый, что концов еле на узел хватило. Да летучи шальные денежки: порхают, кружатся над домом, а редко какая ассигнация в родную семью осядет.

Частенько после хорошего фарта его сопровождала свита из веселых девиц. На двух извозчиках в деревню въезжали. Забывал мужик на радостях, что жена-красавица дома ждет. Надо же перед земляками пыль пустить. Заявится на родину с передвижным борделем и начинает демонстрировать широту натуры. Направо и налево одаривает. Ни для кого не жалеет: будь там староста или самый зачуханный мужичонка-бобыль – без разницы. Всем же хочется культурной ласки отведать. Бобылей даже самыми красивыми одаривал: для них в деревне вечный пост и разговеться негде, так пусть уж потешатся. Только допризывников не баловал, очень уж пекся о чистоте нравов подрастающего поколения. Мужики благодетеля по имени-отчеству величают, а для него это важнее денег и чинов.

Не всегда, конечно, гладко обходилось. Время было смутное, медицина отсталая, и попадались в его свите гости с «сюрпризами». Гуляют, веселятся, а дня через три иной подарочек возьми да и напомни о себе. И появляется у деревенского мужика «гусарский насморк».

Хорошо, если дед к этому времени укатить успеет. Под горячую руку-то ох как опасно попадаться. Случалось, и поколачивали, когда денег на откуп не оставалось. Но в общем-то зла на него не держали.

Потом, когда твердая власть установилась, дед на первое время притих. На собрания начал ходить. Чуть даже в начальство не выбился. Старший сын его, дядька мой, полком в Красной Армии командовал. А он, стало быть, отец героя Гражданской войны. О предках своих Орловых уже не вспоминал.

Но надолго его не хватило. На одном из политзанятий сравнил он Петра Первого с пиковым валетом, а Фридриха Энгельса – с королем треф. Сравнил из подхалимских соображений – короли, мол, запросто бьют валетов. Но председателю комбеда, или тогда уже сельские советы были, короче, главному активисту такое сравнение показалось контрреволюционным. Деду сразу припомнили и непролетарское поведение, и эксплуатацию веселых девиц, которых в деревню привозил...

Обиделся дед, уехал в Москву, устроился там золотарем, а в свободное время пиратствовал в игорных притонах. Отруби волку хвост, он все равно овцой не станет.

К тому времени уже и нэпманы силу набрали, появились места, где шальные деньги можно оставить и, главное, было с кем играть и у кого выигрывать.

Снова началась красивая жизнь.

Но длилась недолго. Нарвался дед на мужичка, ободрал его как липку: «лимоны» уже из кармана в карман перекочевали, часы с золотой цепью сменили хозяина, пиджак на кон пошел... да остановился на полпути. Вынул мужичок из того пиджака серьезное удостоверение, а из заднего кармана брюк – небольшой такой пистолетик, почти игрушечный.

И загремел мой дедушка на три года. И посадили его как левого эсера. Кто такие левые эсеры и чем они отличаются от правых или, к примеру, от меньшевиков – он не знал. Знал только, что они связаны с политикой. Потому и не удивился приговору – он ведь не у какого-нибудь нэпмана часы с золотой цепью выиграл, а у сотрудника серьезных органов. Значит, дело политическое. Значит, он действительно самый что ни на есть левый эсер.

Но первый срок оттянул он без особых лишений. Ни на Беломорканал, ни на Соловки его не отправили. Сидел недалеко от дома в какой-то пересыльной тюрьме. Организовал там обувную артель. Надо было во что-то заключенных обувать, вот он и плел для них лапти. Подобрал себе подручных поспоростивей и к концу срока стал, в некотором роде, главным модельером. Бригада гнала поток, а он – сувенирные экземпляры в экспортном исполнении для жен и подружек тюремного начальства.

Так что перевоспитать за три года его не успели. Вернулся он в Москву белокаменную и снова занялся любимым делом, а числился золотарем.

Кстати, вы знаете, кто такой золотарь?

Ювелир, говорите. Нет, ребята, чуточку поскромнее. Ассенизатор – увы, мои дорогие.

Ювелиром он был в другом деле, в любимом. Квалификация в кутузке не пропадает, и нужные адреса за три года не позабылись, правда, некоторые заведения успели по десять раз координаты сменить, но хороший волчий нюх за версту уловит дух. И снова зачастил он в дома, где собираются ловцы удачи. Однако осторожничал. Подозрительных людей старался не обыгрывать.

А когда в тридцать седьмом году его загребли по второму разу, и опять как левого эсера, дедушка очень удивился и потребовал разъяснений. Да некстати потребовал. Работы у следователя было невпроворот, и ликвидировать политическую безграмотность гражданина Петухова было некогда, поэтому отправили дедушку набираться ума-разума далеко-далеко за Уральский хребет, ровно на десять лет. И только в городе Тайшете, на таежной реке Бирюсе узнал он, что левые эсеры в карты не играют, а если и случается для времяпрепровождения, то всего лишь на шелбаны. Расстроился, конечно, что целых три года зря лапти плел, но, с другой стороны,

руки у него оказались развязанными, – если левым эсером его окрестили по ошибке, значит, играть он может с кем угодно. И он играл. А с его талантом даже в лагере был и сытым, и одетым, и пьяным, и с табачком.

Но это еще не все.

Гора с горою не сходится, а дедушка встретил в лагере того самого сотрудника, который сделал его левым эсером и упек на три года. Не среди кумовой встретил, а на соседних нарах. Вот такие вот зигзаги. Боженька любит иногда пошутить. Сотрудник, конечно, не узнал его – мало ли таких перед глазами промелькнуло. А для деда он все равно, что крестный. Тут хоть наголо остригись, хоть бороду отращивай – не замаскируешься. И сели они играть. Пока мусолили картишки, слово за слово, дед выведал у бывшего сотрудника, что ходил он в притон вовсе не по заданию. Так что отвернись в тот день удача, проиграйся дед – и гулял бы спокойно на свободухе. Но в том-то и дело, что проигрывать он не любил.

Обыграл крестного и во второй раз, и в третий обыграл. Да так обыграл, что фрукт этот расплачивался до конца срока.

Чем расплачивался, спрашиваете?

Не натурой. Дедушка в этих вещах был консерватором. Он в Бога верил. Выпивкой расплачивался, табаком, чаем и мелкими услугами: принеси, подай, портянки постирай. Лакея себе выиграл. И служил он дедушке до самого сорок седьмого года.

А в сорок седьмом дед снова вернулся в Москву. Улицы в столице, сами знаете, кривые, дня не пройдет, чтобы с кем-нибудь из земляков или родственников нос к носу не столкнулись. Так и дедушка зашел пивка выпить и оказался за одним столиком с дядькой моим по материнской линии. Пивом, конечно, не кончилось, особенно когда дед узнал, что у него очередной внук растет, в честь него Алексеем названный. Выпили за здоровье внука, потом за то, чтобы внук табак не курил, чтобы водку не пил, чтобы в карты не играл и так далее. От всех пороков вроде бы огородили. Пока такой огород строишь, и устать немудрено. Легли отдохнуть под кустиками. А время весеннее было, первые числа мая. Земля еще не прогрелась.

В три дня скрутило дедушку. Сибирские морозы перехитрил, а майское солнышко в западню заманило.

Такой вот корень.

Ботва тоже нежидкая выросла. Но ботва есть ботва.

Спрашиваете, за чье здоровье пили?

За мое. За чье же еще? Знал бы, что так получится, я бы не спешил на этот свет. Подождал бы до его возвращения. Авось бы и другим человеком вырос. Да как знать?

Точное время

А начались мои приключения еще до появления на свет. Тут и прапра, и бабушка, и папаня – все понемногу постарались. Наследства от Петуховых не остается, а от наследственности никуда не денешься. Чем богаты, как говорится...

Родился я в поезде, но это ничего не значит и к приключениям не имеет никакого отношения. Поезд – вполне нормальное место для рождения человека, которому суждено всю жизнь болтаться по различным вокзалам и гостиницам. Это еще не начало приключений. Вся закавыка в том, что меня вообще быть не должно. Судите сами: отец вернулся с фронта первого сентября сорок пятого, а тридцатого декабря сорок пятого года я уже родился. Теперь отнимите. Странная цифра получается, не так ли? Пусть и записали меня на первое января нового года – все равно не складывается и не вычитается. Правда, знал я одного химика, не из тех, что над пробирками колдуют, а из тех, что определенный отрезок жизни отдают на строительство химкомбинатов. Химик рассказывал, что родился четырехмесячным, и до получения паспорта его держали в банке со спиртом, потому он якобы и распахмелиться никак не может. Но химикам я никогда не верил и к спирту равнодушен – пиво предпочитаю. К тому же появился на белый свет, имея почти пять килограммов живого веса, это я сейчас поисхудал, а тогда пухленький был, щеки со спины проглядывались, и крикливый – все проводницы сбежались. Так что походил я больше на десятимесячного, заждавшегося свободы. Но каждый лишний месяц был против меня.

В такой арифметике без алгебры не разберешься.

И все-таки батя насчет моего происхождения не сомневался. Он знал, что появился я на свет благодаря жене майора Воскобойникова.

А история получилась такая.

Заняла батькина часть польский городишко. Вошли и остановились. Немцы, грешным делом, тоже умели воевать и отступали не так быстро, как нам хотелось бы. И вот заклинило. Время идет. Победа близка, а смерть еще ближе. Оттого и завелись шашни у командира батькиной части майора Воскобойникова с настоящей полячкой. Не выносил командир простоя. Да и полячка была с глазищами в пол-лица и волосами ниже колен. На войне – день за два, а военная любовь и того круче. Да тут еще месяц март. Майор свою подружку подарками заваливает. Солдатам тоже кое-что перепадает. И муштры никакой. Хороши деньки – ни длинные, ни короткие – только жаль, что их немного. Прошел слухок, будто наступление готовится. Майор для прощания с паненкой ящик шампанского раздобыл. Но тут уже заседания одно за другим пошли, майора туда-сюда теребят, вызвал он батьку моего и велел отвезти ящик по адресу. Сел батя в танк и погнал. У него эта игрушка с пушкой послушнее лошади была. Он на ней и за водой ездил, и вдовам пахать помогал, и по снабжению мотался. Снабженец на такой машине намного обаятельнее выглядит, ему и отказать не у каждого язык повернется. Дорога до командирской крали была знакомая. Едет, воображает, как погалантнее подарок преподнести. В переулке перед домом притормозил, ящик, перевязанный бантом, подвесил к стволу своей элегантной машины и подкатил так, чтобы подарок аккуратненько повис над подоконником – протягивай руки и бери... да помни блестящих русских офицеров и русских солдат-умельцев.

Жест изобразил, а оценить некому. Панночка моцион совершала. Посидел батя на крыльчке, покурил – нет хозяйки. Что делать? Обрато везти? Но приказано было вручить, а военные приказы должны выполняться, иначе не победишь. Взял он тогда гвоздик, поковырялся в замке, и дверь открылась. Для хороших рук это пара пустяков. Занес шампанское в хоромы панские, огляделся – лепота. Только порядку маловато. В стенку огромные часы вмонтированы, амурами да венерами разукрашенные, а не тикают. Мастеровой человек мимо сломанного механизма редко пройдет, а если механизм ко всему еще и диковинный, ненашенский

какой-нибудь, тогда к любопытству и бахвальству примешивается. А что греха таить, есть такая слабость у моих предков. И решил батя удивить командирскую зазнобу, повторить подвиг Левши и показать ей, что русский солдат не только стрелять умеет.

Голова у моего батяки шестьдесят первого размера, с такой, если даже на треть заполненной, можно в большие люди выйти, а у батяки значительно больше, чем на треть. Только образования серьезного не хватает. Времена сложные были, дедка наш... я уже рассказывал, дома не сидел, воспитанием не занимался и помощь от него нерегулярная, а семья большая, прокормиться трудно... Однако батя пять зим подряд бегал в волостную школу. Девять верст туда, девять – обратно. Учителей там было всего двое. Один вел русский язык, историю и географию, второй – арифметику и физику. Просветители были братьями и, плюс ко всему, близнецами. Оттого у батяки и знания получились немного путаными: Пифагор у него вместо Ганибалы с римлянами воевал, а Исаак Ньютон папуасов от проказы лечил. Только и поправить его в том захолустье некому было. Мать хвасталась, что охмурила самого грамотного парня, который не только читать-писать – велосипеды умел рисовать. А что? По тем временам велосипед был все равно что для нас космический корабль. После братьев-близнецов он еще на каких-то курсах поучился, и этого ему хватило, чтобы стать великим специалистом по тракторам и заодно первым парнем на селе. Благодаря стальным лошадам он и в тридцать седьмом на свободе удержался, когда деда и дядьку, бывшего командира полка, посадили. Кочевал из одной МТС в другую, где ремонт, где посевная, где уборочная – специалист везде нужен. Дело сделал – и дальше, пока любознательные товарищи присмотреться не успели. Так и уцелел. Вышел из окружения с минимальными потерями. Один раз патефон в спешке оставили, потом сундук в дороге не укараулили. И сестра потеряла полтора года.

Каким образом, спрашиваете?

Самым нелепым. Она родилась в тридцать шестом. А в тридцать восьмом маманя по неграмотности растопила печку ее метриками. С перепугу чуть в слезах не утонула. И не мудрено – попадешь в милицию, а там за потерю документа возьмут да и припаяют лет пять, если не больше... Батя, конечно, храбрился, утешал как мог. Только много ли сможешь, если не сегодня, так завтра в казенном доме поджидают. Но все-таки придумал: переехали в соседнюю область, и он, еще до устройства на работу, прямо с вокзала, заявился в больницу, выпил с кем полагается и получил справку, что в дороге у него родилась дочь. Восемнадцати месяцев как не бывало. Сестрицу такая потеря пока не удручает, омолаживает, можно сказать, но ближе к пенсии – как знать, там своя арифметика и счет в другую сторону пойдут.

Но батя в той суматохе о ее пенсии не думал, он и до своей-то не надеялся дожить. Одного посадили, другого сослали, третий без вести пропал... И надежда только на стальную лошадку, у которой черепашья скорость, и на госпожу удачу.

Однако вернемся к часам, они, конечно, не велосипед и не трактор, но очень уж захотелось батю себя показать.

Открыл, значит, дверцу и прикидывает, как бы в механизм заглянуть: один шурупчик отверткой потрогал, другой – покрутил... и вдруг стена подалась.

Представляете?

Чуть нажал, и она поехала, как турникет на проходной, вокруг оси. Не вся стена, разумеется, а часы, вмонтированные в дверь. Повернулись, открыли проход, а дальше – ступеньки в тайник.

Завалилась суббота за пятницу.

Батя чуть было не сунулся туда, но вовремя унюхал запах табака, запах благородный, а майор Воскобойников, кроме махорки, ничего не признавал. Да и зачем ему в тайнике прятаться на завоеванной территории? Значит, кто-то чужой... Батя потянулся за автоматом да вспомнил, что в танке его оставил – неудобно же к даме с оружием.

Как быть?

На столе – патефон и ящик с шампанским. На полочке перед зеркалом – ножницы и одеколон.

Кстати, об одеколоне. Выпил батя на День танкиста. Нет – не одеколону. Наружные напитки он употреблял строго по назначению. Выпил нормальной русской водки. И захотелось ему ради праздника постричься. А парикмахерша сдобная, как французская булка. Пока простыней окручивала, нечаянно прижалась. Потом еще раз. При ее работе без этого не обойтись, особенно если выпуклые места в избытке. А много ли пьяному надо, чтобы воспылать? Облапил за талию – и на колени. Да просчитался – дамочка оказалась чьей-то верной супругой и с характером. На его невинную шутку своей шуткой ответила. Сначала постригла под пионерскую челку, а потом вместо одеколону обрызгала какой-то вонючей пакостью. И батя с детской прической и странным ароматом отправился в гости. Хорошо еще не домой. Мама бы растолковала ему, с чем едят французские булки. Друзья-однополчане выручили, остригли его под Котовского, а запах попробовали одеколоном перебить, но не получилось. С неделю «благоухал».

Но это уже после войны было. А там... тайник, в котором прячется неизвестный враг, а под рукой только ножницы.

И как, вы думаете, он выкрутился?

А вот как.

Поставил немецкую пластинку. Врубил музыку на всю громкость. А сам бутылку в руки – и к часам. Спрятался за ними и ждет. Ждал недолго. Немец услышал свою музыку и понял это как приглашение: все, мол, спокойно, прошу любить и жаловать. Он даже насвистывал, поднимаясь.

Ну а дальше, главное, не перестараться, рассчитать удар так, чтобы бутылку об голову не разбить и память из «языка» не вышибить.

Это у бати аккуратненько получилось.

Пленника связал, шампанское выпил.

Через неделю к ордену Красной Звезды представили. Батя, когда еще патефон заводил, понял, что там офицер прячется, – не будет же командирская краля с солдатней путаться, но чтобы в тайнике целый оберштурмбаннфюрер сидел, да еще с важными стратегическими документами, этого он не ожидал, это чистое везение.

Кстати, и майору Воскобойникову повезло – окажись немец по чину ниже, чем он, – суда офицерской чести не миновать, быстренько бы подрыв авторитета пришили. Но майор и без суда скис. Мало того, что шуточки свои всегдашние позабыл, он и материться перестал. Все чего-то думает, думает. А чего думать? Ордену завидовать не должен – свои в три ряда. Из-за крали расстраиваться – тоже не в его натуре. Но что-то с мужиком случилось. Смотреть больно. Того и гляди под пулю подвернется. Посоветовались солдаты, которые из старичков – жалко терять боевого товарища в конце войны – и велели бате переговорить с майором, снять камень с его души.

Майор словно ждал его. Без всяческих прелюдий налил две кружки до краев и говорит: «Езжай, Лука, в командировку в город Сыктывкар, живет там у меня жена законная, и есть подозрение, что не очень она скучает обо мне, езжай и разведай, у тебя нюх на этих тыловых оберштурмбаннфюреров».

Но время-то военное, просто так не проедешь, поэтому выписали батяке командировку на Урал, не помню точно, в какой город, а по дороге он должен был заглянуть куда следует.

У жены майора Воскобойникова в городе Сыктывкаре никакого оберштурмбаннфюрера батя не застал, и тайника у нее в квартире не было. Да и не шибко-то он искал, не с его характером шпионить за чужими женами. Тем более что благодаря этой прекрасной женщине выкроилась ночка домой заскочить. Рискованно, конечно, было, могли и за дезертира принять. Поэтому затемно пришел и до рассвета вышел. Как будто и не было его.

Оттого и принялись соседи и кумушки считать да пересчитывать мои месяцы. Для мужиков аргументы найти нетрудно, а завистливой бабе рта не заткнешь. Мать, бедняжка, на улицу выйти боялась. Сидит и ревет целыми днями. Тут уже и батька испугался, как бы от такой нервной перегрузки дурачок не родился. С маленьким приветом, для нас, Петуховых, вроде как норма, но чтобы совсем дурак – это уже излишки, перебор называется. И плюнул он тогда на всю сплетенную свору одним плевком, погрузил свой табор в вагон и айда в столичный город Москву.

Самую малость не доехали, всего триста километров. И во всем я виноват, потерпел бы немножко – и родился столичным жителем. Куда там – свободушки захотелось. Видать, и вправду маманькино нервное напряжение сказалось на моих умственных способностях...

Пришлось выходить на первой же станции. Еще по дороге в больницу увидел батя, как трактор на буксире полуторку тащит, и понял, что работа для него найдется. На торфоразработке без трактора не обойтись, а трактору без механика... и подавно.

Здесь и завязли.

А вскорости облигация выиграла, так что у меня с самого что ни на есть начала – из одной крайности в другую.

Близкие родственники

Играть с государством в азартные игры на деньги – занятие рискованное. Дед мой считал, что карты намного надежнее облигаций. Но деду проще, шулер – человек свободный, а советский человек должен быть сознательным. У него выбора нет. Он обязан покупать облигации. И, представляете, одна выиграла. Мама с батей на радостях даже к имени моему примеряться начали. Жалели, что мальчик родился, была бы девочка, тогда бы обязательно назвали Облигация. Но какую-то память о выигрыше оставить хотелось. И они купили радиолу. Возвращаются с базара, а возле самого дома встречают парторга, да еще и с пустыми ведрами. Мама у меня суеверная, ей что поп, что парторг – все равно примета дурная. Бросила она отца с радиолой и сломя голову к люльке. А я уже выпал из нее. Лежу на полу и молчу, вот вам и везучий мальчик. Со мной ничего не случилось, а мать чуть от перепугу не умерла. Мне бы извиниться за неудачную шутку, но в полтора месяца говорить еще не умел.

С юмором между нами, Петуховыми, некоторые сложности – не всегда понимаем друг друга. Я уже намекал, что не всю мою родню по кочкам несет, основная колонна катит по наезженной дороге. Тетка моя учительницей в Питере работает, и дети у нее все учителя, даже дочери в галстуках ходят. А мои братаны – оба подполковники: старший – летчик, средний – подводник. Но закавыка не в чинах... просто те Петуховы, которые воображают себя нормальными, не то чтобы не любят других Петуховых, любят, наверное, однако считают, что мы их якобы позорим, поэтому стараются держаться подальше. Учителя и подполковники – народ солидный и от этой самой солидности немного неуклюжий. Потому и неловкости иногда случаются.

Батя мой приехал в Москву к младшему брату. Подарков огородных полную сумку приволок. Пришел в дом, а квартира на запоре. Скучно стало. И в сортир захотелось. Не бежать же в скверик – понимает, что в столице находится, неудобно родню позорить. Достал из кармана гвоздик. Поковырялся в замке. А вы же знаете, что в механике он кое-что петрит. Пять минут, и вход свободен. Забросил папаня вещички – и пулей на горшок. Даже дверь за собой не запер. И в ту же самую дверь чуть ли не следом за ним врывается наряд милиции. Старуха соседская увидела, как он к замку примерялся, и позвонила, а милиция, на удивление, не задержалась.

– Руки в гору! Сдать оружие! Кто такой?

Батя объясняет – к братану, мол, приехал, из провинции, фронтовик бывший... А милиция у нас недоверчивая, особенно к честным людям. Заковали в кандалы, дуло под лопатку – и повели. Шаг вправо, шаг влево – повторение мать учения. Выходят на улицу и нос к носу с братаном. Батя ему – выручай, мол, Андрюха! А тот видит конвой с пистолетами, морду тупой и – мимо своего дома, чтобы со следа сбить. Милиция тоже не глухая – извините, мол, товарищ, не сможете ли опознать задержанного гражданина?

– Не могу, – говорит.

А батя от такой наглости аж заикаться начал, наверное, и лицо перекосило до неузнаваемости. Стоит, бормочет:

– Ты что, Андрюха, родного братана не узнаешь?

– Первый раз вижу, – говорит и перед милицией извиняется.

А милиция – перед ним.

Доставили батю в участок. Допрашивают, но, кроме признанья в грабеже, ничего слышать не хотят. Байками про двоюродных слесарей московских кузнецов они якобы уже сыты.

А дядька поблуждал по закоулкам, убедился, что «хвоста» не прицепили, и домой пришел. Увидел подарки деревенские. Соседей расспросил. Узнал, что к чему и при каких обстоятельствах случилось недоразумение. Совесть заныла. Ночь промучился, а наутро отправился

выручать – не признал, дескать, извините еще раз, а напоследок с порога в третий раз извинился.

На батю, разумеется, извинений не хватило. С бати – бутылку, за то что выручил. Заступил, а магарыч слупил.

Думаете, перепугался? Нет. Осторожность проявил. Дело-то в сорок девятом было. Тогда многих гребли. Подумал, что в органах вспомнили непролетарского деда или какие другие грешки обнаружили – мало ли во что может влипнуть братец Лука... Короче, семь раз отмерь – один раз не зарежут.

Я, конечно, с батькой себя не равняю, но и мои братцы-подполковники порою шарахаются от меня. И началось это с самого детства.

Когда я родился, у старшего, который летчик, уже с девчонками шуры-муры налаживались. Свидания – одно за другим, а тут я, словно камень на шее. Даже хуже, чем камень. Камень молчит, а у меня голосище, как у пожарной машины, вдобавок и кран у этой машины держит не очень надежно, не сказать, что подтекает, но открывается без предупреждения. Сам я таких подробностей не помню, но братья утверждают, что именно так, и даже хуже.

Провинился братец, наказали его няньканьем, а у него свидание – пришлось идти со мной на руках.

И в его пору, и в мою все поселковые влюбленные встречались на линии – чем не бульвар: елочки в два ряда, сухая дорожка для прогулок и романтический ветер от пролетающих поездов. Какие там страсти кипели, как-нибудь после расскажу. Стоит, значит, братец и ждет свою принцессу. А я возьми да и надуй в пеленки. Не одеколоном, разумеется. Но без всякого злого умысла – откуда ему взяться в нежном возрасте – просто несчастный случай. Да как объяснишь, если в запасе единственное слово «УХО», я его на седьмом месяце освоил. Оправдаться не смог, и братан оценил мою неловкость как врожденную вредность. За добро – добром, а за вредность – вредностью. Зашел он в лес, засунул меня под елочку и скорее назад, к месту встречи. Пока бегал, подружка нарисовалась. Взялись за ручки и пошли. Маршрут у всех одинаковый: от казармы до моста, а если погода сухая, за мостом можно в березнячок свернуть. Да не ухмыляйтесь вы, им же всего по шестнадцать лет было, чистые, романтические прогулки. Весной за мостом подснежники росли, летом грибы попадались. Неважные грибки, но им, на мое несчастье, повезло – набрали на выводок белых. Одну семью срезали – вторую охота найти. После второй – третью, в азарте все забываешь. Часа три бродили. Потом нанизали добычу на прутья и, счастливые, повернули к дому. Забирать меня при подружке он постеснялся, проводил ее и потом уже побежал в лес.

Прибегает, а меня под елкой нету.

Пропал мальчик. Цыгане украли. Братан чуть ли не плачет. Да какое там чуть ли! Скулил, наверное, как соблазненная и покинутая. Это он потом уже рассказывал, как вернулся домой, спрятал за пазуху трофейный кортик, подаренный отцу майором Воскобойниковым, и направился в табор, чтобы отбить похищенного младенца или умереть. Задним зрением все мы красавцы, до табора он, кстати, не добрался. Батя перехватил. Пришлось объясняться, выкладывать, куда подевалось чудо в пеленках. А братан потому и рвался к цыганам и жизнью рисковать был готов, лишь бы избежать этого разговора.

Выволочка ему потом была, а для начала они помчались в лес, чтобы еще раз поискать, а то ведь молодые елочки, как цыплята, одну от другой не сразу отличишь.

Никакие цыгане меня не украли. А жаль. Глядишь бы, и распевал сейчас: «Мне, цыгану, по карману „Волгу“ быструю купить...» Нашли меня под одной из елочек. Спал, как суслик. А что бы не поспать на свежем воздухе под птичье пение? Самый здоровый сон.

Не украли меня цыгане из-под елки и украсть не могли, потому что цыгане в лес не ходят, делать им там нечего. Волки тоже не тронули, не водятся они в том лесу. Зато водятся

муравьи-ссыкунцы, и в больших количествах. Думаете, они человечину не едят? Едят. Еще как едят – и пропитую, и прокуренную, а уж от молоденькой – тем более не откажутся. Но я их перехитрил. Запах детских пеленок действует на муравьев как надвигающийся ливень. Он их по муравейникам разгоняет. Крохотный был, а уже учился выживать.

От цыган и волков спрятался, муравьев распугал – можно бы и расслабиться. Да в Библии вроде сказано, что покой нам только снится. Второй-то братец тоже в подполковники метил. Когда ему было одиннадцать, мне – четыре, и поэтому он считал меня круглым идиотом. Выйти со мной на люди для него страшнее пытки было. Особенно его раздражала моя красная рубаха, которую мать из собственной кофты сшила. А мне она, наоборот, нравилась. Откуда четырехлетнему пацану знать, что в женской кофте ходить неприлично? И брат мне тоже нравился, таскался за ним как хвост.

Забегал он как-то к дружку, а меня у калитки оставил. Сижу, скучаю. И вдруг вижу – гуси меня окружают, здоровенные, с меня ростом, шеи вытянули и шипят. Я хотел было за калитку прошмыгнуть, да опоздал – путь отрезали, не гуси, а группа захвата из войск особого назначения. Я в крик, да разве их гогот перекричишь?! Налетели, сбили на землю и на лежащего накинудись. Сначала я еще отбивался, одному ногой под клюв заехал – сразу шипеть перестал. Был бы в ботинках – лежать бы гусаку в нокауте, но ботинки по будням трепать не полагалось. Одного утихомирил, другие наступают, как те вятские – ребята хватские, полезут драться – семеро одного не боятся. И гуси такой же породы. Пришлось уходить в глухую защиту – голову руками обхватил и носом – в траву, чтобы глаза не выклевали. Но, обратите внимание, голову уже тогда берег, полагал, что это самое ценное во мне, – заблуждения ранней молодости. Когда братан спасать меня выскочил, я уже без сознания лежал. Чуть припоздай, и насмерть заклевали бы.

Братану за это побоище от батьки крепко перепало, а мне – от братана. Ну а гуси, они даже из воды сухими выходят, на то они и гуси.

Но я незлопамятный. В то же самое лето едва не погиб, спасая гусенка. Сидел на мостике, а по дороге стадо коров с пастбища возвращалось. Шло себе, да и ладно, они каждый вечер так шли, ничего интересного. Вдруг вижу, гусенок у них между копыт мечется. Пушистенький такой, малюсенький... наступят – и в лепешку. Ну, я и кинулся спасать. Так ведь он с перепугу не дается. Бегал, бегал за ним между коровьих ног и, видимо, поднадоел крупному рогатому скоту. Одна хвостом по затылку заехала, вроде как предупредила, чтобы не вертелся где не положено. Я не послушался. Тогда уже другая, которая построже, подцепила под зад и выбросила с дороги. Повезло, что на комолую нарвался. Но прелести полета и жесткость падения запомнились надолго. Кстати, летел я с куском хлеба в руке, было такое лакомство – корка черного хлеба с подсолнечным маслом и крупной солью. Так вот, когда я очнулся, сразу же начал горбушку эту искать, но не нашел, и тогда уже крик поднял. В очередной раз чуть Богу душу не отдал, но уже без братской помощи. Сам наскреб, а удача выскребла.

Потом, опять же без посторонней помощи, падал с дерева, падал с крыши и падал с лестницы.

Потом чуть не сгорел на рыбалке: придвинулся во сне к тлеющему костру и запольхал.

Собаки меня раз пять кусали, и одна вроде немножко бешеная была – чувствую, иногда меня как не в ту степь заносит.

Из ружья в меня три раза стреляли.

Бензином травился.

В машине угорал.

С мотоциклом под откос падал.

И так далее. Короче, весь набор аварий и несчастных случаев. Не знаю, как цел остался.

Единственное, чего не случилось, – ни разу не тонул. Видимо, и впрямь – кому суждено быть повешенным, тот не утонет. Но на всякий случай надо сплюнуть через левое плечо и постучать по деревяшке, то бишь по собственной, забубенной.

Дальние родственники

Я, пожалуй, обманул вас, когда заявлял, что у Петуховых сплошные крайности – или разгильдяй, или подполковник – и ужиться они не могут. Есть исключение – и тот и другой ужились в старшем брате моего отца. Обе крайности в одном человеке. Полком в Гражданскую войну командовал, а из кого в большие начальники вырос? – из самого отъявленного Петухова. Дед не прочувствовал, а пьяный поп не докумекал, какого сына Лукой обозвать, а какого – Михаилом. Ни к учебе, ни к ремеслу, не говоря уже о грязной работе, у дяди Миши тяги не просвечивало уже с детства. Зато драться был горазд. Чуть затронь, раскраснеется, как рак, вцепится в обидчика – два здоровых мужика оттащить не могут. Никому спуска не давал. Недели без драки не выдерживал. А едва усишки пробиваться начали, девки голову забили. Отправят непутевого косить, значит, – в кустах с какой-нибудь кралечкой спрячется. Отправят копнить – под первой же, самой крохотной, копешкой пристроится. Девки ради него последний стыд теряли. Отсюда и с парнями отношения не самые теплые. То в одной деревне подкараулят, то в другой. Иной раз еле до дома доползал, но день-два отлежится, и опять выбитая дурь скапливается, опять на подвиги тянет. И случилось темное приключение с приказчиной дочкой – или с обеими – по-разному рассказывали. Приказчик мужскую родню собрал, и устроили охоту, но пока ловили – сват приказчика с проломленной головой оказался. Суд – плох, а самосуд – еще хуже. Большие тучи над домом повисли. Парню деваться некуда, чтобы родню в свои беды не впутывать, пришлось в неполные восемнадцать бежать в город. Обиженные грозились разыскать и притащить в деревню для ответа, но тут стряслась революция, не до него стало. Наши думали, что пропадет сорванец. Если уж в деревне с пути сбился, то в городе совсем заплутает. А он ничего, выдурился. Бывшие подружки за упокой грешной души его свечки уже поставили и замуж повыходили, а он в конце Гражданской возьми и заявись в деревню... и не каким-нибудь условно освобожденным, а командиром полка с маузером на боку и саквояжем подарков в руке. Погулял неделю, свел с ума молодую учительшу и отбыл на Юг для прохождения дальнейшей службы по ликвидации недобитых банд. А оттуда в Туркестан – драться с басмачами. Легенды о его подвигах, одна страшнее другой, кружили по деревне и постоянно пополнялись. И Махно он чуть ли не изловил, и у Будённого на спор броневик выиграл, и со сбитого аэроплана в речку спрыгнул, и Ленина от второго покушения спас – все это якобы рассказывал он в своих письмах к учительше. Влюбленная женщина не жалела красноречия на своего героя. Народ с удовольствием слушал и разносил славу по округе. Только наши, Петуховы, не очень верили в ее байки, они-то знали: расписываться Михаил научился, а писать, мягко говоря, не очень. Хотя в геройстве ему никто не отказывал, ну и, конечно, в том, что касается женских юбок. Короче, вернулся дядька из похода женатым человеком и отцом трех наследников славы. Двое из них в одном месяце родились, а третий на полгода моложе.

Говорите, что такого не может быть?

У Петуховых все возможно.

Те, что постарше, родились на Украине. Клима, названного в честь Ворошилова, подарила законная жена... второго, Яшку, принесла цыганка-певица. Принесла, в смысле родила, а не подбросила папаше. Ну а третий – от узбечки. Иваном назвали. Одним словом – интернационал. «Кипит наш разум возмущенный и в смертный бой идти готов...»

Дед наш, как только после первого срока освободился, отыскал свою гордость, сына – красного командира, надеясь поскорее устроиться в новой жизненной ситуации. А тот и слушать не захотел ни о каких делах, пока старик не полюбуется на внуков. С женщинами дядя Миша вел себя, может, и легкомысленно, а детей любил во всю широту своей необузданной натуры. Поэтому и цыганку, и узбечку устраивал жить всегда поблизости от законной семьи и каждое лето всех троих пацанов отправлял в один лагерь – пионерский, разумеется, – для

развития и укрепления братских чувств. Правда, законный посматривал на побочных немного свысока, но родитель всегда наказывал его за гонор. Деду, кстати, больше других понравился цыганенок.

Потом деда арестовали во второй раз, а через полмесяца забрали и дядьку. Сыну пришлось отвечать за отца, или отцу – за сына, или каждому за себя? – дело темное, может, стукнул какой-нибудь урод, что красный командир подает пример многоженства – и загремел красавчик. Может, простая случайность, кабы знал да ведал, загодя пообедал. Только рассчитываться за случайность пришлось сполна. Невинный дедушка освободился через десять лет, а невинный дядя Миша так и пропал.

Случилось это, разумеется, в тридцать седьмом.

Клим к тому времени уже в комсомольцах ходил. Дурную весть, как неприличный запах, утаить невозможно. Учюли в школе, и сразу же комсомольское собрание.

Как? Почему? Откуда?

Настроились было исключать, а Клим, опережая бдительных товарищей на два хода, заявляет, что в родственных отношениях с гражданином Петуховым не состоит, и фамилия у него теперь не какая-нибудь, а Чумаченко – и даже пролетарское происхождение фамилии разъяснил, напомнил тем, кто не знает историю, что чумаками называли украинских крестьян, занимавшихся извозом. Вовремя сообразил перевести стрелку на материнскую линию. Короче, умыл ретивых и остудил горячих. Погасил волну и затаился, а перед войной без лишних осложнений поступил в институт.

Яшку с Иваном из комсомола никто не выгонял, потому как в родственниках врага народа не значились. Яшку, собственно, и выгонять было неоткуда, отряд передовой молодежи забраковал его за плохую успеваемость еще до ареста дяди Миши.

Законную супругу по допросам таскают, а цыганка с узбечкой как были в тени, так и остались. Женщины, даже подружки, тайно враждуют, а о соперницах и говорить неудобно. Мужское братство другим законам подчиняется. Попал один в беду, значит, остальным отсиживаться неприлично. Пришли Иван с Яшкой пострадавшего брата утешить, а тот им прямо на пороге повторил сказанное на собрании и дверь захлопнул. Яшка стучаться начал, потом грозить через дверь. Иван еле оттащил его, уговорил не поднимать скандал на людях, чтобы жизнь матерям не усложнить. Но настырный цыганенок все-таки подловил Клима на улице и «зажег» братцу по «фонарю» под каждым глазом за отречение от героического отца.

Потом началась война. Всех троих под одну гребенку – в пехоту. Но парни толковые, немного пообтерлись, и каждый по своим способностям определился. Клим немецкий знал и выбился в переводчики. Иван к снабженцам пристроился. А Яшку взяли в разведку. Петуховская кровь, перемешанная с цыганской, – для такого «ерша» лучшего применения на войне не придумаешь. Служил и смекалисто, и ловко, и удачливо, однако звезд на погоны не заработал. Зато на грудь – во всю ширину.

В ширину, говорю, а не в ширинку. Ухом надо слушать, а не брюхом.

Короче, осенью сорок третьего Яшку представили к звезде Героя. Но получить не успел. Обмывал награду с друзьями и по пьянке угнал машину у командира дивизии, а тому, по закону подлости, приспичило куда-то ехать. Дело повернули так, будто из-за несчастной машины сорвалась важная операция, – нашли стрелочника. И заступиться никто не посмел, и награды не помогли, цыганское счастье долгим не бывает. Трибунал, приговор к высшей мере, сразу же замененной на штрафбат. Пока в разведке рисковал – ни ранения, ни контузии, а там в первом же бою... Наповал. Батя мой уверен, что его какой-нибудь придурок из заградительного отряда застрелил.

А Иван, между прочим, вернулся с войны тоже при «иконостасе». Награды, правда, не ахти какие звонкие, но ведь не разведчик же, а самый обыкновенный снабженец. Не каждому на таком фронте отличиться дано. А он смог.

Дело в том, что кроме всяческого фуража и боеприпасов приловчился он поставлять на передовую веселых девиц для среднего комсостава.

Где он их находил, спрашиваете?

Да везде. Там, где есть земля и воздух, всюду произрастают и веселые женщины. Главное – разглядеть и уговорить. А уговаривать он умел, ласковый был, даже без выпивки в душу влезал.

Комсостав его, разумеется, ценил, только народец там неблагодарный, привыкший подарки как должное принимать. Но однажды Иван осчастливил кралей зачуханного писарчука, лысенького и с родимым пятном в полщеки. Не ради корысти, просто пожалел бедолагу. А жалость – не жадность – этот ключ самые тяжелые засовы на самых неожиданных воротах открывает. И писарчук, когда в очередной раз переписывал наградной список, внес в него Ивана. Сначала на медальку. Начальство не вчитываясь, подмахнуло. Через некоторое время операция повторилась. Потом еще...

После войны менять свою армейскую специальность Ивану не захотелось. Работы в России много, но хорошей всегда не хватает, особенно в Москве. Пришлось трясти наградами, полученными за ратные подвиги. Яшку награды погубили, а Ивана выручили – взяли его начальником снабжения в солидный трест. Самым молодым начальником стал. Был бы с дипломом, взлетел бы и выше. Но с грамотешкой не ладилось, не лезли науки в его хитроумную голову.

Клим – другое дело, тот после войны добил свой институт и прямым ходом – в научно-исследовательский, диссертацию писать. Да нелегкое, видать, это занятие. Три года писал и столько же переписывал. Неизвестно, когда бы эти писания закончились, если бы не встретил случайно незаконнорожденного брата, которого перед войной на порог не пустил. Кто старое помянет, сами знаете что бывает, тот в камбалу превращается. Врагов народа к тому времени тоже простили и тоже призывали старое не поминать. Что было, того не вернуть. Горячий Яшка наверняка бы довел старый разговор до точки, а Иван – мужик обходительный. Выпили по такому случаю. Клим рассказал о своих бедах, а Иван – о победах. У него к тому времени и впрямь была настоящая «Победа» стального цвета: купил списанную после аварии, а потом сделал ее новой. Выслушал Иван жалобы невезучего брата и попросил познакомиться с его учеными начальниками. И закрутилось дело. И расклинилось там, где раньше клинило. Умел Иван разговаривать со средним комсоставом, знал, с какой стороны подойти, а военный или ученый, для него разницы никакой.

По возрасту они мне в отцы годятся, а вообще-то приходятся двоюродными братьями. Каких только ветвей ни растет на петуховском родословном древе. Я с ними не знаком, редко в Москве бываю, а батя знал их еще пацанами, правда, Клим ему уже тогда не нравился, слишком капризничал, а к Ивану и после войны заезжал, с тем попроще, хоть и полы в коврах, и горка, полная хрусталя. Иван даже к нам обещал навеститься, да так и не собрался. И с какой, собственно, стати гнать легковую машину из Москвы в поселок, где на дорогах грязища по колено?

Как ни крути, а столичные родственники, они всегда – дальние.

Первые ошибки

Первый раз – в первый класс. Тогда еще без цветов приводили, потому что черемуха в лесах давно отцвела, а в огородах сажали только съедобные растения. Георгины в палисадниках появились года через три. Но образование было всеобщим и обязательным. Не сказать, что я сопротивлялся этому, но большим желанием отправиться в школу не горел. Вроде и любознательным рос, но дурной характер уводил мое любопытство почему-то всегда мимо школьных и прочих программ обучения. А в школу не хотелось просто из чувства товарищества. Дружок мой, Юрка, родился седьмого ноября. Двух месяцев не хватило. Он до тысячи умел считать. Отец ходил к директору школы, упрашивал принять, и все равно не взяли. Уперлись в букву закона.

Пришлось идти без друга. Первый день еле отсидел. Скукота. Представляете, целые сорок пять минут на одном месте: ни встать, ни пробежаться, сиди и слушай всякую чепуху. Не по мне такое времяпрепровождение. Во второй день уроки еще длиннее показались. А в школу идти как раз мимо Юркиного дома. И я на третий день возьми да и сверни к нему. Не скажу, что заранее придумал, как-то само собой получилось. Родители ушли на работу. Он спокойненько досыпает. Бужу. Глаза вытаращил, не поймет, то ли утро, то ли вечер. Сначала испугался, потом обрадовался.

Сели играть в подкидного дурака. Способности к картам у меня наследственные, в семь лет я уже взрослых обыгрывал. Сидим возле окошка и поглядываем, когда соседка моя, учительница, курочек домашних кормить побежит. Как только Александра Васильевна мимо окна промелькнула, я портфель в руки и домой. Мать ни о чем не догадывается. Уставшему от занятия лишнюю ложку сахара в кашу кладет. Ей кто-то сказал, что сахар учебе помогает. А кашу не только масло не портит.

На другой день снова к Юрке. Опять карты мусолим. Играем на щелбаны. У него на лбу шишка намечается, а у меня средний палец от битья заболел. Поднаскучило занятие. Хочется разнообразия. Но на улицу нельзя, заметить могут – поймают, в школу отведут. Я вспомнил про наш стог, он за дорогой стоял, рядом с огородами. Хороший стожок, особенный. Поселок-то на болоте строили, вода рядом, поэтому сено ставили на помостах. Вкапывали столбы, застилали жердями и хворостом, а на них вершили стог. Батя постарался приподнять или, наоборот, поленился глубокие ямы под столбы рыть, и у нас между землей и настилом, не только лежать спрятаться, но и сидеть было можно. Я это место еще летом облюбовал, мы с Юркой частенько там играли. Вот и решили навестить любимое логово, а заодно и огурцов посолить. Добра этого дома и у него и у меня полные бочки стояли, но интересно же самим попробовать.

Утром я исправно прошагал пятьдесят метров по направлению к школе, потом перебежал дорогу и крадучись, как разведчик в тылу врага, добрался до стога. Спрятался и жду. Юрки нет. Слышу, ворона на стогу каркнула. Чего прилетела, чего разоралась? Мне уже начинает казаться, что друга в плен взяли и допрашивают. Знаю, что не выдаст, но на душе все равно тревожно. Наконец-то появился. Проспал, как всегда. Но глиняную баклажку для засолки принес, не подвел. Где брать огурцы, головы не ломали. Чужой огород рядом. Днем, когда все на работе, боятся некого, заходи и собирай. Но идти – это слишком просто. Настоящие разведчики должны передвигаться только ползком. Ползать по мокрой траве не очень приятно. Геометрии нас еще не учили, но то, что кратчайшее расстояние между точками – прямая, мы уже знали. Однако еще не догадывались, что даже зверь не охотится рядом со своим логовом. Подползли к ближайшему огороду, раздвинули плетень и залегли в борозде между грядками. О том, что огурцы в сентябре уже отходят, мы даже не подумали. Кое-как насобирали корявых кособоких уродцев и очень обрадовались, когда попался здоровенный желтый огурец. И про укроп не забыли, с понятием действовали, даже корешок хрена выковыряли. С хреном долго

возились, я палец поранил, но не сдался. Если уж взялись солить, значит, надо все делать по-взрослому.

Потом, когда вернулся домой в перепачканной рубашке, маманя рассердилась, допытываться стала, чем нас в школе заставляют заниматься. Но я же сообразительный, быстренько придумал отговорку. Сказал, что на пришкольном участке кролик убежал под сарайку, и я ползал добывать его оттуда. Выкрутился, да еще и героем себя выставил.

Огурцы посолили по всем правилам, очень хотелось сразу же попробовать, но вытерпели, понимали, что сразу нельзя, для засолки время требуется. Решили перенести пир на следующий день. Ждать, конечно, тяжело, но к тому времени я уже знал поговорку, что быстро только кошки рожают, да и то слепых.

Долго ждать не пришлось. Вечером к нам заявила хозяйка огорода с милиционером – дядей Васей Кирпичевым.

Кто собрал урожай, пострадавшая выяснила и без милиции. Сама следствие провела. Тропа, которую мы животами и локтями пробили, подсказала, где воровское логово, а хозяйина стога она и без милиции знала. Дядя Вася потребовался, чтобы предъявить иск.

Сколько стоит полтора килограмма корявых огурцов? Ну, плети поломали, так опять же через неделю сама бы их выдрала. Стоят, разбираются. У тетки голос повышенный. Батя вынужден сдерживать себя. Тетка насадет – дядя Вася ей поддакивает. Батя возражает – дядя Вася соглашается с ним. Маманя не вмешивается, молчит. Когда спор начал вязнуть и затихать, пострадавшая выложила главный козырь. Им оказался тот желтый переросший боров, непригодный для еды, на который мы по глупости позарились и оставили огородницу без семенного фонда. Кончилось тем, что батя взял с подоконника два семенных огурца, а дядя Вася вернул, что рассаду для них аж из московского питомника привезли.

Пострадавшая смирилась. Отец пошел провожать представителя власти, а маманя стала разбираться со мной. Ремня у нее не было, но мокрое полотенце по мне погуляло, и очень изрядно. Попутно выяснилось, что и в школе три дня не был.

Исправлять меня поручили среднему брату. Он уже в седьмом классе учился. Ему приказано было сопровождать неслуха в школу, сдавать под надзор учительницы и проверять до последнего урока – не сбежал ли.

Братишка, надо сказать, тоже оболтусом рос и не очень-то радовался родительским поручениям: и грядки поливать, и уроки делать – все из-под палки. А тут, на удивление, расцвел и возгордился. Идем утром по улице, он меня за шкирку держит, как собачонку, которая в любой момент удрать норовит. А если дружки рядом появляются, он еще и приговаривает: «Я тебе покажу, как уроки прогуливать. Ишь ты, герой, учиться ему не хочется. Да я из тебя отличника сделаю».

До класса доведет, обязательно дождется учительницу, передаст прогульщика и обязательно откозыряет по-военному. Если учительница задерживается, ему приходится на свой урок опаздывать, но ждет. После четвертого урока тоже прибегает, и обязательно не один. Все должны видеть, какой серьезный парень растет. Подполковниками не становятся, ими рождаются.

За неделю такой опеки я полностью исправился. Мне даже нравиться стало в школу ходить, и на уроках почти не скучал. Мать с отцом про мои прогулы успели забыть, а брат все опекает и опекает. Я, грешным делом, попросил отца, чтобы освободил его от этой обязанности. Батя даже удивился его послушности. Поблагодарил братишку за службу и велел отдыхать в свое удовольствие. А он все равно не отступился, до самых октябрьских праздников, до конца первой четверти водил.

Кончилось тем, что я две пятерки заработал, а его в седьмом классе на второй год оставили.

Но тем не менее выдурился парень, в подводники попал, до подполковника дослужился, точнее, до капитана второго ранга. И Юрка, дружок мой, который в подкидного дурака играть не умел, каким-то секретным конструктором в Дубне работает. Но я им не завидую. Кому как, а нам эдак.

Происхождение асфальта

Теперь что в поселке не жить, теперь здесь, как в Париже. А раньше и дома были пониже, и асфальт пожиже. Ну, дома, скажем, дело вкуса. Один, чудака, за землю цепляется, боится на лишнюю ступеньку подняться, а другой и сотню готов отмахать, лишь бы его половицы оказались выше чужого потолка. О вкусах, как говорится, не спорят. Да и редко кто выбирает жилье по вкусу – берем там, где дают. С домами разобрались, а с асфальтом – еще проще. Вряд ли среди нормальных людей найдется любитель ходить по уши в грязи. А дороги в поселке были... вам и в кошмарах такие не снились.

Стоило осенним дождям выполнить свой план, и все беспаспортные попадали под домашний арест. Меня самого братан на закорках в школу носил.

Так школа-то в центре поселка стояла. А что на окраинах творилось! Как вспомню – так вздрогну.

И самой грязной была теперешняя Космическая улица, бывшая Техническая. Это позднее на ней домов понастроили, а раньше там одна пекарня стояла. Пекарня по одну сторону Технической, а хлебный магазин – по другую, через квартал.

Фургон с хлебом таскал мерин Кучумка, гибрид першерона и владимирского тяжеловоза. В поселке в те времена еще конюшня функционировала. Всеми делами на ней заправлял бобыль дядя Федя. Маленький такой мужичонка, но силищи невероятной. Два мешка овса мог за раз унести. Подойдет к телеге, подхватит мешок под мышку, повернется, подхватит другой – под вторую – и попер. А лошадей любил больше, чем себя. Редкий раз его без животины увидишь. Мне кажется, он и жил-то на конюшне, в пристройке. Мы его стариком считали, а ему еще и сорока не стукнуло.

Вроде и забитый мужичок был, но наотрез отказался гробить Кучумку на распушенной дороге. Пусть, мол, начальник на собственной тройке хлебушек возит – сам в корню, а две ляжки в пристяжке. Начальник побушевал, да так ни с чем и отступился. Вынес решение торговать хлебом прямо в пекарне.

Как вы думаете – кто всех медленней ползет?

Черепаша, говорите? Ошибаетесь, дорогие. Очередь. Сколько времени выстоял я в очередях! Если подсчитать, то по месяцу в год верняком выйдет. Они мне до сих пор снятся. Хорошо еще, если с веселым дружкой на пару окажешься. А если один. Тоска. Это взрослый – пока планы строит, пока в памяти копается – глядишь, и у прилавка оказался. А пацан? Ему же вспоминать не о чем. Ему играть хочется. А тут на месте топтаться заставляют. Хорошо – час-полтора, а зачастую и дольше. Тогда же не штучным торговали, а на развес. Теперешние пацаны и не представляют, что такое довесок с хрустящей корочкой...

А завершалась эта каторга форсированием Технической улицы. Редкий раз не завязнешь. Иногда вроде и проскакиваешь. Вроде и грязюка не злая, не тянет с тебя сапоги, так нет же, словно тебя черт подзуживает. Начинаешь понарошку буксовать, дразнить ее, как собачонку. А когда спохватишься – уже поздно. Торчишь, как пенек, посреди дороги. И кажется, что выползет сейчас трактор из-за поворота, сровняет тебя с колеями, и никто не узнает, где могилка твоя. Вроде и при папке с мамкой растешь, а чувствуешь себя самой распоследней сиротиной. В те годы много песен про них ходило. Жалко себя становится. Начинаешь хныкать. Сначала себе под нос, потомходишь во вкус и врубаешь сирену на полную громкость. На другом конце поселка слышно. Только непонятно, то ли пацан на дороге завяз, то ли боровка легчат. Прибегает какой-нибудь дядя, вытаскивает тебя, садит босого на перила мостика, и ты ждешь, поджав ноги, и смотришь, как он вытаскивает твои сапоги.

Так вот и жили.

Но однажды застряла на Технической улице директорская жена. Серафимой Николаевной звали, как сейчас помню, представительная женщина была, пудов семь тянула, не меньше. Что делать жене директора на пекарне – я не знаю. Какая нужда гнала, какие заботы? Может быть, искала тесто, может – чью-нибудь невесту. Что теперь гадать? В общем, застряла.

Первым ее увидел Ванька-крапивник. Такой пройдоха был, везде успевал. Прибегает ко мне и говорит: «Дашь красной резины на рогатку – чудо покажу».

Знал, что я целую калошу у батьки выпросил. Пришлось отрезать. По соседству еще кое-какие пацаны обитали, так он у кого крючки рыболовные выманил, у кого – на велосипеде покататься. Торгуется, а сам торопит, пугает, что чудо увести могут.

Прибегаем – никто не увел.

Стоит Серафима Николаевна посреди дороги и молчит. Величественно стоит, как статуя, только полы бостонного пальто поддерживает, чтобы не испачкались. Фельдшер, Филипп Григорьевич, мимо шел. Раскланялся с ней, спросил – не беспокоит ли давление. Серафима Николаевна только улыбается в ответ. Филипп Григорьевич дальше потопал. А мы хихикаем. Невдомек дуракам, что неудобно ей на помощь звать. Не хухры-мухры все-таки, не какая-нибудь Дунька из вербованных. Нам смешно, а ей не до смеха. Даже губы побелели. Так накусила их, что вся краска сошла. И время такое вышло, что взрослых никого на улице не было. А у нас, если бы и хватило ума помочь, так силенок не хватило бы. Я же говорил, что в ней не меньше семи пудов было, если не больше.

Стоит благородная женщина в грязи, бледнеет от позора, а дурачкам смешно.

Тут-то и появился Федя-бобыль. Глянул на этот пейзаж, да как цыкнет на нас, а сам не раздумывая – на дорогу. Пробрался к ней, присел и пропал под подолом. Сгинул, словно его и не было. А дальше как в кино. Серафима Николаевна всплеснула ручками, сказала: «Ах!» и поплыла, аки по суху, едва касаясь носками хляби Технической улицы. Ни дать ни взять – бегущая по волнам. Выплыли они на мостик. Феде, бедняги, почти не видно. А она ножками по воздуху переступает, ручками балансирует, все хочет показать, что сама идет. А когда твердь под ногами почувствовала, вся зарделась, губку закусилась и вперед – ни слова не говоря и не оглядываясь. А спаситель ее, потный и красный, как вареный рак, чесанул в другую сторону, тоже молчком и не оглядываясь.

Я уж не знаю, поведала Серафима Николаевна мужу о своем приключении или нет, только вскорости начали возить на Техническую улицу щебенку, потом пригнали каток и привезли асфальт. А уже после Технической взялись и за центральные.

В шестьдесят первом году, когда самой модной и знаменитой фразой стала: «Поехали!», заасфальтированную улицу переименовали в Космическую. А за месяц до этого умер дядя Федя. Его именем улицу, конечно, не назвали. А зря. Будь моя воля, я бы и сейчас ее переименовал. Старики его до сих пор вспоминают, правда, не по фамилии, а просто: Федя-конюх или Федя-бобыль.

Сладкие яблоки

Есть хороший флотский закон – подальше от начальства, поближе к камбузу. А мне все детские годы пришлось кантоваться в одном доме с учительницей. Разве это детство? Разве это жизнь, когда ты словно козявка под микроскопом на стеклышке выгибаешься. Дом двухквартирный, и все внимание на тебя. Двойной контроль. В школе не успел набедокурить, а батю уже доложено. На улице лишний шаг сделал – в учительскую волокут. Ладно, еще если за грехи, а чаще всего только благодаря подозрительности Александры Васильевны. Вечером из поджига выстрелил, а утром уже в директорский кабинет под конвоем физрука и пионервожатой. Кто-то из пацанов трубки на дрезине отпилил. А я при чем? Стащили медные, а у меня на поджиге – бронзовая с толстыми стенками. Но не предъявлять же своего безотказного красавца как вещественное доказательство. Им покажешь – и сам больше не увидишь. А в переломном возрасте нет ничего позорнее, чем оказаться разоруженным. Стою, как партизан на допросе: не знаю, не видел, не слышал. . . Вожатая что-то пискнула – я на нее ноль внимания, на физрука – тоже, разговариваю только с начальством, смотрю прямо в глаза. Рассеял подозрения. Выставили за дверь, велели подождать. Потом физрук выходит с ласковой улыбочкой, за плечи обнимает – и снова на ковер. Не мытьем, так катаньем. Ладно, мол, верим, что дрезину ты не трогал, но кто-то все-таки отпилил, и тебе не трудно узнать – кто. На вшивость испытывают. Где уж мне, говорю, с таким поручением справиться, здесь надо кого-нибудь из отличников привлечь или председателя совета отряда. Вожатая как взвьется: не позволю, мол, активистов позорить! Какой же, говорю, позор, если они ваше поручение выполнят. Это, наоборот, высокая честь. А она совсем озверела, слова подходящего подобрать не может, только глазами ест. Жрет, можно сказать, кусками отхватывает. Чувствую, сначала одно ухо вспухло от ее взгляда, потом другое. И физрук на всякий случай за локоток взял, нежненько так – едва слезы не выступили. Бог любит праведника, а судья – ябедника. До праведника мне далековато, но и директор не Бог. Короче – отпустил. Мужик он был, в общем-то, неплохой, жаль, в другой район перевели.

А вот соседку нашу Александру Васильевну, к сожалению, никуда не перевели. Накрепко приросла. Сажены яблок в палисаднике посадила и урожая дождалась.

Дворы у нас заборчиком разделены, чтобы кур не перепутать, а палисадник общий: четыре грядки их, четыре – наши. Там эти яблоньки и росли. Одна антоновка, а вторая – не знаю, как называется, но яблоки – с хороший кулак, и красные такие. Идет шпана по дороге, а они сами в глаза лезут, аппетит дразнят. Ну, как тут стерпишь? Какие нервы нужны!

Но я терпел.

Мне проще было в Новоселье за три километра сгонять, а то и в Добрыни, там в двух местах еще краснее висели. В те годы в Добрынях мальчишка вальтанутый жил. Лет до двенадцати бегал по деревне без порток, но в рубашке. Попросишь загар показать, он рубашку задерет, и белой спиной хвастается. Потом приехала какая-то тетка из Питера, забрала его с собой, вылечила у знахарки, и он к тридцати годам не то профессором стал, не то кандидатом.

Я в этих Добрынях тоже в интересную историю попал.

С мешками по чужим садам мы не лазили, совесть не позволяла. Яблоки за пазуху складывали или в шаровары, тогда еще не тянучки носили, а сатиновые, широченные, как флотские клеши.

Верхнюю резинку оттянул и бросай – много уместится. Убегать с полными штанинами яблок не совсем удобно, но когда лезешь в сад, надеешься, что убегать не придется. Работали чисто.

И в тот раз набил обе штанины яблоками, выполз аккуратненько, на велосипед – и до свидания. С километр от деревни отъехал. Бабы навстречу идут, из леса возвращаются. Поравнялись почти... и здесь, как на грех, резинка на порточине возьми да лопни. И посыпалась

моя честная добыча бабам под ноги... Это мужики у нас тугодумы, а бабы махом сообразили, откуда в моих штанах яблоки появились. Что делать? Была бы дорога хорошая, на скорости бы проскочил, и привет. Была бы дорога... а там две колеи и обе не свои. Пылища, еле педали проворачиваешь. Ухватили за руль, а потом за волосное управление – и к земельному суду. Бить не стали, просто спустили шаровары, вытрясли остатки яблок, а взамен крапивы натолкали.

Между прочим, крапива очень помогает при геморрое, только откуда ему взяться в юные годы, да и лечили меня от другой болезни. Но народная медицина весьма полезительна.

И все равно – соседские яблочки меня не трогали. Я их тоже. Однако пользы от моей честности не было. Кто бы ни залез – виноватым считали меня. По железобетонной логике Александры Васильевны получалось: чем проще взять, тем сильнее хочется. О том, что бывает и наоборот, она, к сожалению, не догадывалась. Это уже вне школьной программы.

Кому-то яблочки, а кому-то шишки.

А шишки быстрее приедаются. Особенно напрасные. Извилины начинаешь напрягать. Помните, как Ньютону яблоко на темечко упало, и он сразу же эврику изобрел? Я в ту пору об эврике не знал, но когда из-за яблочек соседских кое-что прилетело, изобретательность быстренько проснулась.

Спрашиваете, что я сделал?

Воспользовался подсказкой.

Вышел под утро в наш общий огород и обобрал соседские яблоки. Но не сразу. Сначала я потоптался по своим грядкам, морковку подергал, три георгина сломал, а потом уже снял урожай с чужих яблонь. Бережно и тщательно. Неплохой урожай. И вместе с нашей морковкой отнес к поросенку в хлев. Сам принципиально не тронул, хотя тайнички у меня имелись, и очень надежные. Но не тот случай. Устроил хрюшке праздник и снова вернулся в огород, подошел к забору, раздвинул монтировкой пару штакетин, бросил яблоко возле лаза, а второе выкинул на тротуар. Оно, правда, в канаву скатилось, пришлось вылезать и подыскивать место, чтобы и видно было, и никто случайно ногой не поддел.

Единственное что упустил – забыл стереть отпечатки пальцев, но Александра Васильевна о них тоже не вспомнила.

А утром возле дыры в заборе встретилась она с моей маманей, поохали они, повздыхали, поругали поселковую шантрапу, да и разошлись с миром.

Все обвинения с меня были сняты.

Для полной победы справедливости не мешало бы заставить Александру Васильевну извиниться передо мной, но сам я не догадался, маленький был еще, а подсказать эту наглую идею было некому.

Коза и капуста

Я уже рассказывал, как дед о чистоте молодежи пекся, и батяня мой следом за ним вздумал нас оберегать. Все надеялся от дурной наследственности избавиться. И получалось по его словам, что городских детей в магазинах покупают, а поселковых и деревенских – в капусте находят. Вроде складно. У Ваньки Голованова ни отца, ни огорода не было, потому, наверное, и поговаривали, что его в крапиве нашли. Только странное дело, Ваньку на улице Крапивником называли, а нас Капустниками никто не звал. Я возьми да и поинтересуйся у батьки – почему? Он глаза выпучил, затылок почесал, но так ничего и не придумал, а чтобы я лишнего не спрашивал, сунул мне в руки корзинку и отправил в лес крапиву щипать.

Крапивой кормили поросенка Борьку. В те годы многие держали свиней. Нам, пацанам, чуть ли не каждый день приходилось брать эту нежную травку. И ватагами ходили, и по одиноким – у кого какой характер. Но, кстати, о детишках – ни одного ребеночка в крапиве не нашли, а в какие только чащобы не забирались!

У меня до сих пор, только сала поем, сразу руки начинают чесаться, как от ожогов.

Борьки были каждый сезон новые, а коза Майка жила долго. Сначала мы держали корову. Февральской звали. Но с сенокосом было тяжело. Косили по-партизански, на лесных полянах, подальше от глаз – земля-то вокруг колхозная. Частенько случалось, что засекут косарей, но не штрафуют, даже выговора не сделают, а потом, когда сухое сено уже в копешки сметано, – приезжают и увозят. И никому не пожалуешься. Устал батя от таких приключений, корову продали и завели козу – на нее все-таки легче наворовать.

И вот как-то в конце каникул подзывает меня батя и говорит: «Слушай, Ленчик, коза у нас разболелась, отведи-ка ты ее в деревню к дяде Грише, а он там с ветеринаром договорится».

Сам батя отвести не мог, с радикулитом маялся, а мне все равно делать нечего и, главное, идти надо было в Новоселье, в деревню, где самые лучшие яблоки. Три километра – дорога недлинная, но одному топтать все-таки скучновато, и я заманил с собой Крапивника, вдвоем и за яблоками лазить сподручнее.

За лечение Майки батя велел передать двадцать пять рублей: старыми, разумеется, но это все равно больше, чем теперешние два пятьдесят. Идем мы с Ванькой и мечтаем: вот найти бы нам такую бумажку, сразу бы купили по пистолету-пугачу, гору пистонов, а на остальные обязательно халвы.

Мечтаем, фантазируем, и вдруг Майка наша как сиганет в сторону, да как припустится, да не куда-нибудь, а напрямик на конюшню Феде-бобыля. Вроде и больная, а носится как сумасшедшая, хорошо еще не в лес чесанула, попробуй там излови. Подбегаем к конюшне, а из ворот навстречу нам – Федя. Я же говорил, что он со своими лошадьми не расставался. Встал поперек пути, посмеивается: куда, мол, пострелята, намылились? А мы: как куда? Коза убежала. Нам не до смеха. А он знай похохатывает. Ничего, мол, страшного, успокоится, потом сама выйдет. Ну, если дядя Федя говорит, значит, так оно и есть, он любую животину, как себя, понимает. Я присел у тополя, жую травиночку, жду. А Ваньке, будто муравей под рубаху заполз, ерзает, не сидится ему. Шепнул, чтобы я без него не уходил, а сам побежал за конюшню. Зачем – не сказал. А возвратился с такой ехидной мордочкой. И снова на месте усидеть не может. К Феде-бобылю пристаёт – не пора ли на Майку посмотреть, может, успокоилась уже? Конюх сердится, пугает, что бельма на глазах вырастут, и от ворот не отходит.

Смотрю на них, чую, что оба хитрят, а спросить не решаюсь, боюсь, что Крапивник потом засмеет.

Однако дядя Федя не обманул. Майка вышла и спокойная, и послушная. И мне как-то спокойнее стало. Один Ванька дергается. Торопит меня. Только смотрю, что Майку он не в сторону деревни погоняет, а к магазину. Я снова ничего понять не могу. Тогда он возьми да

и спроси: знаю ли я, чем коза заболела. А мне откуда знать. Заболела чем-нибудь, если к ветеринару отправили и двадцать пять рублей дали. А он: «Да не надо ей уже никакого ветеринара, ее Гоша вылечил».

А Гошей звали здоровушего черного козла, которого Федя-бобыль держал на конюшне, чтобы тот своим духом ласок и хорьков отпугивал. Они ведь не только мышей ловят и кур таскают, они лошадь до смерти могут зачекотать. Смелые, ничего не боятся, кроме козлиного запаха. Говорили, что Гоша этот раньше в цирке работал. Но однажды не в духе был и наподдал под зад жене начальника милиции. Та его по брюху погладить хотела. А ему не понравилось. Начальнику милиции тоже не понравилось, что его законную супругу какой-то цирковой козел боднул. Казус-то при свидетелях получился. И пришлось Гошу увольнять, потому что милиционер грозился дело на дрессировщика завести. Тут Федя-бобыль и подвернулся, купил его за бутылку «сучка». На конюшне Гоша подобрел и никого не трогал, но кое-что от цирковой жизни в нем осталось. Сунет ему беломорину кто-нибудь из мужиков. А он – чмок, чмок – как заправский курильщик дым кольцами пускает. Если водкой угощали, еще смешнее исполнял – лизнет из чашки и сразу же: ме-е-е – закусить просит.

К нему-то наша Майка и чесанула. Ванька для того и убежал, чтобы подсмотреть. Тут он и растолковал мне про капусту и крапиву, и даже про аборт.

Получилось так, что двадцать пять рублей, предназначенные для ветеринара, мы сэкономили. Оттого и спешил Ванька к магазину. Да я и сам давно уже облизывался, глядя на пугач с пистонами.

Ох и настрелялись же мы в тот день. Зашли в лесок, привязали Майку на полянке с густой травой, а сами устроили игру в пограничников. Палили, не жалея пистонов, даже по две штуки заряжали, чтобы выстрелы гремели, как настоящие.

Хватило нам и на халву.

Возвратились домой поздно вечером. Батя спросил, почему так долго ходили. Я сказал, что по дороге в деревню Майка убежала четыре раза, а ее, сумасшедшую, и вдвоем не сразу поймал. Дурачком прикинулся.

«А когда назад вели, не бесилась?» – лениво так спросил, якобы без особого интереса.

Спокойная, говорю, прямо шелковая.

Маленький был, а хитрый, как по нотам разыграл. Батя после таких подробностей словно забыл про Майкину болезнь. А мне только этого и надо. Через неделю я уже и пугач свой прятать перестал.

Потом, уже в сентябре, когда уроки начались, заглянул к нам дядя Гриша. И зашел, видно, разговор о Майке, тут-то все и прояснилось.

Батя подзывает меня, берет за ухо и спрашивает: «Значит, убежала, говоришь, целых четыре раза?»

Пришлось выкладывать все начистоту и по порядку.

Я хнычу, батя хмурится, а дядя Гриша хватается руками за живот и от хохота чуть ли не плачет. Все бы ничего, да велся этот допрос во дворе, у нас там столик стоял, за ним они как раз и выпивали. А через забор от нас, я уже говорил про свое невезенье, жила учительница, Александра Васильевна. Она в это время белье вешала. Дядя Гриша возьми да и похвали меня: вот, мол, какой орел растет, даром что сопли под носом болтаются, а уже соображает, что к чему.

Александра Васильевна ничего не ответила.

Зато через два дня собралась в школе пионерская линейка, и при всем честном народе меня из звеньевых разжаловали в рядовые.

Поставили перед строем, подошла пионервожатая с опасной бритвой и отпорол с моего рукава накрепко пришитую маманей лычку. И ведь какую формулировочку подобрали – за издевательство над животными.

Сейчас я уже не помню – в четвертом классе я учился или в пятом, но до самого окончания школы я так в рядовых и проходил, ни на одну выборную должность меня после того судилища не выдвигали.

Охота на моржа

Кто-то из мудрецов, Пушкин вроде, а может, и Шопенгауэр, точно не помню, сказал, что слава – это яркая заплатка на грязной одежде. Им, конечно, виднее, хотя одежда, если очень грязная, она и без яркой заплатки в глаза бросается. Забавнее, когда наоборот. Ходил вроде нормальный, аккуратненький человечек, а прилепили ему эту самую заплатку, и понеслось... и одежда чистая вроде не к лицу, и портки через голову натягивает, и валенок вместо шляпы примеряет.

Медсестра в поселке жила. Приехала после училища. Два года уколы ставила, и никто внимания не обращал.

И вдруг по центральному радио идет объявление: «По заявке медицинского работника Веры Терликовой исполняется „Песенка Дженни“».

Слышали такую песенку?

Так-то вот! Она знала, что заказывать. Попросила бы – «Марина, Марина, Марина, приди на свиданье ко мне» – не больно бы разбежались, таких просителей и в городе полно. А в «Песенке Дженни» только название простенькое, даже вроде игривое, на иностранный манер, зато слова самые те: «Там, где кони по трупам шагают, где всю землю окрасила кровь – пусть тебе помогает, от пуль сберегает моя молодая любовь». И припев подходящий: «Если ранили друга, перевяжет подруга горячие раны его».

Как для медицинского работника такую песню не исполнить?

Не все, конечно, концерт слышали, в рабочий день случилось, но свидетелей хватило. Сам директор предприятия позвонил в амбулаторию и поздравил. Вечером в клуб пришла – сеанс на полчаса задержали. Володька-киномеханик вылез из будки и никак не мог пробиться к ней, чтобы расспросить, каким образом в передачу попала. Почтальонша потом рассказывала, что за неделю из поселка на радио восемьдесят четыре письма отправилось. И все, разумеется, с заявками. Да без толку. Там, видно, решили, что для нашего поселка достаточно Веры Терликовой. Ни одной песенки не спели. Хорошего понемногу. А водичка-то на Веркину мельницу – единственную уважили. Каждый вечер у общежития почетный караул под ее окнами. Здоровенные парни в амбулаторию толпой на уколы валят. Да припоздали чуток. Состав уже скорость набрал. Теперь уже догонять надо и на ходу прыгать, а для этого и смелость нужна, и ловкость. Нет бы раньше угадать, когда она два года подряд на танцах в углу скучала, а в будние дни готовилась поступать в институт и зубрила: уж замуж невтерпеж... А теперь новые правила и новые исключения. Разборчивая стала. За неполный месяц дюжину женихов перебрала.

И остановилась на инженерере-конструкторе. Не сказать, что самого видного или самого ловкого выбрала, она дальше смотрела. Через год у жениха срок отработки заканчивался и собирался он уезжать в родной город Златоуст, а может, и в Лихославль, сейчас уже забыл, да какая разница – из нашего болота любая дыра с красивым названием столицей казалась. Конструктор поначалу сутулился от постоянного ожидания разговора с неудачниками. Дело понятное, могли встретить и проучить, а приезжего – сам Бог велел. Но все обошлось мирно. Радио все-таки, неизвестно, какие там порядки. Короче, успокоились. У конструктора уже и спина стала распрямляться, и в кино на последний сеанс не боялся ходить. Да и поселковая шпана в те годы незлопамятной была.

Беда подкралась совсем с другой стороны.

В поселок приехали снимать кино для телевидения. Человек пять прикатило, но особенно бросались в глаза двое: оператор с тоненькими усиками и в красном берете, весь из себя приклатненный, и девица с огромной рыжей гривой, разгуливающая по улицам без платка. Не торопитесь с выводами – оператор на Верочку Терликову не позарился, а рыжая на конструктора и подавно.

Вы, наверно, думаете, что они приехали снимать какого-нибудь ударника семилетки?
Начальство тоже так думало.

А они направились к Лехе-пожарнику.

Мужик этот каждый день в проруби купался. Кто бы подумал, что за такую дурь в телевизор можно попасть? На поселке к нему давно привыкли, а для городских оказалось в диковинку.

Узнали.

Раскудахтались.

Прикатили.

Пока они в доме приезжих размещались, председательница поселкового совета прилетела, Никодимова Прасковья Игнатьевна. В те годы она еще сама бегала, а не к себе вызывала, молодая была, да и гости не совсем обычные. Прибежала и с порога: «Как так... почему пожарника, а не маяка производства?»

В маяках по добыче торфа Вовка Соловьев числился, он и сейчас, как я слышал, из президиумов не вылезает – железный мужик, ведь знает, что всему поселку известно, на чем держится его слава и сколько народу на эту славу горбатится, все знает и хоть бы раз покраснел. Но приезжие на Соловья не клюнули. Их такими баснями давно закармлили, до оскомины наелись. Тогда Никодимова побежала к пожарнику, чтобы успеть подготовить к съемкам, научить, о чем говорить – проинструктировать, а заодно и посмотреть, есть ли у него в чем к незнакомым людям выйти, а то он и на работу и в кино в одной и той же фуфайчонке, в пожарке выданной. Прасковья думала, что он пальто бережет, а у него такого излишества и вовсе не оказалось. Ему-то и начхать, а ответственному работнику опять суется. Денег на покупку он, конечно, не дал. Тогда она побежала в магазин, выбрала дорогое пальто с каракулевым воротником, точно такое же, как у собственного мужа, а деньги велела высчитывать у пожарника из зарплаты в течение года. Потом ее личная портниха до утра подгоняла обнову к нестандартной фигуре неожиданного героя. Зато на съемку пожарник заявился, как заправский барин, в пальто, надетом на голое тело, и в заграничных плавающих, которые люди с телевиденья привезли специально для него.

Съемку назначили на два часа. Срок сообщили только активистам под строгим секретом, но разве такое утаишь?

Никодимова пришла намного раньше операторов, чтобы порядок навести, и все равно опоздала. Народищу на водоеме собралось, аж лед потрескивал. И не только мы, пацанва любопытная, даже мужики из механических мастерских вывалили, прямо в спецовках, благо что мастерские рядом. На этом Прасковья их и подловила: «Почему в рабочее время на улице прохлаждаетесь?»

Достала блокнотик и давай прогульщиков переписывать. А куда против блокнотика? Пацанов, конечно, этим не запугаешь, зато силу можно применить. Ванька рядом с прорубью место забил, чуть ли не с утра мерз, а она его за ушко и на солнышко, остальные сами потеснились, чтобы возле проруби достойные люди встали, ну и Никодимова со своим благоверным в их числе. Мужичонка у Прасковьи щупленький, на голову ниже ее, зато в белом кашне и при шляпе. Другие активисты тоже принарядились. Дело понятное – к фотографу идут, и то самое лучшее надевают, а здесь вся область любоваться будет, а может, и вся страна. Расфуфырились, ну и ладно, но толкаться-то зачем. Я место для знати освободить не успел, а мужик Никодимовой торопит, пихается, я поскользнулся и бултых в прорубь, не с головой, слава богу, но валенки едва не утопил. Так я же и виноватым оказался. Обидно, стою, носом шмыгаю. Мужики на Никодимова, за грудки хватают – почто, мол, ребенка обижаешь, его трясут, ну и мне пинкаря, чтобы под ногами не вертелся, не мешал справедливость восстанавливать. У Никодимова свои понятия о справедливости, ему дядя Вася Кирпичев, милиционер наш, срочно понадобился. А тот недолго думая за кобуру схватился. До стрельбы, к нашему пацан-

скому сожалению, дело не дошло, зато крику было на все лады. Ум за разум у народа заехал. Один только Леха-пожарник не волнуется. Стоит на краю проруби в плавках канареечного цвета, пузо волосатое почесывает и милиционера успокаивает, пусть, мол, всем же сфотографироваться охота.

Пока готовились, пока прицеливались, кинокамера застыла, или еще какая авария с ней приключилась, я в этой области не секу. Они, видать, тоже не самые великие специалисты, а если не к рукам, то и варежки снимать бесполезно. Бедного Леху раз пять в прорубь гоняли. Другой бы и с первого раза окошел, а нашему пожарнику хоть бы хны. Здоровенный мужик был. Двухпудовкой, как детским мячиком, играл. Ручищи что бревна.

Глянула Верка на новую знаменитость и поняла, что поспешила с выбором. Конструктору сразу отставку – и все свое очарование нацелила на пожарника. Не посмотрела, что и староват он для жениха, и с женой больше десяти лет прожил. Жена, как в народе женском говорится, не стена... Да и кто она такая – обыкновенная бабенка, разве пара для человека, которого по телевизору собираются показывать? Кого из поселковых баб рядом с таким героем поставить можно? Некого, одна Верка Терликова достойна.

И загулял пожарник с медсестрой.

В то же самое время случилась в поселке кража. Была при бане забегаловка, и кто-то ее обчистил. Бандиты выдрали замок вместе со шкворнем и унесли три ящика водки. Кроме алкоголя, грешным делом, там и взять было нечего. Ночь для налета выбрали метельную, следов никаких не осталось. Дядя Вася Кирпичев покрутился возле бани в поисках вещественных доказательств, под прилавок в забегаловке залез, однако ни оторванных пуговиц, ни записных книжек, ни подозрительных окурков не нашел. Выпил три кружки пива, потолковал с мужиками – на том и успокоился.

Налет списали на заезжих бандитов.

А в народе поговаривали, что напроказничал не кто иной, как Леха-пожарник. Во-первых, замок с мясом выдрать силенка нужна. Во-вторых, никаких подозрительных незнакомцев в те дни никто не видел. А в-третьих, баня стояла рядом с пожаркой, и тот водоем с прорубью, в которую Леха лазал, как раз между ними. Ну и самое главное – пришла одна тетка белье полоскать в солнечный денек, когда вода насквозь просвечивалась, глянула в прорубь, а на дне – бутылки закупоренные.

Спустить их туда нетрудно, каждый смог бы, а кто, кроме Лехи, достанет?

Уравнение с одним неизвестным.

Закалочка шла по всем правилам: сначала ледяная водичка, потом – огненная. О таких опытах научную статью можно писать. Но поселковый фельдшер Филипп Григорьевич Недбайло писать не любил, у него другими заботами голова была забита. И дядя Вася Кирпичев с прохладцей к писанине относился, стеснялся своей орфографии. А разговорчик по поселку свободно гулял, и трудно было его не услышать. Но Прасковья сделала вид. И дядя Вася Кирпичев увернулся. Не думаю, что со страху. Скорее всего, пожалели. Леха на поселке вроде балованного ребенка был. Редко какая гулянка без него обходилась. Он и драку всегда разведет, и помирит. Он и силушкой потешит – вытащат мужики четыре двухпудовки, свяжут канатом, а Леха выйдет и все это хозяйство зубами поднимет – и в цирк ехать нет нужды.

Короче, народ поговаривал, а власти помалкивали.

Все ждали передачу по телевизору, каждый надеялся себя увидеть, пусть даже с самого что ни есть краешку.

А влюбленным было не до сплетен. Они и трезвые, словно под хмельком. Живописная парочка организовалась. Он – квадратный, как канистра, и она – стройненькая, как рюмочка. Впечатляющий дуэт. Гуляют, милуются, но про передачу тоже не забывают, боятся, как бы не пропустить.

В то время на весь поселок три телевизора было: один, неработающий, у директора школы, второй у Никодимовой, а третий у Вовки Соловьева, на него все и надеялись.

Верка Терликова о свадьбе поговаривала. Да случилось происшествие. Возвращался пожарник с гулянки и уснул на дороге. Закаленному человеку все равно где спать, никакие простуды не страшны, и все бы ничего, если бы не мотоциклист. Какая уж нелегкая занесла его ночью на дорогу? Только прокатилась коляска по сонному лицу пожарника. Пока Леха в себя приходил, мотоциклиста и след простыл. Исчез, как не было. И передних зубов как не бывало. Представляете, такой гигантский организм – и вдруг без зубов. Он целого гусака за один присест уминал, а ему великий пост устроили.

На тридцать килограммов похудел!

Но Верка держалась мужественно. Да и нельзя ей по-другому. Сама же заказывала: «Если ранили друга, перевяжет подруга горячие раны его» – на том и прославилась. А слава – обязывает. Ну и любовь, конечно.

Медсестра готовила пожарнику питательные бульоны, а народец гадал, что за дьявол сидел на мотоцикле. На конструктора не грешили – не тот характер и на мотоцикле ездить не умеет. Перебрали мотоциклистов – может, у кого зуб на пожарника имелся – не нашли. У него вообще врагов не было. Все понимали, что виноват нелепый случай. Ни мести, ни умысла... Но кто-то все-таки наехал.

Пока гадали да ряздили, не заметили, как Леха зубы вставил, и улыбаться начал.

А если пострадавший оттаял, то и другим дрожать бессмысленно.

Обошлось, и слава богу.

Вот тут-то мотоциклист и проболтался. Сказал по пьяной лавочке одному. Один – другому. Услышал пятый. А десятый уже и пожарнику шепнул.

И этот божий человек, который за всю жизнь пальцем никого не тронул, взял ружьецо, появился к мотоциклисту и саданул в него глухариным зарядом из шестнадцатого калибра, а потом с повинной к дяде Васе Кирпичеву.

Мотоциклист выжил, половина заряда в мебель ушла, однако моржа нашего отправили поближе к Ледовитому океану.

Передачу про него так и не показали. Никодимова специально ездила узнавать, и ей сказали, что передача запрещена, и пленка уничтожена.

А Верочка Терликова осталась в гордом одиночестве. Привезла из города пластинку с песенкой Дженни и крутила целыми вечерами. Ни на танцы, ни в кино, только на работу, и то в черном платке, а потом и черное платье купила. Конструктор, от греха подальше, сбежал в свой Лихославль или Златоуст. Другие парни тоже не отваживались. Понять их, в общем-то, не трудно. Срок у пожарника хоть и приличный, но не бесконечный. Только пацаны бегали под окна слушать: «Там, где кони по трупам шагают, где всю землю окрасила кровь...» – военная песенка.

До хрипоты пластинку загнала. И неизвестно, чем бы это кончилось, если бы не жена Лехи-пожарника. Пока Верочка на работе была, забралась через окно к ней в комнату и растоптала пластинку на мелкие кусочки, а патефон, между прочим, не тронула – женщины, даже потерявши голову, сохраняют уважение к дорогим вещам. Да и не виноват патефон, во всем виновата песня, песня и поплатилась.

После этого Верочка за неделю собралась, уехала и адреса никому не оставила.

Плакучие ивы

Песня у Высоцкого была, где здоровенные жлобы порубили все дубы на гробы, там еще леший поблизости промышлял и вопил своей лешачихе: «А коры по сколько кил приносил?» Я как раз и хочу спросить: что это за кора и для какой надобности лешачок таскал ее, надрывался издаля?

Для еды, говорите?

Нет, что вы, кое-какого пропитания и без коры хватало: рябчиков, зайчатинки, рыжичков, боровичков – да мало ли в лесу деликатесов. Правда, козы осиную кору любят. Но я не знаю, держал ли леший козу, а если и держал, то зачем ей кору из лесу таскать, проще саму в лес выпустить, и грызла бы свеженькую, на выбор.

Речь совсем о другом.

Были времена, когда за ивовую кору платили деньги, а если точнее – копейки, но в конце пятидесятых и копейкам счет вели. Взрослые мужики этим промыслом почти не занимались, разве что в случаях, когда нищета не просто за горло брала, но и пальцы сжимать начинала. Зато у подрастающих, да ранних имелась хорошая возможность заработать первые деньги.

Работенка была непыльная – если понимать в самом прямом смысле – откуда в лесу пыли взяться? Но это единственный плюс, после которого тянется длиннющий ряд минусов. Ива – дерево болотное, а на болоте главный хозяин – комар, насекомое коллективное, дружное, между собою они не грызутся и всю злость для людей берегут. Кора с ивы сдирается легко, проще чем с березы или осины, но ведь и картошку нетрудно почистить, если уху с товарищем варить собрался, а если для пюре на полковой кухне – то-то и оно. Ободрал ствол, за второй принимаешься, а после сорок второго – сорок третий стоит. Он стоит, а тебе шевелиться надо. Потом все, что надрал – через кусты, по кочкарнику на дорогу вытащить, потом – до дома довести. Серьезные пацаны искали себе участки поближе к узкоколейке. И сушить старались в лесу, чтобы легче вытаскивать было. Утром на мотовозе с рабочими – туда, вечером – обратно. Полноценный взрослый рабочий день. Без перекуров, потому что пока еще некурящие были. Поработает старательный парнишка пару недель на одном месте и остается после него внушительная делянка ободранных деревьев. Голенькие стоят. Белым-бело. Только на кончиках веток зелененькие листочки трепещут. Кажется, что ежатся от холода. Потом стволы сереют и не так бросаются в глаза, а поначалу жутковатая картинка. Плакучими ивы совсем по другой причине назвали, но когда натыкаешься на такую делянку и перед тобой возникает скопище, напоминающее толпу скелетов с растопыренными руками... Помните, в школе учили: «Плакала Саша, как лес вырубали...»? Так и там. Только не вырубленный, а еще на корню, вроде как живой, но изуродованный. Правда, когда рожа пылает от комариных укусов, разъеденных солью пота, даже в голову не приходит, что с живых деревьев кожу сдираешь. Все эти жалостливые мыслишки появляются почему-то на чужой делянке. В нее и заходить-то страшновато, кажется, обступят тебя эти скелеты, сплетутся ветвями в хоровод и не выпустят...

Чтобы заработать на часы, приходилось упираться около месяца. А если захочется велосипед, то в одиночку не управиться, вот если на пару с братом, да еще и папаня перед баней в выходные подключится, тогда и велосипед можно осилить.

Мы с Ванькой о часах еще не мечтали, маленькие были. Ему хотелось лобзик, чтобы красивые полочки выпиливать на продажу, а я спал и видел спиннинговую катушку. Таких предметов роскоши в поселковом магазине, разумеется, не водилось, но их можно было выписать через посылторг.

Недели на две нас хватило. Откуда силенке взяться в двенадцать лет, а упорством я и сейчас похвастаться не могу. На большое болото мы, конечно, не ездили, сшибали вокруг поселка, но все равно полтора-два километра в один конец приходилось отмеривать. В первый день

надрали по здоровенной вязанке. Пока на опушку выбирались, выдохлись до самого доньшка. Скреби, не скреби – бесполезно – сил нет. А до поселка еще топтать и топтать. И оставлять страшно – мало ли кого в лес понесет – поселок-то рядом. Да не совсем. Рядом для того, кто с бидончиком за малиной направился, а с корьем на горбу – не очень. Судили-рядили, спорили-вздорили, и все-таки жадность победила. Ванька остался караулить, я побежал за отцом. Хотелось, конечно, щегольнуть самостоятельностью, но Ванька разнылся, а у меня не хватило характера. Батя упорство оценил, но посоветовал оставлять корье в лесу на просушку. На другой день взяли с собой топорик, нарубили тех же ивовых жердей, оказалось, что срубленные и обдирать легче. Устроили вешала и все, что надрали за день, оставили сохнуть.

Ночью, правда, дождик прошелся, и все равно подвялилось. Рискнули еще на ночь оставить. Прихватили по тощенькому пучку для конспирации, чтобы враги видели, что мы выносим корье из лесу. Хитрющие ребята росли.

Пока драли, кое-чему научились. Корье с тонких веток сохнет быстро, но слишком усыхает. А если с толстого дерева, да еще и с комля и до самых корней – тогда намного увесистей. Это Ванька у больших пацанов подглядел, какое выгоднее драть, только для выгодного ручонки покрепче наших требовались. Но мы старались. И комаров покормили. Устроили им праздник. Детская-то кровушка, наверное, поприятнее будет, не прокуренная и злостью не пропитанная.

Надрали.

Перетаскали домой.

Оставалось сдать.

Принимал корье Аркаха Киселев. Жил он на станции, но не в путевских домах, а в деревне. Работал заготовителем. Ездил по всему околотку, скупал шкуры, сухие грибы, может, кто-то и ягоды сдавал, но наши, поселковые, возили клюкву в город – выгоднее, да и не любили его. Вроде бы и обходительный мужичок, голосок медленный, сладенький, всем улыбается, со всеми здоровается, а народу его приветливость почему-то в тягость. Все, разумеется, знали, что Аркаха, если не обвешает, так обязательно сортность занизит или обсчитает, но сторонились не только из-за этого, что-то другое отталкивало, не запах изо рта, скорее – душонка его дурно пахла, и люди это чувствовали. А что касается умения объегорить, тут ничего не скажешь, работа такая, но в ней он был виртуоз, ни совести, ни жалости не ведал. Кроличьи шкурки, например, требовал только с головой. А голову обдирать – сплошная мука, обязательно где-нибудь дрогнет рука. Прорежешь. А он только этого и ждет, сразу в третий сорт списывает. Взрослых вокруг пальца обводит, а с пацанами вообще не церемонится. У кротовых шкурок вроде и придраться не к чему, так принесешь тридцать, а он двадцать пять насчитает. Вроде все на глазах, а начнет перетасовывать, и пяток куда-то испарился. Ручки быстрые, глазки скользкие. А на корье для него вообще раздолье – гуляет, как Стенька Разин по Волге: то непросушку найдет, то грязь прилипшую, то замшелость слишком густую. И весы у него, конечно, дрессированные – сколько пожелает, столько и покажут.

Но это других пацанов облапошить легко, а мы-то с Ванькой хитрые. Идем возле огородов, видим, дядя Леша-пожарник грядки полет. У него в ту пору как раз любовь с медсестрой кипела и пенилась. Видно, решил перед законной женой оправдаться, горе ее облегчить. Но у него же руки, как бревна, и пальцы, как поленья. Для дерганья травинки такие конечности явно не приспособлены. И нагибаться, с его животом, удовольствие ниже среднего. Кряхтит старательно, а сорняки почти не убывают. Оно и понятно: кнута в оглобли не заложишь. Ванька толкает меня в бок и говорит, давай, мол, поможем ему по-тимуровски, а потом попросим, чтобы сходил с нами корье сдать.

С огородом меньше чем за час расквитались. Видели бы наши маманьки такую прыть, то-то бы удивились. А потом сделали бы соответствующие выводы. Но обошлось без лишних свидетелей.

Тачка с корьем была увязана еще вечером. Мы друженько впряглись и потащили, самостоятельные огольцы. От дяди Леша требовалось только проводить нас до склада и постоять рядышком, пока Аркаха взвешивает. Но добрый мужик посмотрел, как мы упираемся, засмеялся и велел нам ложиться на корье, чтобы потом скопом на весы закинуть – все лишние килограммы, хоть и весу в двух тимуровцах не больше пуда. Но это он, конечно, недооценил, так не в обиду же. С шуточками да с таким помощником не заметили, как добрались. На чужом горбу дорога всегда короче.

Аркаха посмотрел на нас, посмотрел на пожарника. Заулыбался – шире некуда. Но дядя Леша не хуже других знал, почему эта вежливость. Он даже принаглед слегда форса ради. Вроде как по рассеянности руку на корье положил, пока приемщик гирыки на весы добавлял. Аркаха все видел, мимо него и мышь не проскочит, однако промолчал. Несподручно волку грызть медвежью холку.

Короче, сдали. Денег получили и на лобзик, и на спиннинговую катушку и даже на пряники осталось. Идем хохочем. Ванька на радости признался, что в каждый пучок по железному костылю подложил. Не знаю, правда, железяками нашпиговал или хвастается, как обычно. На такую мину и самому недолго нарваться. Аркаха частенько заставлял развязывать пучки и, если находил что-то лишнее, сразу становился серьезным и заявлял: «Ну что, милицию будем вызывать, или сами разберемся?» А какой нормальный пацан захочет связываться с милицией? И приемщик с прежней улыбкой бросал оштрафованное корье мимо весов на свою кучу. Ванька чувствует, что я не очень-то верю его трескотне, и начинает упираться, рассказывать, как все предусмотрел, Аркаха, дескать, шерстит корье только у взрослых ребят, а маленьких просто обвешивает, потому что не догадывается, что и маленькие трутни горазды на плутни. Дядя Леша хвалит его, хитрована. Ванька героем себя чувствует, а герою – награда полагается. Сворачивает к магазину пряников купить. Рядом с магазином чайная. Туда пиво привезли. Мужики на крылечке курят. Пожарника увидели, к себе зовут, по кружечке пропустить. А у того денег с собой не было. Он к нам: «Выручай, мелюзга, с полочки верну». У Ваньки карман глубокий, руку засунул, а вытащить не может. Понятное дело – очень хочется лобзиком поработать. Мне катушка тоже позарез нужна, чтобы щуку с руку выловить, но пока посыл-торг раскачается, реки замерзнут, в ноябре пришлют или в марте – разницы никакой. Полочка у пожарника через две недели. А деньги у меня в нагрудном кармане рубашки, там рука не застрянет при всем желании.

Но до полочки Леха-пожарник не доработал. Случилась эта дикая история со стрельбой, и его посадили. Тут уже грех о катушке вспоминать.

Пожарника увезли на Север, а через два года утонул и Аркаха Киселев. Дом у него стоял на берегу пруда. Не ахти какие хоромы при его-то деньгах. Поговаривали, что он давно в городе приценивается к жилью, да никак стороваться не может. Или не хочет. С хлебного места сорваться нелегко. Встречал я таких людей. Сначала на год откладывают, потом – на другой, потом и так далее... пока гром какой-нибудь не грянет. Пруд возле дома старый, барский еще. За долгие годы какого только хлама в нем не скопилось, и деревья, что на берегу росли, в него падали. С бреднем туда не сунешься, поэтому карасей было много. У Аркахи в собственном, можно сказать, пруду все лето стояла морда. Пошел утром перед работой проверить. Потянул за проволоку, но морда зацепилась за корягу. Решил сплавить. Нырнул, а вынырнуть не смог.

Жена знала, что он на пруд собирался, но хватилась не сразу, думала, что, не заходя домой, на работу подался. Забеспокоилась только к вечеру. Место неглубокое было. Как он умудрился захлебнуться?

Когда его искали, заодно и морду вытащили. Карасей – больше ведра и все как на подбор.

От дурной славы и в могиле не укроешься. Сразу же появились шуточки. Одни говорили, что нырнул Аркаха, увидел богатый улов и захлебнулся от жадности, а другие уверяли, что

морда пустая была, и захлебнулся мужик от расстройства, а караси уже потом со всего пруда на падаль собрались.

Кстати, над самой водой росли настоящие плакучие ивы, но плакали они, конечно, не по Аркахе Киселеву.

Жена его с детьми еще до зимы в город перебралась. Хороший дом купила. Вот только сын в темную историю вляпался, посадили за изнасилование. Статья, конечно, скользкая, но кому-то там, наверху, было угодно, чтобы «поскользнулся» на ней именно сын заготовителя Аркахи Киселева.

Уже в Сибири рассказал эту историю ребятам с работы, и двое мужиков стали уверять, что в их деревнях жили точно такие же заготовители и оба плохо кончили, и, что характерно, у детей жизнь наперекосяк пошла. После этого что хочешь, то и думай...

Пионерские игрушки

Ни разу не довелось полюбоваться салютом. Чего только не видел в этой жизни, даже маленькое извержение вулкана, а салюта – увы. Слишком редко заносила меня кривая в города-герои. Помню, как-то с одним бурятом пили пиво в славном городе Певеке. Дело было как раз перед октябрьскими праздниками, пятого ноября. Кстати, пиво в Певеке замечательное, и ленинградскому, и московскому до него тянуться – не дотянешься. Хорошее пиво, с хорошей рыбкой, да еще с хорошим собеседником – чем не праздник? А друг мой – веселый был человек. Его, между прочим, Ботюром Бадмаевичем звали. Но жил среди русских и разрешал называть себя Бурят Иванович. Сидим, значит, пьем пиво... и Бурят Иванович рассказывает, как он у себя в Забайкалье за границу браконьерить ходил. Правда, курица – не птица, Монголия – не заграница, но орлы в зеленых фуражках свободно разгуливать все равно не разрешают. Зато какие в Монголии таймени, и козы там жирнее наших, и сохатый здоровее – есть ради чего рисковать. Ну и вырвалось у него сожаление, что сорок раз бывал за кордоном и ни разу – в столице. Стало быть, тоже салюта не видел. Выпили мы еще по пять кружек и купили билеты в Москву. Фейерверком полюбоваться и самим покрасоваться. Долетели до Магадана и застряли. Северная погода и нелетная погода – это почти одно и то же. Пришлось любоваться родимой пургой. За три часа до салюта немного прояснилось, объявили посадку, да лететь смысла не было – не успевали. А в Магадане салют не делают, а стоило бы, тоже ведь город-герой в некотором роде.

Подвела погода. А счастье было так близко.

Нет – серьезно. Самая давняя мечта. У меня с детства пристрастие к взрывам и прочей пиротехнике. Может, потому, что зачат был в победные дни?

Первый взрыв услышал я в шесть лет. Тогда еще бомбы и снаряды по кустам вдоль железной дороги попадались, не сказать что как грибы, но в достаточном количестве. Говорили, будто начальник узловой станции немецким шпионом был, три эшелона с боеприпасами под бомбежку подставил. Воронки до сих пор еще не заросли. Пацанами по литровой банке артиллерийского порошу накапывали. Порох этот на макароны похож, вернее, на толстую вермишель. Наставишь такой вермишели на рельсы, и она под колесами, как петарды, взрывается. Лежишь под насыпью и чувствуешь себя настоящим партизаном. Но это чуть попозже было, не в шесть лет. А в тот раз увязался я за старшими пацанами на рыбалку. У Толика Суханова мать путевой обходчицей работала, и жили они в казарме на восемьдесят шестом километре. Зашли к Толику, взяли пару беркунов и отправились на пруд. Из меня в ту пору рыбачишко неважный был, ну да не об этом речь. Поймали десятка три карасишек и решили там же в лесу поджарить. Пока ребята костер разводили, меня послали в казарму за сковородкой. Мать Толика поворчала немного – почему домой с карасями не пришли, велела обязательно залить головешки водой, еще что-то наказывала, но я торопился. Бегу по тропинке вдоль полотна, дымок уже над деревьями увидел... и вдруг как хрястнет... Глаза от страха сами закрылись. А когда открылись, смотрю – елка на меня падает. Развернулся и ходу на пятой скорости до самого дома со сковородкой в руке. Около трех километров. Если бы кто секундомер включил – наверняка бы засек мировой рекорд для детей дошкольного возраста. Оказалось, что пацаны бомбу в костер положили, а сами за бугорок спрятались. И не просто положили, а так, чтобы взрывная волна уходила не в их сторону. Саперы, да и только. А старшему из них одиннадцать лет было.

Себя в одиннадцать лет я тоже крупным специалистом считал. Освоил стрельбу из сучка, из ключа, из двух болтов на одной гайке и собственный поджиг имел. Правда, лучший свой пистолет я смастерил в восьмом классе. Хороший поджиг за день не делается. Можно, конечно, сплющить конец у медной трубки, прикрутить ее проволокой к сучку и палить в небо, отворачивая голову на сто градусов. Но ради такого первобытного оружия и разговор заводить

не стоит. Я о поджигках, которые представляют историческую ценность. Сначала подбирается ствол. Медную трубку с тонкими стенками найти не трудно, у любого трактора можно отпилить – это для шпаны.

Настоящий мастер постарается раздобыть стальную или, на худой конец, бронзовую, толстенную. Кстати, лучшую стальную трубку я выдрал из спинки старинной кровати. Но прочность – это еще не все, о калибре тоже нельзя забывать. Чем меньше отверстие, тем быстрее зарядишь. Пятнадцать-двадцать спичек – самая норма. Иной чудак смастерит себе гаубицу, в которую искроши коробок, и все мало. Конечно, если хочется грохоту, тогда другой коленкор, тогда и голову ломать не стоит – стащил у батяки ружейный патрон, бросил в костер и слушай... А у моего знаменитого маузера ствол был двойной: в короткую медную трубку была впрессована длинная стальная, чтобы никаким зарядом не раздуло, получилось и надежно, и красиво. Личное оружие должно быть таким, чтобы его и в руки было приятно взять, и друзьям показать не стыдно. Рукоятку из хорошей березовой доски выпилил, резьбой украсил, потом в костре немного обжег и суконкой отполировал, после этого она стала черная с благородным блеском. Ну а палил безотказно и мощно, с десяти шагов половую доску – навывлет.

Делал я и многозарядные поджиги, и курковые самопалы... об этом долго можно рассказывать, но вернемся к салюту.

Попалась мне книга про хана Батыя. И вычитал я в ней, что на речке нашей, на Сити, произошла великая сеча, и зарубили татары князя Владимира, упал на берег, а его золотой шлем покатился в воду. Поехали мы с Ванькой на Сить и отыскивали тот самый омут, в котором утонул княжеский шлем. Не первый попавшийся омут, книгу до черноты замусолили, пока сверяли, но все-таки определили. Разделись, обшарили под берегом, обныряли середину, вытащили кирзовый сапог – шлем не нашли. Но мы же не дураки, сообразили, что его илом могло затянуть – времени-то вон сколько прошло. Думали, гадали и догадались найти бомбу, бросить ее на дно и бабахнуть так, чтобы взрывная волна выбросила шлем на берег.

А почему вы не спрашиваете, зачем нам столько золота?

Цели были самые благородные. Хотели пробраться в Алжир и устроить там революцию. Шлем собирались расплавить, расфасовать на мелкие слитки и пустить их для подкупа турецких пограничников и покупки оружия. Обратите внимание: не распилить, а переплавить – чтобы без потерь. Умные были, как утки...

Искали бомбу – нашли снаряд, но это не самое страшное – главное, надо было придумать, как взорвать его под водой. О том, что в природе имеется бикфордов шнур, мы уже знали, но где его украсть? Если бы жили на руднике и чей-нибудь батяка работал проходчиком... тогда бы угнетенные алжирцы самое позднее к Первомаю получили бы долгожданную свободу. Но у нас на болоте взрывать нечего. Торф на поверхности, без всякого динамита бери – не хочу. Мы даже сами пытались этот шнур изобрести. Натирали веревку керосином, поджигали и опускали в воду – бесполезно. Гасла. Пока изобретали – зима наступила. А тут еще сомнения возникли: откуда бы писателю знать, в какой из омутов скатился золотой шлем, если сам он в сече не участвовал? Задали вопрос учителю, и тот рассказал нам про авторское воображение и художественный вымысел. Ничего себе, думаем, кто-то воображает, а бедные алжирцы должны страдать. Рухнула красивая мечта.

Но снаряд остался в надежном тайнике.

А каждую весну вся школа собиралась на пионерский костер. Заранее готовили валежник, складывали пирамидой, чтобы подсох, потом в торжественной обстановке, под наблюдением учителей и пожарника, под звуки горна и барабанную дробь поджигали и устраивали ритуальные игры. Для пушечного эффекта пацаны заранее подбрасывали в костер куски шифера, и получалось нечто похожее на выстрелы, не сказать что хлесткие, но иногда с искрами, а, в общем-то, хорошие дрова в печке почти так же трещат. Детская забава. Даже девочки не пугаются. Каждый год одно и то же. Скучновато.

И вспомнили мы с Ванькой про наш снаряд. Чего, думаем, добру пропадать. А тут, глядишь, и оживим праздник, скрасим однообразие. Нет, мы, конечно, понимали, что осколки снаряда могут не только напугать, но и ранить могут, – сами в кино видели, и не один раз – не совсем дураки. Даже наоборот, пока эту шутку придумывали, такими умниками себя считали, куда там отличникам и прочим паинькам. Мы все учли. Снаряд разлетается на осколки не сразу, а после попадания в твердый предмет. Значит, надо сделать так, чтобы он упал далеко от костра. А что для этого требуется? Для этого требуется дать ему нужное направление. У кого-то для этого ума бы не хватило, а мы сообразили. Нашли кусок широкой трубы. Вбили его по центру костра в землю, так, чтобы на поверхности сантиметров семьдесят осталось. Потом опустили в эту трубу наш снаряд, обложили промасленными тряпками и замаскировали сухим лапником. Когда костер запылает, снаряд раскалится... бабахнет и полетит, как из «катюши», над головами перепуганной толпы. Вот визгу-то будет! Вот уж где выяснится, кто по-настоящему смелый, а кто – на словах! Очень уж нам хотелось, чтобы физрук перепугался, имелись к нему кое-какие претензии. Вот уж посмеемся.

Ловко придумали. Так ловко, что Ванька не удержался и похвастался Таньке Лагутиной. Не вытерпел, полоскало несчастное. Потом оправдывался, что «честное пионерское» с Таньки потребовал, чтобы она учителям не разболтала. Танька слово дала, но в безопасности нашей авантюры засомневалась. И, чтобы не нарушать клятву, рассказала не учительнице и даже не пионервожатой, а своей старшей сестре. А та – моему среднему брату. И брат на глазах изумленной толпы вытащил снаряд из костра. Именно в тот момент, когда к костру горящий факел подносили.

Вовремя успел.

Героем сделался.

Но за чей счет? Как бы он проявил свое геройство, если бы я не изобрел свою «катюшу»? А мне вместо благодарности – подзатыльник, от которого синяк под глазом нарисовался. Ну где, спрашивается, справедливость?

Американец

Китайцы в нашем Шанхае не жили, они даже в гости туда не приезжали. Зато жил американец. Может быть, и ненастоящий, даже наверняка ненастоящий. Но мы, пацаны, были уверены, что он самый что ни на есть американец. Во-первых, ходил в кожаных галифе; у всех тряпичные, а у него – кожаные. Во-вторых, курил трубку; мужики – кто «Северок», кто – «Прибойчик», ну «Казбек» для форсу, а он – трубку. И звали-то его Фирсом, откуда нам было знать, что это старинное русское имя. Да и говорил он так, что половину слов не разобрать, – это уже в-четвертых. А в-пятых, злой был и жадный. Короче, имел в поселковом Шанхае собственный дом и считался американцем, обиднее репутации по тем временам придумать трудно.

А прославился он тем, что каждую осень, когда клюква поспевала, ставил переправу через речку, и дорога до ягодных мест сокращалась километров на пять. Без нее приходилось делать крюк до железнодорожного моста, а с ней – напрямик. В ледоходы переправу сносило, но к сезону он ставил ее заново. Не мудрствуя, без выкрутас. Вбивал в узком месте колья в два ряда, привязывал к ним трапик в три жердочки, ну и перильца для страховки протягивал. Без сапог по такой лаве не переберешься. А кто же по клюкву без сапог ходит? Шалаш для себя строил намного добротнее. Так ведь для себя же. Время осеннее: то дождь, то снег, то ветер, а жить в шалаше все выходные. В пятницу вечером приходил и – до воскресенья. С утра встанет, рыбешки наловит, грибов наберет, обед сготовит, а когда народ с болота потянется, заступает на пост и с каждого – по три стакана клюквы. Три жердочки – три стакана, чтобы голову не ломать. Не хочешь платить – топай в обход.

Пока свои, поселковые, ходили – у него за выходные мешок ягод набирался. Потом городские дорогу разведали. Даже из Москвы наезжать стали. Сбор увеличился. Мешка уже не хватало. Но дело не в мешке, приспичило бы, он бы и матрасовку приспособил, старое народное изобретение – в углы вставляется по картошине, горловина захлестывается петлей – и котомка готова, в такой и черта и чертенят унести можно. Другой бы и потащил, но не Американец. Дорога неблизкая, продавать ягоды хлопотно. И он с натурального оброка перешел на денежный.

Стал брать по полтиннику. Двух зайцев убил: и нести не надорвешься, и на базаре маяться надобность отпала.

Народец возроптал, а куда денешься?

Без войны, однако, не обошлось. Людям не нравится, когда их копейки друженько текут в один карман и скапливаются там. У них появляется желание посчитать, а после занятий арифметикой почему-то начинают чесаться руки. Особенно у тех, кто считает на пальцах: доходят до пяти – и кулак сам по себе складывается, заряд готов – разрядки требует. И вышли как-то к переправе городские парни. Фирс поджидает – платите, господа хорошие. А их шестеро было – трояк надо было отдавать – как раз на бутылку «Московской», с устаточку-то, после болота, в дождливый день – лучшее лекарство. Ну и послали его куда подальше. Да, видать, не очень убедительно. Фирс дубину в руки – и на них. Один против шестерых. А парни тертые попались. Кончилось тем, что скрутили нашего Американца его же ремнем и удрали. Ремень он об лезвие топора перепилил. А на следующий день купил ружье. Чуть что – курки на взвод. И спуску уже никому не давал. Ни старухам, ни пацанам.

Мы с Ванькой пошли туда на рыбалку. Наш берег весь заросший, к воде не подобрешься. Да и вообще, по неписаному рыбацкому закону, самая крупная рыба всегда под чужим берегом стоит. И действительно, такое местечко надыбали: окуни в очередь – к червяку, только заброшишь и сразу – на утоп. Я штук сорок поймал. А под занавес такого здорового горбыля выворотил, даже крючок немного разогнулся. Смерил рыбину – ровно по локоть. Ваньку заело. Я ему говорю: айда, пока ягодники не появились и Американец на пост не заступил. Только

без толку все. Предупреждай, не предупреждай... Если у рыбака руки от зависти затряслись, у него и слух пропадает.

И ведь дождался. Язя вытащил. Пусть и не длиннее моего окуня, но зато намного толще. Выловил, обогнал – и сразу же удочки сматывать. Спыхватился, поторапливает даже.

Крадемся к переправе, а Фирс уже там. Сидит, покуривает свою трубочку, и ружье на коленях. Дорыбачились, досоревновались... Рубля у нас, разумеется, нет. Ташиться к большому мосту – никакого желания. У Ваньки идея появилась: подпалить шалаш и, пока Фирс тушит, – проскочить. Фокус, конечно, неплохой, можно было бы рискнуть, только спички у нас отсырели еще утром, пока по росе шлялись, даже костер развести не смогли. Сидим за кустами, кумекаем. Над рекой утки пролетели. Я поначалу и внимания не обратил, все мысли переправой были заняты. А Фирса птички взволновали. Вскочил. Даже берданку вскинул. Но стрелять было уже поздно – далеко улетели. И тут я вспомнил, что умею кричать не хуже настоящего селезня. Дай-ка, думаю, подразню, авось и купится. Прокричал. Американец на небо смотрит – не понимает. Пришлось громкость добавить. Глядим – насторожился. Я выждал чуть-чуть и еще пару раз крикнул. Американец ружье наизготовку и крадучись – в нашу сторону. Дразню дальше, но уже чуть слышно, будто утки за поворотом плавают. Поверил.

Обмануть-то обманули, да у самих нервы не выдержали, надо бы подольше выждать, а мы, едва он мимо прокрался, подхватились, и дай бог ноги. Вылетели на переправу. Только не больно быстро ее перескочишь. Перила под рукой шаткие, жердочки под ногами зыбкие.

Американец орет: «Стой! Стрелять буду!»

Как в кино. Я, конечно, сапог зачерпнул. В сапогах сыро – не велик позор, лишь бы в штанах сухо оставалось. И вдруг за спиной: бабах!

Как на берег вылетел – не помню. Очнулся уже в кустах.

Выглядываю из-за кочки... а кореша на переправе нету.

Это я сейчас понимаю, что он с перепугу нырнул. А тогда посчитал – капут, наповал. Круги по воде, как на мишени. Что дальше делать, никак сообразить не могу. Хотел уже руки поднимать и сдаваться, да вовремя шорох в камышах услышал. Пригляделся – Ванька ползет, вся рожа в водорослях. Дополз до кустов, а дальше бегом, не разбирая дороги. Я – за ним. Километра полтора не оглядывались, петляли между деревьями, а когда поняли, что стрелять в нас больше не будут, повалились на землю, и хохот нас разобрал. Смеемся и сами не понимаем отчего, но остановиться не можем, будто щекочет кто-то. Я слышал, что защекотать до смерти можно. Нет, серьезно – хохочешь и чувствуешь, как силы из тебя уходят. Нервное потрясение называется. Не знаю, чем бы кончился этот хохотливый припадок, если бы рыбина не отвлекла. Тот самый язь. Ванька хватился, а красавчик, из-за которого жизнью рисковать пришлось, пропал. Уплыла рыбка, пока рыбак в реке барахтался. Зазря, получилось, под выстрел лезли. Да кто бы знал, что из-за несчастного рубля этот басурман по живым людям пальбу откроет?

Хотели мы пробраться на речку среди недели и разворотить переправу вместе с его логовом, да так и не собрались. Пока план разрабатывали, ягода отошла. А сезон на редкость богатый выдался: и народ со всей округи валил. Так что барыши у Американца весьма приличные были. Грех жаловаться. Урвал мужик.

А на следующее лето случилась у него трагедия. Провожал дочку в Ленинград. Привез на тачке ее чемодан с барахлом и вареньем. Стоят на перроне, ждут. И тут некстати подружка питерская подрулила. Ну и застеснялась доченька папашиных галифе и тачки, от которой навозом папахивает. Сказала подружке, что наняла соседа вещички подвезти. Короче, отреклась от папочки.

Представляете, мужик ради нее остатки совести, можно сказать, заложил, а в благодарность такая оплеуха, да еще и при свидетелях.

И запил Фирс. Ничего американского не осталось. Все барыши побоку. Какое там переправу наводить – картошку в собственном огороде не выкопал. Он пьет, а ягода перезревает.

Бабы к нему делегацию снарядили – в дом не пустил. Обматерил через дверь. И пришлось ягодникам всю осень топтать вкруговую. Пять километров крюка по кочкам и трясине. Чем больше наберешь, тем тяжелее назад идти. Это для красивого словца придумали, что своя ноша не тянет. Тянет, дорогие мои, да еще как тянет.

Вот такая арифметика. Считали, пересчитывали шальные американские денежки, а дошло до дела, и не нашлось ни одного охотника. Хотя и делов-то – вбить колья и трапик в три жердочки протянуть.

Самодельные игры

Магазинных игрушек нам не покупали, поэтому обходились самодельными, а заодно и самодельными играми. В нежно-зеленом возрасте случалось, конечно, и в лапту побегать, и в прятки, и прочие народные забавы типа «чижа» или «попа-гоняла», но обязательно без узды – сами договаривались, сами играли и сами проигрывали. Помнится, пионервожатая загорелась организовать в школе тимуровскую команду – у других функционируют, а мы чем хуже? – посоветовалась со старшими товарищами и объявила призыв, но из более-менее приличных пацанов ни один туда не записался. Да кто пойдет, если главным Тимуром назначили Юрку Разуменко. Был такой фрукт. Старики его лет пять на поселке пожил и откочевали туда, где потеплее. Кто-то говорил, что и Юрка в Узбекистане гаишником устроился. Может быть, и так. Народ штрафовать – радикалит не зарабатываешь, и ума много не надо. Он и в школе-то еле тянул, зато в учительскую – как в собственный дом. Сам себя на должность Тимура выдвинул или пионервожатая догадалась – кто их разберет, тайна покрыта мраком, тем более что физрук и военрук в эту упряжку тоже впряглись. Зарядка, присяга и барабанщик с горнистом. Пыль столбом, дым коромыслом, а в команде – почти одни девчонки. Года не прошло, и все рассыпалось. Зато другая команда, которую Витька Бруснецов для войны с Разуменкой собрал, осталась. Оба они – и Разум, и Брусок – за Танькой Жеребцовой ухлестывали, из кожи лезли, только она в другом направлении смотрела. Оттого и петушинные бои попеременно с тараканьими бегами.

Вокруг Бруска шпана кучковалась. Он и нас затягивал. Но мы с Крапивником быстро откололись. Там – тимуровцы, здесь – шпана, а разницы почти никакой: тот же вожачок, те же активисты и те же «шестерки». И те, и другие, чуть заспиришь, сразу же на испуг берут.

Одни учителей натравить грозятся, другие – морду набить. Такие компании – не для меня. Анархист, что с меня взять. Ни в легальные, ни в подпольные организации с детства не потягивало.

Но нечто похожее на явочную квартиру или штаб для одиночки требуется, как волку нора или медведю берлога. Каждую зиму обязательно снежную крепость ставил, а летом – шалаш, да не один. Однако времянка есть времянка, хочется бастион посерьезнее. И соорудили мы блиндаж. Начали копать с Мишкой Игнатьевым, потом и Ванька к нам напросился. Местечко хорошее подобрали, в кустах за пожарным водоемом. Есть куда искупаться сбегать, и шанхайские огороды не очень далеко. Блиндажик что надо получился. Не какой-нибудь продуктовый погреб, а настоящее партизанское жилище, пройдешь в двух шагах и не заметишь, даже если случайно на крышу наступишь – ничего не поймешь. На крыше ивняк рос, с дерном выкапывали и пересаживали. И вход подземный прорыли. Метров пять по норе надо было ползти, чтобы в блиндаж попасть. В собственном огороде даже с ремнем не заставили бы перекидать столько земли, а там вкалывали в две смены и без перекуров. Снаружи замаскировали, потом внутри уют навели – топчан для отдыха соорудили, скамейку, столик и керосиновую лампу принесли.

Все, конечно, в тайне держалось. Но Брусок разноухал. Нагрязнул со своей кодлой, когда там никого не было, и разгромил. Сами, в общем-то, виноваты. Не надо было гостей приглашать. Да как не пригласишь, если похвастаться хочется делом рук своих? И так целый месяц терпели. Если трудно терпится, значит, очень хочется. Вот и дохотелось, вот и дохвастались. Кто-то навел. Не сказать, что сильно искурочили, но место осквернили, и ремонтом заниматься руки не поднимались.

Брусок напрямую не сознался, но ухмылочка выдавала. Стоит, скалится и на тимуровцев валит, с Разуменкой разобратся советует или с девчонками из его отряда. А у самого рожа

наглая. Знает, что нас всего трое, и уверен, что против его кофты не попрём и папочкам жаловаться не победим, не приучены... Так и разошлись.

Но отомстить хотелось.

И отомстили.

Брусок жил в двенадцатиквартирном доме напротив конторы. С матерью жил. Не сказать, чтобы он боялся мамыши, скорее наоборот, но для удобства вытащил кровать на улицу под окно – приходи хоть за полночь, хоть под утро, никто слова не скажет. Сделал над кроватью навес от дождя, покрыл рубероидом и до осени спал на свежем воздухе.

Он разорил наше логово, значит, и нам что-то в этом роде предпринять следовало. Хотя хлипкая времянка против капитального блиндажа – сделка неравноценная, сальдо с бульдо не сведешь.

Сломанный навес за три часа можно починить. Да и не больно-то сломаешь у целого дома на виду.

Короче, думай голова – картуз куплю.

И придумали.

Была у поселковой шпаны безобидная ночная забава. «Стукалка» называлась. Теперь так не шутят. Посерьезнели пацаны. А раньше – захочется посмеяться – устраиваем стукалку. Необходимое для нее всегда под руками. Всего три вещи: катушка ниток, гаечка и кнопка. К обрывку нитки привязывали на один конец кнопку, на другой – гаечку, так, чтобы между ними было сантиметров пятнадцать-двадцать. И опять же к гаечке привязывалась другая нитка – та, что на катушке. С такой вот простейшей механизацией подкрадываешься к чьему-нибудь окну, втыкаешь кнопку в раму, гаечка заводится возле стекла, а ты раскручиваешь нитку с катушки – видели, наверное, как в кино связисты с барабанами провод тянули, – так и у нас, отматываешь потихоньку и отходишь на приготовленные заранее укромные позиции. Можно за куст спрятаться, можно в канаву залечь. Спрятался и начинаешь свое каверзное дело. Натянул нитку – отпустил, потом снова натянул – отпустил... Гаечка по стеклышку тук да тук. А дальше, как в песенке: «Эх раз, еще раз, еще много много раз». А кому-то в пору запевать: «Ни сна, ни отдыха измученной душе». Нормальным людям такую пытку, конечно, не устраивали, только врагам, а кто для веселого пацана обычный враг? – учитель, завклубом, вредная одноклассница и некоторые случайные обидчики.

Подготовили, значит, стукалку. Дождались, когда Брусок заляжет в свою берлогу. И подвесили гаечку на окно Володьки Соловьева. Они в одном доме жили, в соседних подъездах.

А Соловей, он хоть и передовик производства, но шуток никогда не понимал, и плюс к тому от постоянного сидения в президиумах нервы у него барахлили, ходил он вечно усталый, так что попадаться под его горячую руку было очень рискованно.

Настроили стукалку. Дернули раза четыре и ждем. Тишина.

Богатырский сон пронять непросто. Мы еще три раза тюкнули и замерли. Жена Соловьева голову в форточку высунула и спрашивает: «Кто там?» – а голосок удивленный такой. Крапивник не выдержал, расчихикался, чуть весь фокус не испортил. Соловьяха еще раз спросила, потом сама себе ответила: «Никого» – и спать пошла. После этого главное – не поспешить. Мы выждали минут десять, дали ей заснуть и снова: тук, тук, тук... и затихли. Во второй раз уже сам хозяин выглянул, головой покрутил, ничего не увидел, форточку захлопнул и пропал. Ждем. Дали ему время успокоиться и снова: натянули нитку – отпустили, натянули – отпустили. Тюкнули пару раз, и хватит, хорошего понемногу. Соловей снова в форточку матерится. А мы свои рты ладонями зажимаем. После третьей порции он уже в форточку не выглядывал. Смотрим на угол дома. Ждать не заставил, выскочил. Даже портки не надел, в одних трусах. Я нитку порезче дернул, кнопка из рамы вылетела – все шито-крыто. Соловей скверик осмотрел. А что там смотреть? Ничего не высмотришь, кроме кровати под окном у Бруснецовых. Он прямым ходом туда. Заглянул под навес. Брусок первую серию сна досматривает.

Соловей, конечно же, решил, что хулиган притворяется, – но передовика задешево не купишь. Недолго думая, ухватил кровать за спинку и перевернул вместе с навесом. Брусок еле из-под обломков выбрался, спросонья ничего понять не может.

«Ты чего?» – кричит. А Соловей ему по сопатке вместо ответа. Сначала – с правой, потом – с левой. Не зря же о нем в газете писали, что он на все руки мастер. Брусок голову в плечи втянул – и деру. Догонять Соловей не стал. Несolidно среди ночи бегать по улицам в трусах. И слава богу, а то бы и нам перепасть могло.

Но что самое интересное – пока Брусок из-под кровати выкарабкивался, нам было смешно. А когда ему, полусонному, в глаз прилетело... и нам почему-то неуютно стало. Получалось, вроде как за наши грехи пацан отдувается. И на Соловья уже чуть ли не как на врага смотрим... Вот ведь натура человеческая.

Хотя сам Брусок никого не жалел – ни сопливых пацанят, ни стариков. Той же осенью возле магазина у какого-то деревенского дедка отобрал два «огнетушителя» бормотухи. Окружили кодлой и не просто отняли, так еще и поиздевались вдоволь. Мораль прочитали, как, мол, не стыдно в преклонном возрасте употреблять этакую пакость, и на глазах у него пустили бутылки по кругу. Дедок не стерпел и за камень схватился, да кинуть не успел – сбили с ног и допивали, уже сидя на нем. Дядя Вася Кирпичев тем же вечером забрал Бруска в кутузку. А на другой день отпустил, потому что мамаша Бруснецова отыскала дедка, пришла к нему в деревню и уговорила простить, сжалиться над безотцовщиной.

Вот такие игры. Народец изобретательный подрастал, а что делать, если на весь поселок три телевизора, из которых два не работают?

Филипп Григорьевич Зеленка

По какой дороге приходит слава, угадать нетрудно, куда сложнее понять – по какой уйдет. А она уходит, подлая. Чуть зазевался... и нет ее. Обидно, когда сама ушла, еще обиднее, когда уводят.

Жил у нас Филипп Григорьевич Недбайло, фельдшером работал, в одиночку отдувался и за терапевта, и за гинеколога, и за ухо-горло-носа. От всех болезней одним лекарством лечил – зеленкой. Может, новым порошкам не доверял, может, слабо разбирался в них и, чтобы ненароком никого не отравить, мазал из одного пузырька всех подряд. Его так и звали – Филипп Григорьевич Зеленка.

Помню, как-то поехали мы в район на школьные соревнования. Повели нас обедать. А народу прорва, в столовой очередица – не протолкнешься. Стоим на улице, скучаем, ждем, когда пригласят на битки в дверях и гуляш по коридору. Ванька в какую-то девчонку мячом кинул, да промахнулся и – в стекло. А тут, на беду, учитель идет, хват за шкурку и ну допрашивать – кто такой, из какой школы? Ванька, разумеется, темнит:

– Из Родионова я, простите, больше не буду, я нечаянно!

А учитель громко, чтобы все слышали:

– Из Родионова, говоришь? Зачем обманывать, на тебе же зеленкой написано, из какой ты команды, вы здесь одни такие на весь район.

Но Филипп Григорьевич не только зеленкой был знаменит, он еще и на сцене выступал. Басни и юморески рассказывал. Под Тарапуньку работал. Мог бы для комплекта и Штепселя подобрать, бухгалтер Милкин сам напрашивался, и другие желающие были, – увиливал. Не хотел делиться славой. А слава была. На концерты местных артистов, как на футбол, валили. За час приходили, чтобы места занять. Кто проворонил, тот уже в проходах стоял. В дверях пробка набивалась, и все спрашивали:

– Зеленка еще не выступал?

А что бы вы хотели – Тарапуньку только по радио можно услышать, если повезет, а тут, как живой, и не хуже настоящего. Идут после концерта и пересказывают друг другу, как Филипп Григорьевич мартышку с очками изображал, слова коверкая. В больнице-то он нормально говорил, а на сцене специально, чтоб смешнее было: «Здоровеньки булы и дывысь, як Хвынья пыраги пэчэ, уси варота у тэсти».

И приехала на поселок семья специалистов. Армяне, как ни странно. Его звали Хачик, ее – Кнарник, а пацаненка и того смешнее – Гамлет. Поселковые кумушки за ребенка мамашу пристыдили – зачем такого красивого мальчика Хамлетом дразнит. Я, кстати, и в Сибири одного Гамлета встретил, отличный хирург и рыбак заядлый, он меня научил рыбу стальной ложкой шкерить и уху без костей готовить, как-нибудь после расскажу.

Приехали они зимой. Ну, непохожие. Ну, пооглядывались на них первые дни, а потом привыкли. Хачик без шапки ходил, так поселковые фраера, у кого кудряшки водились, быстренько моду переняли. В общем – прижились. На Восьмое марта концерт в клубе. И вышла приезжая Кнарник на сцену. И спела две песни: «На тот большак...» и «Темно-вишневую шаль». Но как спела! Туши свет. Вот говорят – медовый голосок с ума сводит, сладостью пьянит и прочие у-тю-тюшеньки. А у нее все наоборот, какая там сладость – полынь голимая, и такая густоющая, аж дух перехватывает. Всего два раза ее слышал, столько лет прошло, а как сейчас помню. И, главное, слова не коверкала, хоть и нерусская была.

На другой день только и разговоров про темно-вишневую шаль. Кто на концерт не попал – ахают, не верят. А следующие выступления только на майские праздники, почти два месяца ждать. Особо нетерпеливые на репетицию пробрались, сначала под дверь подслушивали, потом осмелели, да нарвались на Филиппа Григорьевича. Выставил с треском, чтобы не отвле-

кали, и в дверную ручку с внутренней стороны ножку стула вставил. Правда, к концу репетиции подобрел, вышел покурить с парнями и свой концерт устроил, такие анекдоты травил, на весь клуб хохот стоял, сначала свежачок выдал, а потом старые, которые раньше про евреев рассказывал, на армянский манер перелицевал.

Дождались и до праздников. Вышла Кнарник на сцену, пять песен спела, а публике все мало, хлопают и хлопают. Еле отпустили. И так получилось, что Филипп Григорьевич сразу после нее выступал, он уже и здоровеньки булы крикнул, а из зала все еще «бис» орут – Кнарник требуют. Потом он чего-то рассказывал и про Хвынью свою любимую, и совсем новенькое... и никто не смеялся. Не потому что обидеть хотели, просто не успели переключиться. Жалко человека, да что поделаешь. Он с расстройством слова перезабыл. Пыкал, мыкал – и ушел со сцены, басню не дочитав. Зеленке тоже хлопали, даже «бис» крикнули, но и его понять можно, не больно-то приятно улыбаться после «горчицы».

Это на Первое мая, а восьмого, ко Дню Победы, снова концерт. Да еще и областное начальство обещало приехать – переходящее знамя за прошлый сезон вручать. Грозилась даже заместителя министра привезти. Живенько подготовку развернули: и в конторе, и в столовой, и в клубе... Заодно и подгнившие доски на тротуарах сменили. Навели глянец.

А перед праздниками у Кнарник мальчишка заболел, тот самый Гамлет. Чирьяки пошли. Пришлось принца на перевязки водить: и четвертого мая водила, и шестого – народ все видел, народ не проведешь, он, если сразу не догадается, потом обязательно сообразит, что почем и от чего что. И четвертого и шестого Зеленка перевязывал мальчишку и успокаивал мамашу – в общем, делал что положено. Они же, медики, какую-то клятву дают. А восьмого, в день концерта, она попросила сделать перевязку с утра. Надо ведь подготовиться – платье погладить, волосы вымыть... Кудри у нее густые были, чернушие, на работу она с прической ходила, а на сцене всю кучу на плечи, да к таким-то волосам красное платье и песня цыганская... туши свет!

Ну попросилась, значит, а Зеленка на утро дела какие-то выдумал. Назначил перевязку на после обеда. А сам и после обеда задержался. Полтора часа прождала. Нанервничалась, конечно. Не лучшая подготовка к песне. Филипп Григорьевич прибегает, извиняется, приглашает без очереди пройти, будто народ ничего не понимает и сочувствия к артистке не имеет. Никто и не заставлял ее в очереди стоять, даже самые злобные не возникали. Перевязал он, значит, мальчишку, потом подходит к мамаше, хватить ее за руку и к окну тащит. Тащит и приговаривает: «Ну-ка, ну-ка, що цэ у тоби? – От окна к зеркалу подводит. – Дывысь, яка блямбочка».

А у нее над верхней губой прыщик малюсенький. Втолковал впечатлительной женщине, что прыщики ниже верхней губы неопасны, а если выше... тогда любая пакость может запросто параличом кончиться, потому что с головным мозгом связано. Усадил перепуганную бабенку в кресло и начал прыщик обрабатывать: сначала спиртом протер, потом йодом прижег, и для полного букета такие усищи зеленой намалевал, что, окажись она в городе, на нее бы все машины, как на зеленый свет, мчались.

Вернулась Кнарник домой, глянула в зеркало и ахнула. Какая уж там сцена... Впрочем, басни рассказывать можно и в таком гриме, а сердцепипательные песни... да что тут говорить.

Концерт, конечно, состоялся. Зеленка за двоих отработал, да в такой раж вошел, что гости визжали и падали от смеха. Мастер был, ничего не скажешь, живой Тарапунька.

Гостей потешил, а своих не очень. Обидел – не то слово, – «украл» у народа темно-вишневую шаль и калитку «закрыл». И так получилось, что закрыл навсегда. Концерт был последний перед летними каникулами. В мае начинался футбольно-танцевальный сезон. А у Кнарник мальчишка совсем расхворался. Свезили в область к врачу, и тот посоветовал сменить климат. И они уехали. Вроде в августе, а может, и в сентябре – разница небольшая.

А вскоре и сам Филипп Григорьевич откочевал куда-то на Север. Уверял, что родственники зовут и заработки там богатые. Все верно, только перед этими разговорами о родствен-

никах в больницу нашу приехал настоящий главный врач и еще два молодых доктора, и что-то нездоровое между ними возникло, какая-то медицинская тайна.

Боевая ничья

Слава задарма не дается: один тюргой за нее платит, другая – потерей жениха, третий – потерей здоровья. И все-таки заезжие звезды иногда ухитряются урвать кусок славушки почти не тратясь, по дешевке.

Почему, спрашиваете? Откуда у них эта фора?

Да от нас же. От нашей собственной дури и зависти. Не можем смириться с тем, что на одном болоте разные птицы водятся – под одними кочками лебеди с чирочками...

Я не Сашку Чиркова имею в виду. Вы не смотрите, что сейчас он скукоженный ходит. Этот Чирок в свое время по левому краю гордым соколом летал, редкий защитник удерживал, и болельщики из объятий не выпускали.

Знали бы, какой футбол в те годы был! Какие страсти на стадионе кипели! Бурлили и пенились! Это сейчас – придешь, и самое лучшее, если встретишь трех мужиков с банкой пива. Обязательно бывших игроков. Тянет ветеранов на места боевой славы. Того же Чирка или Силантича. Правда, с памятью у некоторых что-то стало. Одно – с ног на голову, другое – с больной головы на здоровую. Силантича, например, послушать, так его чуть ли не в сборную сватали на место Хурцилавы. Или этот, придурок лагерный, как его... фамилию не вспомню, а кличка у него была – Баня. Во вторые Стрельцовы метит. Тоже, мол, если бы в молодости не посадили, он бы... А сам вышел на поле раза три с половиной, когда играть было некому. Единственное, что умел, – ауты выбрасывать, это ему доверяли, ну и, конечно, балетки с формой носить. Вчера его в пивной видел. Как же все-таки его по паспорту... не вспомню. А Баней звали, потому что его мамаша банщицей работала. Тогда футбольные кликухи чаще всего по отчеству давали. Разумеется, если имя у отца незатертое. Кого-то Данилой звали, кого-то – Федюхой. Помню, в Добрыни из Питера каждое лето Серега Мурашов приезжал, такой технарь был, похлеще любого циркача мячом жонглировал, а по отчеству – Елистратович. Его для удобства Кастратом звали. И не обижался. Потому что играл классно. А если батька у игрока – Володя, Алексей или Анатолий какой-нибудь, тогда уже смак терялся. Но для кликухи и место работы годилось. У Юрки Батурина, который теперь физиком в школе трубит, батька лесозаводом заведовал. И Юрку по этому случаю Поленом звали. Хорошо еще не дубиной. Он как раз в защите играл. Кто-то к нашим воротам рвется, а на стадионе рев: «Полено, лупи его! По костям ему, Полено!»

Болели так, что в соседней области слышали, если наши гол забили. Это ничего, что до границы с соседней областью девятьсот метров, все равно приятно.

Теперь на стадионе, как в санатории для престарелых, а раньше как на ярмарке: шум, гам и развлечения на любой вкус. Кто в волейбол с девочками поигрывал, кто в теннис тюкал, тут же на лавочках и картишки мусолили, а на поле если не парни, то пацанята постоянно мяч гоняли. Или пенальти на высадку били, пара на пару. Игра такая была – двое в воротах, двое бьют, потом меняются местами. Кто меньше забил – вылетает. Все играли – и шпана, и начальство – без разницы. Пластались, не жалея ботинок, в кино опаздывали, мужик на одиннадцатиметровую отметку рвется, а жена за рубаху в клуб тянет. Крики, смех, слезы – мексиканские страсти. Солдаткин, главный инженер теперешний, вот уж азартен был. Он, кстати, до того как в кресло забраться, играл прилично. Он и тогда с лысиной бегал. В районе его Бубукиным звали, играл такой в «Локомотиве» и в сборной, тоже лысый и тоже нападающий. Водился он здорово, такие кружева на поле плел, только по калитке часто мазал, а когда в начальство выбился, толпа уже ни одного промаха не прощала, чуть что и: «Конторщик», «Контра», а те, кто на работе выволочку от него получал, те и похлеще выражались. Выжили игрока с поля. Правда, и возраст у него поджимал, да и замена появилась.

Ни раньше, ни позже такой сильной команды не собиралось, а теперь и подавно не будет. В районе всех без разбора чехвостили. И в области на первую группу замахивались. И тут уже без варягов не обошлось.

У Володьки Парамонова было три сестры. Фигуристые девицы, и все три в кудряшках. Поехала старшая на майские праздники к тетке в Иваново... и вернулась оттуда с готовым мужем. Соображаете, из какого города? Там на одного жениха семь невест, гарем можно завести – а нашим поселковым хоть бы хны. Увидела и увела. И не какого-нибудь замухрышку. Нашего знаменитого Силантича! Тогда он еще при шевелюре был и без живота. Привезла как раз ко Дню Победы, на открытие сезона. Парамон приводит на стадион нового родственника, зять он ему или шурин – я в этой науке всегда путаюсь – приходит и заявляет, что парень за «Текстильщик» играл. А у того на майке и впрямь «Текстильщик» написано. Где ее выдали? Может, действительно, в классной команде, а может, и в фабричной – в Иваново все текстильщики, поди проверь. Проверить трудно, а попробовать можно. Тем более что в своих бутсах пришел. И комплекция настоящего стоппера. Короче, поставили на игру. В то время защитники даже в столичных командах играли в кость или на корпус, водиться не умели, ценили за удар. Кто выше – тот и капитан. И Силантич при первом же «свободном» показал, на что способен. Разбежался... и с тещиной ноги почти до штрафной. И стадион ахнул. А правая у него в наколеннике была. Болела или для понта – не знаю. Только с первой же игры народ заговорил, что правая у него – смертельная. Якобы еще в Иваново с него расписку взяли, что за удар правой ногой привлекут к уголовной ответственности, как за применение холодного оружия. Парамон клялся, что собственными глазами эту расписку видел.

Поиграл Силантич недолго, сезона три, потом отяжелел и выходил только на замену. Если нарывался на молодых нападающих, от него совсем толку не было. Ребята бегают быстро, хорошо, если до штрафной успеет уронить, а чуть зазевался... и судья отсчитывает одиннадцать метров. Через игру, если не чаще, на нем пеналы зарабатывали. Чужие зарабатывали, а наши огребали. Отступал Силантич, но ударчик оставался, пусть и дурной. Один раз даже сверхточностью удивил. Правда, после свистка. Пацаны уже сетки с ворот снимали. Ванька Слободчиков сидел на верхней штанге и сбрасывал петли с крючков. А Силантич, он только в конце второго тайма на замену вышел, не успел наиграться, гнал мяч по полю, а потом вlepил метров с тридцати – и точнехонько Слободе в ухо. Сидел человек на перекладине, и вдруг не стало, скувырнулся. Видели, как фигурки в тире падают? И он так же. Хорошо парень ловкий, повис на перекладине, ногами зацепившись, а то бы наверняка шею свернул. Сам испугаться не успел, а других перепугал, особенно Силантича. Подбежал к воротам, бледный как поганка, весь в поту и спрашивает кастрированным голоском, не больно ли. Нашел чего спросить. Интересно, что бы он сам ответил, болтаясь вниз головой? А Слобода молодец, не растерялся: «Прекрасный пас, – говорит, – точно на голову», – а потом качнулся и чище заправского гимнаста выполнил соскок на обе ноги.

Ловкий парень, ему тогда лет четырнадцать было, если не меньше, а он не хуже любого мужика играл. Мяч у него, как намагниченный, к ногам лип. Отобрать – дохлый номер, только оттолкнуть или уронить. Но он вставал, пеналы не выклянчивал. И сам забивать умел, а главное, какие пасы разбрасывал, самородок.

Кстати, по метрикам он числился не Ванькой, а Тенгизом: батя в честь однополчанина обозвал. Тенгиз Иванович, да еще и белобрысый – каково? Так бы и вырос, если бы не заболел какой-то пакостью типа костного туберкулеза. Каким только врачам его ни показывали – бесполезно. И он мучился, и родичи страдали, пока бабку-знахарку не нашли. Та осмотрела, обнюхала, но лечить ребенка с басурманским именем отказалась. Батьке деваться некуда. Быстренько окрестил его Иваном. И помогли старухины припарки. Поднялся пацан и забегал. Любому здоровому на зависть. А потом, на зависть любому здоровяку, влюбился в самую красивую девчонку на поселке, а самой красивой считалась младшая сестра Парамонова. По уши

влюбился. Она тоже вроде того. На велосипеде с ним каталась, сначала на багажнике, потом на раму пересела. Да по-другому и быть не могло: Слободу уже за мужиков играть ставили. Железнодорожникам гол проигрывали, а он за четыре минуты до свистка трех человек в штрафной обвел, не считая вратаря, которого он ползать заставил... и вкатил мяч в ворота. Артист.

А потом появился Седой. Шикарно нарисовался. Пришел на стадион в остроносых корочках, брюки внизу на молниях, рубашка в пальмах и кок набриолиненный – стилига первый сорт. Ребятишки на лужайке в очко играли. По копеечке. А он – сразу трешник на банк. И огреб, конечно. А потом весь выигрыш вывалил в чью-то тубетейку и отправил в магазин за выпивкой. А сам двинул к теннисному столу, будто бы время скоротать. Покрутил в руках ракетку, пощелкал по ней ногтем, скривился, но играть не побрезговал. Когда гонец вернулся, Седой уже четвертую партию выигрывал. Выпил он полстакана, не больше, остальное толпе на растерзание оставил, и благодарная шпана в тот же вечер о его талантах на весь поселок раструбила: и про карты, и про теннис, и, самое главное, про футбол. Он ведь и на поле спектакль дал, да еще какой! Врезать пыром от ворот до ворот – дело нехитрое. Это мы уже видели. Седой пришел на поле не в бутсах, а в остроносых корочках – улавливаете разницу? В том-то и дело, настоящий мастер никогда не будет разгуливать по улицам в спецодежде. Вышел на поле и встал, руки в боки, а когда мячишко случайно выкатился к нему, подцепил его носком, пожонглировал с левой на правую, с колена на плечо, с головы на пятку, с пятки на носок, а потом – резаным по калитке, несильно, зато – чистенько в «девятку».

Поселок весь вечер гадал – кто такой, откуда взялся и к кому приехал?

К Пармоновым, к кому же еще?

Силантич, конечно, помог. Когда-то они вместе играли, вот и пригласил к теще на блины. А науськал – ясное дело – Парамон. У того интерес особый, успел привыкнуть к уважению, понравилось кататься бесплатно и в район, и в область, на все игры. Возили как запасного игрока с правами завхоза, но без обязанностей – почетно, выгодно, удобно. Только недолговечно. Начал Силантич на скамейке запасных засиживаться – и под Пармоном место заскрипело. Тут-то и понадобилась средняя сестра, точнее, жених для нее.

Поселок мечтает, как бы такого игрокка к рукам прибрать. Парамон вокруг конторы круги выписывает, прикидывает: с какой стороны к начальству подкатиться. Теряет время и не догадывается, что начальство уже готовенькое. Солдаткин сам заманил его в кабинет. И торговаться не пришлось: и зарплату, и квартиру – все устроили...

И голы в чужие ворота полетели один за другим. Седой забивал и пыром, и щечкой, и головой, и коленом, и в падении через себя – из любых положений и на любой вкус.

Одних – насухо, других – начисто, а пятых – в пух и прах. С тринадцатого места на третье перебрались. А там уже и до первой группы шаг да маленько.

Размечтались.

Разбазарились.

Раздухарились.

Разговоры пошли, что вход на стадион платным будет, как в настоящем городе. И даже радовались этому. Утки в дудки, тараканы в барабаны. О Седом легенды сочиняются одна другой цветистее, только вот запахок у некоторых цветов странноват. И все потому, что сомнение в народе большое. Непонятно людям, с какой стати классный игрок в нашем болоте завяз. Злые языки уверяли, что он проигрался в карты и прячется от расплаты. Добрые шептали, что испинал кого-то в ресторане и прячется от милиции. Парамон успокаивал – никакой уголовщины, просто Седой влюбился в его среднюю сестру. У них же футбольная династия: Силантич старшую взял, средняя за Седого пойдет, младшая Ваньке Слободчикову достанется, если он играть лучше всех будет, а уж собственную дочурку Парамон обязательно в высшую лигу выведет.

Парамон предполагал, а Седой клепал банки в каждой игре, пил каждый вечер, благо охотников посидеть с ним хватало, но жениться не торопился.

И не сразу обратили внимание, что младшая сестричка перестала кататься на раме чужого велосипеда. Хватились, когда она уже прогуливалась за стадионом с женихом средней сестры. Ему, козлу, под тридцать подкатывало, а девчонка в десятый класс перешла.

Парамон, что бы он потом ни говорил, знал обо всем, но помалкивал. Переполох подняли бабы. Выйдет команда в первую группу или нет – им чихать. Им честь поселка недо рога. Им лишь бы мужики поменьше пили и на сторону бегали. И понеслось под лозунгом борьбы за справедливость. А бабы, как собаки, – грызутся между собой, злобствуют, но появившись чужак, которого обляять хочется, – дружнее хора не подберешь. Тем более что правота на их стороне. Разнюхали – и вперед. Все объединились: и учителя, и Никодимова из поссовета, и Люська Позднякова, у которой полпоселка перебивало, не считая командировочных. Ладно бы Седого костерили, ему, в общем-то, поделом, так ведь самые жирные помои на девчонку лились. Короче, два пишем – семь в уме. И азартнее всех жена Силантича горланила. Парамон ей даже в глаз врезал на правах старшего брата. Силантич пробовал было наскокивать на него, за жену заступиться хотел. Да где ему с таким бугаем совладать. Парамон и Силантичу отвалил, чтобы в семейные дела не вмешивался. Раньше бы постеснялся футболиста тронуть, а списанного из команды – запросто, даже с удовольствием. И Силантич скушал и не возникал больше.

Кто кричит, кто плачет, а Седому хоть бы хны, пьет себе с мужиками и каждую игру по банке, а раздухарится – и по три заколачивает: и пырком, и щечкой, и головой – на любой вкус. На болоте война, а на Олимпе спокойствие.

И команда к первой группе шаг за шагом приближается.

Только Ваньку Слободчикова на игры не ставили. О нем как-то и вспоминать стеснялись. Случается с нами такая деликатность.

Все решилось во встрече с «Маяком». К Седому трех костоломов прикрепили. Ходили за ним, как привязанные, ни на шаг не отпускали, чуть что – по ногам, увернулся – за майку хватают. И сам он с глубочайшего похмела, лично видел, как его в сортире драло. Короче, не шла игра. Младшенькая Парамонова, сидя на лавочке, все губы искусала. Потом еще пеналь в наши ворота судья отсчитал, непонятно за что, но ясно для чего. Разбег, удар – и мы проигрываем. А для выхода в первую группу ничья нужна, хоть наизнанку вывернись. Парамон с милиционером дядей Васей Кирпичевым, как всегда, у чужих ворот стоят. Обычно они похатывали, а тут притихли, не до смеха главным болельщикам. А кому до смеха?

Перед вторым таймом Седого немного подлечили. Вроде пошустрей забегал. Один раз оторвался от защитников, но в штангу попал, похмельный прицел подвел. Потом нервы подвели, когда один на один вышел. Потом судья гол не засчитал, а никакого положения вне игры не было. И судья подсуживает, и удача задницей повернулась, и мяч в лужу подал, и ноги кривые – а заруба не слабее уругвайской. Чирка подковали, на руках с поля унесли. На замену, кроме Ваньки Слободчикова, ставить некого. Дождлся парень. Защитники на него поначалу и внимания не обратили – цыпленок, мол. А этот цыпленок возьми да и перехвати пас, потом прокинул мяч промеж двух бугаев – и вперед. Пока те соображали – он уже оторвался, один на один с вратарем. И до калитки метров пять, ну, может быть, семь. Дядя Вася Кирпичев возле штанги притих, рот раскрыл, а закрыть боится. Вратарь с тоски затанцевал, не решит – то ли в ноги бросаться, то ли в дальний угол прыгать. А Слобода подработал мяч под удар да как влепит...

Шляпа с Дяди Васи Кирпичева, словно голубь с памятника, фыр-р-р... и улетела, а сам дядя Вася, как оловянный солдатик, рухнул и не шевелится, только кровь из носу.

На стадионе тишина. Даже игра прекратилась. Вратарь как рухнул на колени, так и замер, от страха или от радости – непонятно. Фельдшер Филипп Григорьевич – трусцой через поле к пострадавшему на помощь. Но Слобода его опередил и, пока пульс искал, признался, что не в

дядю Васю целился, а в Парамона. Обидный промах, но что поделаешь. Винтовка с оптическим прицелом – и та погрешность допускает.

Дядя Вася, конечно, очнулся. А в конце игры Слободу возле вратарской площадки снесли. Так двинули, что он за лицевую линию вылетел. И судье некуда было деваться, пришлось до одиннадцати считать. А Седой не промахнулся. И в итоге боевая ничья. Даже слишком боевая.

Вышли мы в первую группу. Только толку-то.

Как вышли, так и ушли.

Закончили следующий сезон с хорошим отрывом от предпоследнего места. Всем проиграли. А с кем было выигрывать? Ванька Слободчиков от несчастной любви бросил школу и в Питер подался, в ремеслуху, и там спился, говорят, такой парень пропал. Седой тоже по холодку намылился и адреса не оставил. Парамон грозился разыскать его и ноги выдернуть, да так и не собрался. А младшенькая Парамонова родила девчонку. Теперь уже выросла. Видел ее недавно. Вся в Седого, вылитая. Вот уж не повезло бедняжке, с такой фотографией только в футбол играть, а если в волейбол, то обязательно в первой сборной, иначе в девках зачахнешь. Извините, конечно, за глупую шутку, обидно за девчонку, вот и болтаю черт знает что. Хотя и мамочку ее понять можно. Видели бы вы, какие голы забивал Седой – и носком, и пяточкой, и в падении через себя – из любых положений и на любой вкус. А любовь зла, сами знаете.

Потомок

Потомственных дворян среди поселковых обитателей не замечалось. Поговаривали про Корнилова, будто бы что-то там такое, вроде как седьмая кость от колена того самого генерала. Но сначала появилась версия, что наш Корнилов во время оккупации Одессы полицаем у немцев служил. Стоило человеку уехать из поселка, сразу же заговорили, что там, на Черном море, его кто-то опознал и сообщил куда следует, а потом уже он стал потомком белого генерала. Легенду сочинили, скорее всего, наши, поселковые, чтобы объяснить некоторые белые пятна в его личности. Неспроста же он, работая обыкновенным фрезеровщиком, постоянно ходил в шляпе? Неспроста у него оказалась единственная в поселке личная «Победа», которую он будто бы заработал на Сахалине? И уж совсем неспроста отпустил он Тольку Капитонова, когда поймал у себя в квартире, с поличным взял и отпустил, но обыскал с ног до головы, даже носки заставил снять, видно, очень боялся, как бы Капитон не унес какую-нибудь улику, потому и простил, что не хотел привлекать к себе внимание милиции.

Короче, подозрительный тип. Только непонятно, какого рожна он в Одессу поперся? Если за кордон намылился, так можно было через Таллин или Ригу? Но дядя Вася Кирпичев сказал, что преступника всегда тянет на место преступления, – это им на милицейских курсах объяснили. И еще он сказал, что ему как участковому никаких запросов из Одессы о Корнилове не приходило, так что слухи запросто могли оказаться сплетнями.

Красиво обосновал, а Никодимовой не понравилось. Когда ей рассуждения эти передали, она вдруг разбушевалась – тоже, мол, Шерлок Холмс выискался, с паршивым Капитоновым справиться не может, а требует, чтобы перед ним отчитывались за государственного преступника. Чего взъелась – непонятно. Может, слухи про Корнилова сама и распускала, может, пятерку из кармана выронила, а грешила на Капитона? Кто ее поймет. Женщина при должности – это уравнение с шестью неизвестными. А Капитонова она всей своей массой ненавидела, ждала и деньки считала, когда он совершеннолетним станет, чтобы в колонию упечь.

Был ли Корнилов потомственным дворянином, с полной уверенностью сказать никто не мог, но весь поселок знал, что Капитонов – потомственный вор. Потому как сам рассказывал. И все верили – кто же на себя наговаривать будет? И отец, и мамаша его тянули «срока». Замели их где-то на Кавказе, а Капитона забрала к себе тетка, сестра матери, тоже профура порядочная, буфетчицей здесь работала, теперь на пенсии.

С новеньким познакомились на стадионе – самое подходящее место, мы как раз в расшибаловку играли, кстати, в Сибири это развлечение «чикой» называется. Подошел незнакомый парнишка, вытащил из кармана горсть мелочи, а нам что, нам не жалко, пусть проигрывает. И надо же так случиться, что именно в этот раз мы попали под облаву. Был у нас в школе завхоз, пройдоха – клейма негде ставить, руки с ящичком, тасил отовсюду, даже с пацанья навар имел. Выследит, где мы битку мечем или у стенки пяло тянем, подкрадет незаметно и конфискует все, что на кону. Ни в учительскую, ни к батьке жаловаться не побежишь – себе дороже получится.

Налетел, значит, завхоз, сгреб наши монетки, засыпал несеяный урожай в свои закрома и потопал, а мы стоим с кислыми рожками, смотрим вслед уплывающему богатству. Для нас такое не впервой, а Капитон вдруг занервничал, побледнел – и за ним. Вернулся минут через двадцать, протягивает четвертак и говорит: «Чешите в магазин, разменяете, а потом разделим».

У нас глаза на лоб – с каких пирогов такая щедрость? Но объяснения оказались очень даже убедительными. Парень испугался, что мы подумаем, будто завхоз нагрязнул по его наводке. Новенький, не успел разобраться в ситуации, решил – бить будем, и, чтобы снять подозрения, теранул возле завхозовского пиджака. А получилось нечто похожее на акт справедливости. Робин Гуд. Медяки наши, конечно, больше чем на трешку не тянули, но если

учесть предыдущие поборы, то дебит с кредитом приблизительно сводились. Для приличия мы поотнекивались, пожеманились немного, но, чтобы не показаться трусами, распушили конфискованный четвертачок на конфеты и сдачи не оставили. Гульнули, в общем.

Капитон стал лучшим другом. Разоткровенничался, опьянев от конфет, про Кавказ начал рассказывать. Рубаху на пузе задрал и шрамом похвастался – чеченцы, дескать, из-за шмары пырнули. Пятнадцатилетний шкетенок, а туда же, в бабники. Лапшу на уши вешает, а мы глаза тарашим, восторгаемся, и невдомек дурачкам, что ножевая рана слишком похожа на аппендицитный шов. Но, обратите внимание, осложнения с чеченцами предсказал еще тогда. Пророк. Сквозь десятки лет углядел... А под ноги посмотреть забывал. То на грабли наступит, то в дерьмо вляпается.

Один раз вляпался в конфеты. В школе был вечер с конкурсом по домоводству, девчонки пекли торты и прочие ватрушки, а потом, после совместного чаепития, должны были выбирать чемпионку. Капитон заявился как раз перед дегустацией, поддатый и с полными карманами конфет. Сначала всех принцесс угостил, потом – золушек. Пацанам тоже кое-что перепало. Самодельные сладости хороши, а магазинные – лучше, потому как нечасто нас баловали ими. Appetit перебил, вкус испортил. Училка по домоводству обидчивая тетенька была, буром на него, что, мол, за безобразие, по какому праву мероприятие срываешь. Капитон такой благодарности не ожидал, растерялся, пятится от нее, чтобы в толпе затеряться, а ботинки к полу прилипли, и следы за ним почему-то с желто-розовыми проблесками. На шум, как обычно, физрук прибежал. Увидел следы, пальцем потрогал и – в погоню за Капитоном. А убежать от него непросто. Поймал бедолагу, руку за спину завернул и в радиоузел, туда, где ни одного окна, а на двери два замка. Учителя пошли совещаться, а мы в коридоре скандируем: «Свободу Патрису Лумумбе!»

Не знаете, кто такой Патрис Лумумба?

Отсталые люди. Было время, когда о нем весь советский народ говорил, жалел пуще родного брата и возмущался несправедливостью. Все почему-то боялись, что его после ареста растворят в «царской водке». «Убили, гады, нашего Лумумбу» пели чаще, чем «Подмосковные вечера», не по радио, разумеется, пели.

Учителя, значит, заседают, обсуждают меру наказания, а мы митингуем. Свободу Патрису Лумумбе. И попробуй не согласишься.

На переговоры с нами вышел директор и объявил, что Капитанов совершил хищение конфет из школьного буфета. А я возьми да и спроси, с какой стати в таком случае от Капитанова водкой пахло. Директор вроде как не расслышал или не понял, о чем я спрашиваю. Сделал вид, конечно. Не объяснять же несознательным троечникам, для чего и откуда выпивка в школьном буфете. Но, может, именно это и повлияло на приговор. Чтобы не выносить сор из избы, в милицию решили не заявлять. Но с нас взяли обещание следить за ним и воспитывать, чтобы подобные проступки больше не повторились. Ну мы, разумеется, пообещали.

Учителя снова заперлись, теперь уже нашу торжественную клятву обсуждать. Узник продолжает томиться в темнице. А мы упорно ждем и от тоски гадаем – зачем он вымазал конфетами свои ботинки.

Все объяснилось до неприличного просто. Когда его все-таки освободили, он рассказал, как лез в окно и вляпался обеими ногами в ящик с карамелью. Если бы не этот дурацкий ящик, все было бы шито-крыто. Досадная случайность, но Капитанов не унывал. Мы, конечно, доложили, что поручились за него, и наш Робин Гуд под салютом всех вождей пообещал не подводить товарищей.

Сказано – сделано. Школьный буфет он больше не беспокоил. Однако перестать лазить по карманам он никому не обещал. Как же человек может отказаться от того, в чем он равных не знает? Он даже на спор демонстрировал нам свое искусство. У меня рублевку вытащил, я и

моргнуть не успел, хотя и ожидал, а что говорить о тех, кто прогуливался или спешил куда-то с деньгами в кармане. Не всем такая беспечность безнаказанно проходила.

Талантливый карманник, без дураков, но по молодости лет и отсутствию опытного наставника совался в неосвоенные профессии. На этом и горел. Последняя поселковая кража для Капитона была в хлебном магазине. Перед обедом спрятался в закутке за печкой, хотел забрать выручку и улизнуть, когда отпрут входную дверь. Все вроде продумал, но нелегкая привела к магазину бабушку Митрохову, и та, по привычке совать нос куда не просят, заглянула в окно. Старуха военная, паниковать не стала, спокойненько дождалась продавщицу и велела перед тем, как открыть дверь, сбегать за дядей Васей Кирпичевым.

Арестованного заперли в пожарке, имелась там каморка, заменяющая КПЗ, темнушкой народ называл, но темнушкой она не являлась, под самым потолком было маленькое окошечко. Взрослый мужик в него не пролезет, а Капитон поставил топчан на попа, забрался по нему и ужом – на свободу.

В поселке спрятаться можно, только долго в подполье не просидишь. Надо было менять «прописку», и желательнее в ту же ночь, пока не хватились и не перекрыли вокзал. Московский поезд уходил в половине пятого. Капитон знал, что у Ваньки Слободчикова родители уехали в город на свадьбу старшей сестры, туда и отправился. Ванька, разумеется, догадался, что Капитон в бегах, но не закладывает же. А тот всего и попросил-то поесть да пересидеть до утра, чтобы на вокзале не светиться. Тут и последний трус не отказал бы – риска-то никакого, а Ванька парень надежный – и покормил, и будильник поставил, чтобы не проспять. Но Капитон прилег только для отвода глаз. Может, и прикемарил чуток, но поднялся, когда хозяин еще спал мертвецким сном футболиста. Оделся осторожненько, забрал из комода облигации и будильник прихватил, наверно, чтобы Ваньку к поезду не разбудил. Но самую страшную обиду нанес бутсами. Упер, стервец. А пацан ими так гордился. После каждой игры надраивал, ярче лакированных сверкали, на танцы можно было надевать. А этот упер. Зачем? Толкнул на городском вокзале? Ну сколько за них получил? С его карманным талантом в десять раз больше добыть можно. Нет, надо было напакостить...

Ходил по поселку пацан, героем, можно сказать, ходил, а уйти как подобает герою не смог. Неужели и правда от породы никуда не денешься?

Первый лагерь

Не переживайте, я не о том, о котором вы подумали. Лагерь в России предостаточно, на любой вкус: пионерские, спортивные и так далее... до лагерей строгого режима. Я про лагерь труда и отдыха – в моем детстве и такие имели место. Придумали их для школьников, вышедших из пионерского возраста. Кстати, не совсем добровольные. Без медицинской справки не увильнешь. Да я, собственно, и не переживал – все веселее, чем дома.

Объявили о лагере в конце мая. Велено было явиться в школу всем, кто перешел в девятый класс, и даже тем, кого на осень оставили.

Собрались. Училка ботаники принесла две стопки спортивной формы: в одной – черные трусы, в другой – красные футболки. Если лагерем обозвали, значит, и одеты должны быть одинаково. Форма выгореть успела, полинять от стирок, но не на парад же отправляли. Повезли нас в село Шелдомеж. Можно сказать, что рядом с домом. Если по узкоколейке – километров шесть, а тропой через лес и четырех не будет. В тот самый Шелдомеж, возле которого войско Батяя остановили. Учитель истории называл его в три слова – ШЕЛ ДО МЕЖИ – до той самой межи, на которой татар остановили. Он много чего рассказывал и про польское нашествие, и про французское, и про немецкое, но те до наших болот не добрались, а с татарами нам повезло, благодаря им поселок и к Бородину можно приравнять или к Курской дуге. Однако с нами была училка ботаники, про Батяя она ничего не знала и толковала про турнепс, объясняла, что в ста килограммах турнепса содержится восемьдесят килограммов кормовых единиц. Внушительные цифры должны были помочь осознать всю серьезность доверенного нам дела. Я спросил у нее, что такое кормовая единица. Без всякой подначки поинтересовался, а училка разозлилась, заорала, что в угол поставит. Наверное, сама не знала. Рядом с ней деревенская бригадирша была, бойкая тетенька. Увидела, что учительница растерялась, сразу поспешила на помощь. Зачем, мол, в угол, ретивому коню тот же корм, а работы вдвое, и ему двойную норму назначим, если он такой любопытный, помашет тыпкой, пока другие обедают, авось и сам поймет.

На первом же построении Юрка Батулин опозорился. Вышел в футболке с выточками на груди. Видимо, какая-то второгонимка из прошлой смены под фигуру подгоняла. Пацаны-то и внимания не обратили, а девчонки сразу на смех подняли. Бедняга разозлился, футболку с себя сорвал и убежал за рубашкой. Возвратился, даже дотронуться до нее брезгует. Валялась, пока Танька Савоцева не подняла и не отнесла училке. Запасной формы не нашлось, так и проходил до конца срока в своей рубахе.

Танька в нашем классе самой примерной была, каждый год на Доску почета вешали. Учителя хвалили, а пацаны не замечали, как тогда говорили «не бегали» за ней. Не то чтобы страшная была, но какая-то слишком положительная и неинтересная.

Поселили нас в деревенской начальной школе. Мальчики в одном классе, девочки – в другом. В восемь утра подъем, зарядка, водные процедуры, завтрак и с мотыгами на плечах – в поле. Строем, но петь не заставляли. Уже хорошо.

Прополка турнепса большого ума не требует. Надо выдергать осот и прочую вредную растительность вокруг него и взрыхлить землю. Сорняки дергаются руками, почва взрыхляется мотыгами. Ума не надо, а без терпения не обойтись. Нудное занятие. Впрочем, как любой крестьянский труд. Это в книжках школьники с удовольствием помогают взрослым, а в жизни – не очень. Лично я на домашний огород без долгих напоминаний не заходил. Но ватагой все-таки веселее. Над кем-то подшутить можно, в кого-то чахлой турнепсиной кинуть.

Работали по четыре часа. Свободного времени хватало. Чаще всего подобные десанты начинаются со стычек с местной шпаной. Но здесь обошлось. Деревенские парнишки после седьмого класса в ремеслухи подались. Осталось двое ребят нашего возраста, но учились они в

параллельном классе, так что доказывать, кто в деревне хозяин, смысла не было. И питерских, которые на лето к бабкам приезжают, тоже не густо, всего трое. Один, кстати, рядом со школой жил, прыщавый и гундосый студент-первокурсник, но знаться с нами считал ниже своего достоинства. И бабка у него вредная, в первый же день заявила, что, если кто из наших заберется в ее сад, она сразу же напишет в районо.

На четвертый или пятый день Танька встала на соседний со мной рядок. Ну, встала и ладно, я и внимание не сразу обратил. Потом смотрю, обогнала. Попка перед глазами мелькает. Попка-то меня не смутила, пацан еще. А то, что обогнала – заело. Добавляю оборотов. Реже – руками, чаще – тяпкой. Не жалею ни сорняков, ни турнепса. Поравнялись. Идем ноздря в ноздю. Пытаюсь обойти, а она не сдается. Тянется из последних сил. Только откуда отличнице силенок взять? Нет, думаю, плевать на самолюбие, а то рухнет между рядками, придется скорую помощь оказывать. Притормозил. Так она снова вперед выкарабкалась. Не только в школе, но и в поле в передовики рвется. Такие игры не по мне. Пусть зарабатывает очередную похвальную грамоту. Иная похвала смешнее, чем хула. А она оторвалась метров на пять и ни с того ни с сего перешла на мой рядок, развернулась и начала дергать мой осот. Это называлось «взять на буксир». Продвигаемся навстречу. Встретились. Я с тяпкой стою, она на корточках передо мной. Вырез у майки отвис. Округлости ее вижу. В голове и туман, и пожар одновременно. Испугался, что заметит мой нечаянный интерес, отвернулся, а она вроде как и не догадалась, щебечет про хорошую погоду и злых комаров по вечерам. Чую, неспроста все это. Может, влюбилась, думаю. Спроси меня раньше, какого цвета у нее волосы, я бы и не ответил. Серенькая вся, без оттенков. А тут присмотрелся украдкой и увидел, чего раньше не замечал. Очень даже симпатичная девчонка. Глазищи большие, синие и ямочки на щеках, когда улыбается.

Заканчивали свои борозды уже без соревнования, не спеша, за разговорами.

И вечером встретились, вроде случайно. Вышел прогуляться, вижу, она стоит, как из-под земли передо мной выросла. Пошли рядом. Ни у меня, ни у нее попадаться одноклассником на глаза никакого желания. Но деревня-то маленькая. Куда ни ткнишь, везде на виду. Танька свернула в сторону кладбища. Подошли к церкви. Она спрашивает, был ли я внутри. А как же без меня, год назад успел разведать.

Был, говорю, и еще раз думаю слазать. В общем-то я не собирался, но для форсу, чего не сболтнешь.

– А меня можешь туда взять? – спрашивает.

Голосок от волнения дрожит и побледнела от страха. Сама попросилась. А для меня ловкость и геройство свое показать удобнее случая не придумаешь.

Окна в церкви высоко над землей. Отыскал, в котором прутья решетки отогнуты, но без подставки было не забраться. Порыскал по кладбищу, Нашел упавший крест на заброшенной могиле, их там больше половины заброшенных, а если бы не нашел, я бы и не упавший выкорчевал. Теперь-то понимаю, что нехорошо это, но в те годы деревенские кладбища были заросшими и запущенными, их чуть ли не в свалки превратили, Так что без всяких угрызений совести и страха перед грехом притащил крест и приставил к стене, как лесенку. Спрыгивать из окна внутрь тоже высоковато было. Объяснил Таньке, что залезу первым, а потом помогу ей спуститься. Велел смотреть и запоминать, как забираюсь, а потом тем же способом за мной.

– Не боишься? – спрашиваю.

Голос подать смелости не хватило, но головой тряхнула весьма уверенно, прямо как Любка Шевцова из «Молодой гвардии».

Когда принимал ее из окна, нечаянно до груди дотронулся. Не собирался я руки распускать, честное слово. Так получилось, что ее грудь попала в мою ладонь. Я даже сам испугался. А она как фыркнет и хлесть меня по руке. Дернулась в сторону, запнулась и упала. Но не заплакала.

У меня щеки от стыда пылают. Она, полагаю, тоже покраснела, но в церкви уже полумрак был, это и спасло. Стою, боюсь шевельнуться, жду, когда отличница концерт закончит. Она молчит. Может, ударилась, когда падала, и боль обиду заглушила. Помочь ей подняться не решаюсь. Это же дотрагиваться надо. Сама встала. Молчит и осматривается. А что там увидишь? Вечер, темновато уже, и бузина под окном остатки света загораживает. Пол густо загажен голубиным пометом. В углу целая гора всяческой утвари. Мода на церковные вещицы до нас еще не дошла, растащить по городам не успели. Танька осмотрелась и напрямик в тот угол, где барахло свалено. Сказала, что бабушка у нее верит в Бога и очень любит церковные книги.

Пять штук нашли. Тяжеленные, в кожаных переплетах, с застежками. Я в тряпье покопался, три иконы отыскал. Одна в металлическом окладе, а две на горбатых досках, на них и не видно было ничего. Хотел выбросить, а она:

– Возьмем, – говорит, – бабушка обрадуется.

А сама обрадовалась, когда я хоругвь развернул, даже страх забыла.

– Я из нее кофточку сошью, – говорит, – все девчонки от зависти засохнут.

Засмеялась.

Развеселилась.

Осмелела.

Чтобы на волю выбраться, я сундук под окошко придвинул, а на него книги сложил, чтобы не подсаживать ее и снова нечаянно не обидеть. Хотя поддерживать все равно пришлось, да она вроде и не противилась уже, на радостях, что любимую бабушку подарками завалит. Эвакуировал девушку из опасной зоны, передал ей «сокровища» и сам вылез.

– А как мы это богатство потащим? – спрашивает. – Нельзя же у всей деревни на виду?

Сама спросила, сама и ответила. Показала на заросли крапивы, давай, мол, спрячем, туда никто не полезет, а потом она потихоньку перенесет к себе. Так и сказала:

– Перенесу.

Я со всей широтой душевной предлагаю мужские руки для груза.

– Нет, – говорит, – одна управлюсь, а то девчонки смеяться начнут, если слишком часто вдвоем начнем ходить.

Пришлось соглашаться.

Спрятали книги в крапиву. Кстати, сама укладывала и маскировала, не побоялась обжечься. Я предложил иконы, которые на досках, забрать сразу, на них все равно ничего не видно, никто внимания не обратит. Ни в какую. Бойся. Потом разрешила взять одну, а сама свернула хоругвь изнанкой наружу и пару лопухов с боков приложила, для маскировки. Возвращались порознь. Меня заставила крюк делать. Обогнул школу с другой стороны, и, когда подходил к крыльцу, она уже стояла на пороге с пустыми руками. Забрала у меня икону и велела никому не рассказывать о наших приключениях.

Перед отбоем я заглянул в девчоночий класс. Таньки там не было. Спросить я постеснялся. Пошел к церкви. Заглянул в крапивный тайник, а книги уже исчезли. Пусть и темно было, но я ничего не перепутал, смотрел там, куда прятали. Но кто-то унес. А кто, кроме Таньки?! Не привидения же? Но когда успела? И куда унесла? Стою среди могил, размышляю. Весь крапивой изжальный. Руки, ноги чешутся.

Вернулся в лагерь. Девчонки сказали, что она отпросилась домой. Я и решил, что повезла подарки любимой бабушке. Не захотела светиться с церковными книгами, а то, чего доброго, до училки дойдет, а та обязательно шум поднимет, не пожалеет примерную ученицу. Только непонятно было, на чем она уехала и как дотащила тяжеленные гроссбухи.

Обиделся, разумеется, что моей помощью побрезговали.

Увидеть ее на утреннем построении не ожидал, но девочка дисциплинированная, успела вернуться. Стоит с подругами, щебечет, веселая и довольная. По дороге на завтрак я подошел, спросил, куда вечером пропала. Оказалось, что случайно увидела грузовик дяди Саши Белова

и попросила отвезти домой. А утром брат на велосипеде привез. Мне даже понравилось, как быстро нашла выход. Похвалил ее. Но похвалы мои Таньку не тронули. И вообще она как-то непонятно держалась, будто и не лазили вместе в церковь.

Она и на поле встала за шесть рядков от меня, специально поджидала, чтобы подальше оказаться. Отгородилась, можно сказать. И в перерыве в гуще девчонок пряталась. Но я все-таки выждал момент. Спрашиваю, в чем дело, а она смотрит на меня как на придурочного – чего, мол, прицепился, отвали, повидло, как тогда говорили. Нет, впрямую она ничего не сказала, но дала понять довольно-таки красноречиво. Отчего, почему – объяснять не стала, и я подумал, из-за того, что в церкви моя рука нечаянно попала туда, куда нельзя. Но сказать девчонке, что не собирался лапать ее, решиться не смог, да и слов для такого объяснения не нашел бы.

Получил от ворот поворот и успокоился. Как будто ничего и не было. Не дорос еще, не созрел для любовных переживаний. И занятие отвлекающее очень кстати подвернулось. Деревенские мальчишки проговорились, что у них имеется старый бредешок. Три вечера латали в нем дыры, а потом все свободное время бродили по окрестным прудам. Возвращались уже в темноте.

И вот, ковыляю усталый с рыбалки, несу нашей поварихе карасей, мелких, но чуть ли не ведро, чистить которых придется самому... И вижу Таньку. Хотел гордо пройти мимо, но услышал, что плачет дуреха. Тут уж не до старых обид. Подхожу. Спрашиваю, в чем дело? А она еще громче. И гонит меня. Но не слишком решительно. Даже я понимаю, что не хочет, чтобы уходил. И вдруг начинает прощения у меня просить. Совсем голову задурила. Не могу сообразить, при чем здесь я и с какого боку причастен. Потом из ее захлебываний вынырнул какой-то Эдик – обманщик, подлец, негодяй и так далее. Раза с третьего догадался, что Эдик, тот самый питерский студент, сосед, который с нами знакомиться не захотел. Вот уж на кого не мог подумать. Не вязался в моем представлении этот прыщавый хлюст с тем парнем, из-за которого девчонки головы теряют и слезы льют. Да что с меня взять, я и теперь-то не всегда понимаю женщин. А там, в деревне, совсем зеленый был. Даже густо-зеленый...

Или нежно-зеленый?

Какой оттенок зеленее?

В общем, вы поняли, что я имею в виду.

А история очень простая. Проще и не придумаешь. Скучающий питерский юноша снизошел до провинциальной девочки. В разговоре она случайно вспомнила, что мальчик из ее класса лазал в деревенскую церковь и нашел там старинную книгу. А я, действительно, приносил в школу какую-то книгу, потом у меня ее выпросили. Я и забыл про нее. А Танька вспомнила. И студент посоветовал ей уговорить этого дурачка, то есть меня, поискать другие книги и, если иконы попадутся, тоже прихватить. И влюбленная девочка сделала так, как он велел. Даже больше того, сама отважилась. А в тот вечер никакого дяди Саши с машиной она не видела. Как только от меня отделалась, сразу побежала к Эдику.

А слезы, потому что уехал, не простившись и не оставив адреса. Все, как в плохом кино.

Танька выплакала свою беду. А когда немного успокоилась, попросила никому об этом не рассказывать. Даже клятву потребовала. И я поклялся. И молчал. А с какой стати мне рассказывать? Там ведь не только она опозорилась. Я тоже лопухом себя вел.

Кофточку из хоругви она так и не сшила. Может, не получилось, может, не желала напоминать себе о несчастной любви, а может, студент и хоругвь с собой прихватил. Хотел спросить у Таньки на выпускном вечере, но раздумал: зачем праздник портить?

Старый пятак

Я говорил, что целыми днями на стадионе крутились – если бы только днями – частенько и от ночи прихватывали. Сбоку от футбольного поля танцплощадка стояла, как раз напротив центрального круга. Пока светло – мяч гоняли, а к темноте окружали пятак.

Первым туда приходил баянист Генка Лысухин. У него собственная скамейка была. Садился и начинал наигрывать какую-то непонятную музыку. Может, классику, может, сам сочинял – мы не больно-то разбирались, знали только, что для танцев она непригодна и на песни не похожа. Сидит, пиликает сам для себя. Потом появлялась бабушка Митрохова. Она рядом со стадионом жила, музыку услышит, думку под мышку – и поковыляла.

Не знаете, что такое думка?

Не та думка, которую думают, а та, которую под голову кладут, маленькая подушка с вышивкой.

Думку эту она для Генки приносила, чтобы ему сидеть мягче. Заботилась. Он не сказать, что калека был, но в детстве чем-то переболел, и после осложнения фигура у него не совсем складная получилась. Ноги длиннущие, а туловище короче баяна, голова еле из-за мехов выглядывала, получалось, будто он прячется за свой баян. И прятался, и держался за него двумя руками, а за что же еще... Но играл, как дьявол. А девчонки все равно не любили. Зато старухи обожали. Еще до начала танцев все места возле него занимали бабки. Он для них и «Каким ты был, таким ты и остался...», и «Ревела дура, муж побил» – все, что попросят. Потом, когда танцы начинались, он на моднячую музыку переключался, но старухи не расползались. У них появлялись другие интересы – кто с кем пришел, кто в чем пришел, кто с кем танцует и кто как танцует...

А мы, пацаны, шныряли в надежде увидеть хорошую драку, ну и сами пошкодить были не прочь. Особой изобретательностью, правда, не отличались, шутили, насколько позволяли подручные средства, даже и бесполезной бузине нашли применение. Наберешь полные карманы зеленых ягод, дудку в лесу срежешь и – очередями по девичьим ногам. Бузины в займище заросли, забава, доступная для каждого, мы с Ванькой до нее почти не опускались.

Мы находили игры порискованнее. Рядом с Заборьем, в болоте, есть низкорослый соснячок. Грачей там черным-черно. Деревенские мужики даже караулили эту колонию, чтобы мы за яйцами не лазили. Постов, конечно, не выставляли, да и нужды в них не было. Стоило кому-нибудь в грачевник войти, эта черная армия такой хай поднимала, за три версты слышно. Мужики на этот сигнал выходили к дороге и поджидали юных натуралистов. А вот когда птенцы разлетались и птицы становились не слишком нервными, тогда можно было идти и спокойненько собирать болтуны. Болотные сосны разлапистые, гнезда там, как комнаты в рабочей общаге, одно над другим и по бокам в обе стороны. На три дерева залезешь – и полная кепка болтунов. Но обращение с ними должно быть самое осторожное: скорлупа слабая – одно неловкое движение... и за неделю тухлятина не выветрится. Принесешь сокровище из леса, спрячешь где-нибудь на стадионе, а в нужный момент достаешь сколько надо и – к пятачку. Особый смак подсунуть сюрприз в чей-нибудь карман. А поскольку на платьях карманов почти не бывает, огорчать приходилось парней. Лезет щеголь за платочком, пот вытереть, а его поджидает яичница, да еще и с душком... Шум, гам, а нам, дуракам, смешно. Подложить такой подарок заезжему гастролеру считалось чуть ли не обязанностью, патриотическим долгом, можно сказать, чтобы не зарились на чужое, не отбивали подруг у наших ротозеев. Но и местных не щадили. Я даже братца родного не раз учил. Он мне дома подзатыльник, а я ему на танцах – яйцо в карман, вот и квиты.

Мы пакостим, танцоры скачут, старухи судачат... А Генка знай себе наяривает, уткнется носом в меха, и кажется, никакого дела ему до чужих страстишек, лишь бы класс показать. И

показывал, на любой вкус, на любую заявку. Иной хлюст, из питерских или московских гостей, захочет осадить, закажет что-нибудь позаковыристей, о чем никто в поселке не слыхивал, а Генка – пожалуйста: и то могу, и это запросто. Хочу, раззадорю, хочу – в слезу вгоню.

Любили его поселковые, да, видать, не такой любви парень ждал. Сначала, до его приезда, на танцах играл Васька Жупиков. Неказистая фамилица от папочки досталась, зато выходкой фартовой наградил. Видный парень, ничего не скажешь. Стригся исключительно под польку, другие прически не признавал. А как с баяном сидел – на быстрой музыке ботинок, надраенный бархоткой, такое выписывает, отбивая такт, – засмотришься; а медленную заиграет, голову на меха уронит, волосы на глаза упадут, он их вроде как и не замечает, потом будто опомнится, тряхнет головой, отбросит гриву с лица и глаза прикроет. Артист, и смотреть на него приятнее было, чем слушать. И капризен был, играл не то, что просили, а то, что считал нужным, потому что умел не много. Пара вальсов, пяток песен – вот и весь репертуар. А толпе много и не надо: «Мы идем по Уругваю, ночь, хоть выколи глаза...» знает – и уже довольны. А если добавить на бис «Мы Америку догоним по надою молока, а по мясу не догоним – рог сломался у быка», вообще на руках носить будут. Потом приехал Генка и пришел на пяточок со своим баяном. Васька место чуть ли не с радостью уступил, даже игру новенького похвалил: неплохо, мол, толк выйдет, если хорошо тренироваться. Но играть попеременно отказался, затолкал свой инструмент в футляр и в чулан спрятал, девицы уговаривать пробовали, отнекивался, хватит, мол, я свое отработал, пусть другой отдувается, а намеками давал понять, будто бы не хочет перебежать дорогу и без того обиженному жизнью парню. Да и жениться собрался на Гальке Чесноковой. Первая красавица была. Ну, самое малое – вторая... или третья... какая разница, если вздыхателей чуть ли не полпоселка? И новый баянист в этом же хоре оказался, его вздохи, пожалуй, самые тяжелые были. Красавица с женихом танцует, а Генкин баян чуть ли не человеческим голосом плачет, наизнанку выворачивается. Только бесполезно все это. Ноги у принцессы стройные, а слух прихрамывает. Не слышит, веселая, как о ней страдают. Да и зачем ей такой вздыхатель, если от Васьки глаз не отводит, у нее своя музыка. И попробуй докажи ей, что другой играет намного лучше – напрасные хлопоты, суженое – ряженому.

Несчастливая любовь получилась, но кто от нее застрахован, поэтому виноватых в его отъезде искать не стоит – не до песен, когда кадык тесен. А может, он и правда в музыкальное училище поступать уехал. Однако трон освободился, и снова пришли к Ваське Жупикову. Он вроде и не отказывается. А как тут откажешься, если не один и не пять человек слышали, как он проговаривался, мол, были когда-то и мы рысаками и не слабее Генки наигрывали. Иные и верили – рядышком-то не посадишь и не сравнишь. А коли так, два шага вперед – и сыпь гармоника, сыпь, моя частая...

Сговорились на субботу. Обещал поиграть, а на танцы пришел без баяна и с забинтованной рукой. Чирей у бедняги вскочил: ни охнуть, ни вздохнуть, ни сна, ни аппетита – болит и не проходит. Чирей не новость, с каждым может случиться. Только странное дело – на перевязки не ходит, а бинты всегда свежие.

А потом вдруг среди ночи пяточок загорелся.

Пожарники пока расчухались, остались от него одни обгоревшие сваи, черные, как пеньки зубов у старика. Доски сухие, чего бы им не пылать, но сам по себе пожар не случается. Молнии в ту ночь не было. Значит, кто-то поджег. А кто? Пошел слушок, будто Галька Чеснокова испугалась, что уведут мужика, если он с баяном выйдет. А как же, такой красавец, да еще и баянист. И какой! Лучше знаменитого Генки Лысухина, который в консерваторию уехал поступать. Генке консерваторию приписывают, а Ваське слава прибавляется. Кто пустил пулю – неизвестно, только Жупиков с чего-то запричитал, что подруга его с ума от ревности сходить начала. И к месту, и не к месту долдонил. А сама красавица в поджоге пусть и не сознавалась, но не отрицала, что не собирается позволять кому попало вешаться на ее баяниста. Короче, потешили честной народ горячей любовью, повеселили.

Дядя Вася Кирпичев сплетню, разумеется, слышал, но пропустил мимо ушей. По его разумению, поселок мог обойтись и без танцплощадки. Меньше музыки – меньше безобразия. Но вмешалась бабушка Митрохова. Она в общем-то во все вмешивалась, ни одного общественного мероприятия не пропускала.

Очередного парторга выбирали, событие, сами понимаете, значительное, даже из райкома секретарь пожаловал. Ну и бабушка туда же. Пришла, когда секретарь вступительное слово толкал, поздоровалась и села с краешку. Райкомовец на нее уставился, а она кивает ему – говори, мол, у тебя складно получается. Наши при начальстве выставлять старуху не осмелились, а тот принял ее за большевичку с дореволюционным стажем. Она в конце собрания даже слово попросила, вернее, взяла без спросу и, не вставая с места, заклеила прежнего парторга как лентяя и пожелала новому не пить и внимательнее относиться к простым жителям. Райкомовец к ее напутствиям, конечно же, присоединился, а куда ему деваться было. Бабушку и до этого побаивались, а когда вышестоящий товарищ признал, не сказать что зауважали, но перечить ей не отваживались. И она критиковала всех подряд, от слесаря до директора. И всех работать учила.

Если уж ее производственный план беспокоил, то мимо сгоревший танцплощадки она и подавно пройти не могла. Заинтересованность самая кровная – любимого развлечения лишили. Разговоры о поджигателях она тоже слышала, но, в отличие от властей, отнеслась к ним с полной серьезностью. Сначала, как заправский следователь, все проверила, а потом уже заявила в поссовет к Никодимовой. Так, мол, и так, но что за безобразие – государственное имущество сгорело, а виновных не ищут и не привлекают, в добрые времена, перед войной, за такие вредительства можно было накрутить хвоста лет на десять... И так далее. Никодимова сразу юлить, где, мол, виноватых искать. А бабушка ей – готовую версию с доказательствами. Кто больше всех об этом болтает? – недоделанный баянист Васька Жупиков. Кто на пяточке опозориться боится? – опять же он. Почему на собственную невесту наговаривает? – потому что похвастаться хочет, как его девки любят – это во-первых, а во-вторых – рассчитывает, что Гальке за глупость ее ничего не сделают. А ей и делать ничего не надо, потому что не поджигала и не могла поджечь. Не было ее в ту ночь. За товаром в город ездила. Кто остается? Васька Жупиков остается, его и привлекать следует.

Никодимова сказала, что сплетни собирать не намерена, но пообещала разобраться. И разобралась, Ваську отправили в город учиться на связиста, а поджог списали на пацанов. Не на кого-то конкретно, а вообще. Повесили на клубе громадный плакат: «Детям спички не игрушка!» – и дело прикрыли.

Но самое интересное, что Никодимова оказалась права. Ткнула пальцем в небо и попала в цель. Когда Витьку Бруснецова все-таки отправили в колонию, один из его шестерок проболтался. Соседский пес чем-то досадил главарю шпаны, и тот решил его повесить. Пес вырвался и спрятался под пяточком. Брусок по настилу сверху дубасил, хлебом выманить пробовал, но животные чувствуют опасность, их не проведешь. Тогда он разозлился, заделал лазейку досками от забора, сбегал в мастерскую за соляркой и подпалил.

То-то Прасковья Игнатьевна возрадовалась, уговаривала Ваську Жупикова в суд подать на бабушку Митрохову.

Но он отказался – если человек плохо играет на баяне, это еще не значит, что он круглый дурак.

Как поют дрозды

Кто не любит птиц? Все любят. Я имею в виду птиц вообще, а не какой-то определенный вид. Знал я рыбаков, которые ненавидят чаек за их наглость. У охотников по тем же причинам натянутые отношения с кедровками – капканы, пакостницы, занимают. Знакомых попов и партийных работников у меня не было, но подозреваю, что они терпеть не могут голубей – сколько памятников и храмов эти обжоры загадили. Хотя попы, наверное, должны всех прощать.

У меня к птицам никаких претензий. Я их всех люблю: и полезных, и бесполезных, и голосистых, и безголосых... может, потому, что вину за собой чувствую. В детстве я собирал коллекцию птичьих яиц. Была такая мода у поселковой пацанвы. И я считался чемпионом – около сотни штук набрал, любопытный был. Довольно-таки злое любопытство, хотя, если без сюсюканья, самые злые люди – это дети. Со мной можно не соглашаться, обижаться можно, так что вернемся лучше к птицам. Люблю я их не за то, что они летать умеют – такая любовь больше на зависть похожа – просто люблю, и все... И гоняла меня эта страсть по всем окрестным лесам. Каких только чудес ни насмотрелся. Первое ястребиное гнездо нашел на Пасху. Дерево было высоченное, на макушку посмотришь – кепка падает, а ствол голый, ветки только под небом. Еле вскарабкался. Но самое забавное, что яйца оказались красного цвета, словно специально к Пасхе в луковой шелухе выкрашенные. А у совы – белые и круглые, как теннисные шарики, даже по размеру такие же. Однажды нашел трясогузкино гнездо прямо на дороге, на мосту через ручей. Трактор выворотил половину бревна, в этой щербатине она и поселилась. Дорога, правда, заросшая была, может, по ней уже и не ездили. Сороку редкой птицей не назовешь, но одно гнездо очень даже запомнилось. Тоже на дороге, вернее, на развилке. Разбитые колеи огибали огромную лужу, а в центре лужи рос ивовый куст, в нем сорока и смастерила свой шалаш, наверное, надеялась, что на острове поселится и никто до нее не доберется. А гнездо у сороки с крышей, громоздкое, сразу в глаза бросается, да и лужа мелкая была. Кстати о сороках, но уже дальневосточных, ехал как-то по Приморью на автобусе и видел металлические высоковольтные опоры, забитые сорочьими гнездами, одно над другим в несколько этажей. Я сначала подумал, что это грачи, любят они в «колхозы» объединяться, но присмотрелся – нет, белобокие трещотки. И, уж если начал об электричестве, имел я удовольствие на озере Шира насладиться почти натуральной светомузыкой. Говорю «почти», потому что подсветка была, как и везде, искусственная. А пела птица. Прогуливаясь вечером и вдруг слышу скворца. Сидит на уличном светильнике и распевает. Есть такие современные фонари, напоминающие ложку, поставленную на черенок. И вот стоят на площади перед столовой две такие спаренные ложки: одна светит, а вторая темная, на ней скворец и насвистывал. Я на другой день понаблюдал и понял, что у него гнездо в неработающем фонаре. Представляете, как хитро устроился, выбрал скворечник, в котором тепло, светло и мухи с прочей мошкаррой роем на свет летят. Вот что значит правильно понять лозунг про «плюс электрификацию всей страны».

Но все-таки лучше всего за птицами наблюдать в лесу, особенно весной. Листочки еще мелкие, нежненькие. Лес полупрозрачный. И никакие хватательные инстинкты не отвлекают – ни грибов, ни ягод – красота в чистом виде.

Что-то меня на лирику разволокло. К чему бы? Я, в общем-то, про коллекцию собирался рассказать.

Кого в детстве не тянуло что-то коллекционировать? Сначала спичечные этикетки собирали, бродили вдоль железной дороги, искали коробки, выброшенные из окон вагонов. Но мне это быстро надоело, а за яйцами охотился года три. Все леса вокруг поселка обшарил, все болота вымерил.

Как хранили, спрашиваете, почему яйца не тухли?

Мы их выдували. Проткнешь иголкой и осторожноенько дуешь. Главное, не раздавить. Сложности возникали, когда найдешь редкое яйцо, а оно насижено, птенчик начал образовываться. Тогда уже медицинская операция требовалась, нечто типа аборта, меня на такие подвиги не хватало, больно уж противная процедура. Зато Крапивник был мастак. Расправлялся не слабее Филиппа Григорьевича, но требовал, чтобы приносили по две штуки, одно себе оставлял, за работу, потом нанизывал их на нитку – и на что-нибудь выменивал.

И вот сбежали мы как-то с уроков и отправились в лес. Был у нас шалаш на берегу ручья, там обычно и кучковались. Толпою бродить по лесу неинтересно. Каждый пошел по своим тропам, а встретиться договорились возле шалаша.

Лес ближний, вдоль и поперек исхоженный, найти в нем что-нибудь для коллекции трудно, и все равно надеешься – авось лешачок веселый возьмет да и подбросит подарочек. Но лешак был не в настроении и напустил на меня дроздов.

Помните песенку «Вы слышали, как поют дрозды?» Там еще и про полевых дроздов намекалось. Я честно признаюсь, что ни разу полевых дроздов не встречал и, как лесные поют, тоже не слышал. Знаю, конечно, что в природе существует певчий дрозд, но как-то разминулся с ним. Зато наслушался, как орут нормальные дрозды.

Иду, значит, к шалашу, мечтаю о гнезде какой-нибудь иволги, и вдруг в метре от меня с диким треском срывается птица. Я даже вздрогнул. Потом увидел, что взлетела обыкновенная дроздиha. Гнездо рядышком было на пеньке с выгнившей сердцевиной. Добротный домик из травы и глины типа саманной хаты, и внутри аккуратненько на желтой травке в два ряда лежат шесть зеленых яичек с мелкими крапинками. Глупая птица, зачем было пугаться самой и меня пугать? Я бы мимо прошел и не заметил. Так нет же – разбудила нездоровое любопытство. Решил посмотреть, потому что иногда среди нормальной кладки встречаются забавные уродины, один раз в грачином гнезде нашел яйцо, похожее на лампочку. Рассматриваю гнездо, и вдруг воздух чем-то немзыкальным заполнился. Оглядываюсь, а эта психованная пичуга с криком несется прямо на меня, словно протаранить хочет. Я даже не понял, кто из нас увораживался от столкновения. Стою ошарашенный, а она сделала вираж и на второй заход пошла. И опять еле разминулись, ушами воздух от ее крыльев почувствовал. Мчится прямо на человека, да еще и кричит при этом как припадочная. Луговки, например, если возле гнезда проходишь, тоже от крика надрываются, но они плачут и упрашивают, чтобы пожалели. А дроздиha не клянчила, она гнала, требовала убраться, пока хуже не стало. На крик соседки слетелись и уже всем базаром ударили по нервам и барабанным перепонкам, казалось, что в лесу исчезли все звуки, остался только этот сумасшедший гвалт. Отогнали любопытного. И уже для пущей убедительности полоснули вдоль спины пулеметной очередью помета. А кто виноват? Мы же и виноваты. Довели.

И я, конечно, причастен, но я брал единственное яйцо, чтобы птица гнездо не бросила и потом не мучилась по осени с запоздалым выводком. Пусть не всегда, но все-таки думал, как безболезненней разойтись. А Крапивник одно брал для проверки, тюкал о ствол березы и смотрел – нет ли зародыша. И если не было – выгребал подчистую. А потом их пил.

Облаяли меня дрозды, обгадили и погнали подальше от своего дома. Бежал, как швед из-под Полтавы, и за этот позор решил поквитаться с Крапивником, потому как считал, что за его жадность отдуваюсь. Для мести своей прихватил яйцо из дроздиного гнезда. Опустил его в лужу, смотрю – плавает, значит, насиженное, и хорошо насиженное – половина над водой торчит. Такое мне и требовалось.

Подошел к шалашу. Ребята уже костер развели. Рядом с Крапивником лежала кепка, и в ней больше десятка дроздиных яиц. А сам он развалился под деревом и перед трапезой пел свою любимую песенку о том, что яйца чем мельче, тем вкуснее, куриные лучше гусиных, голубиные лучше куриных, дроздиные лучше голубиных, воробьиные самые вкусные, но слишком уж крохотные. И еще он утверждал, что Петр Первый любил суп из воробьев. Где он такую

ерунду услышал – не знаю, он уверял, что читал в старинной книге. Врал, наверное, ему и современные-то лень читать.

Пока он балаболит, я незаметно подложил в кепку насиженный сюрприз и для отвода глаз занялся дровами. Ломаю сушняк, а сам посматриваю, жду, когда он к еде приступит, жалею, что ребят не предупредил, хором смеяться всегда веселее. И вот наконец-то он наговорился, достал из кармана коробок с солью и придвинул к себе кепку. Ловко у него получалось: обмакнет палец в соль, лизнет и яйцом запивает, потом снова обмакнет. Не спеша. Со вкусом. Я настороже, еле смех удерживаю – одно, другое, пятое... и все спокойно – аж вспотел, ожидаючи. Начал думать, что он проглотил птенца и не заметил. Хотел уже сказать про сюрприз. Потом гляжу – блаженная мордализация Крапивника вытянулась, глаза налились слезами. Вот оно – масляный ком, и прошел кувырком, да что-то отпрыгается. Вскочил наш лакомка, начал отплеиваться, потом свалился на землю, и его стало рвать. Да так страшно, что у меня самого тошнота подступила.

И смеяться расхотелось. Я даже рассказывать о своей шуточке не рискнул.

Может, и правильно сделал, Крапивник после этого к дроздиным яйцам не прикасался.

И все-таки поют они или нет? Может, пели когда-то да разучились? Или я такой невезучий?

Игра на высадку

Есть люди, мимо которых трудно пройти не зацепив, они будто сами напрашиваются, чтобы их непременно ущипнули или ткнули в бок. Жил в поселке один Кирюха. И это вовсе не прозвище. Мамочка его Кириллом звала, торжественно выговаривала, через два «л», словно князя какого величала. А какой там Кирилл, если самый натуральный Кирюха. И вид, и повадки – все какое-то непонятное.

Теперь не помню, как мы сошлись на пруду, явно, что не стовариваясь. Их было трое: Кирюха, Сашка Ольховик и Генка Мохов. Компания, в общем-то, не моя, и учились они классом старше, короче, и не друзья, и не враги. Да какая разница, когда всем одинаково скучно! Сашка из Питера возвратился, на лице сплошная тоска, глаза на убогость нашу болотную смотреть не хотят. У Генки настроение еще хуже, он второй год подряд в физкультурный техникум поступал, и оба раза неудачно. Лежим на берегу, млеем. Один Кирюха успокоиться не может. Свербит у него кое-где. Сначала Генку шпынял, все допытывался, как того угораздило экзамены провалить.

– Ты, – говорит, – наверно, лыжи с буквой «ы» на конце написал, они на тебя и обиделись. Генка, дурачок, оправдывается:

– Не писал я ни про какие лыжи! А правило про «жи – ши», если хочешь знать, я с первого класса помню.

А Кирюха вроде как удивляется:

– Тогда почему же не приняли, если ты главное правило знаешь? Для физкультурного техникума этого вполне достаточно.

Но Генка ему быстро надоел, такая неуклюжая мишень пригодна разве что для разминки, самые отравленные стрелы у него для Ольховика припасены. Завидует, что Сашка целый месяц в Питере болтался. Сам же попросил рассказать про город-памятник, а слушать не хочет, перебывает чуть ли не на каждом слове, тупого из себя изображает, будто разницы между Пассажем и Эрмитажем не знает. Однако Сашка-то не из тех, кто позволяет над собой издеваться. Он быстро нашел способ успокоить остряка, да так хитро вывернулся, что самому мараться не пришлось.

– Слышь, – говорит, – Кирюх, человек в техникум не поступил, у него трагедия, а ты скалишься, на больную мозоль давишь. Генаша терпит, терпит да и окунет тебя в пруд, чтобы охладился чуток...

А Генаше только подсажи. Сгреб маломерка в охапку и прямо в одежде – с крутого бережка. У нас это называлось – воду греть. Бедный Кирюха наглотался, но сделал вид, что не обиделся. Да и как возникать, если сам наскреб? Выжал брюки и предложил почитать книжку в тридцать шесть листов – в картишки то бишь перекинуться на щелбаны. От безделья и то рукоделье. Все лучше, чем рукоблудие, да и Генка душу отвел, карта ему перла, а лупил он свои крученые с оттяжкой так, что слезы выступали. И все равно азарт не разгорелся. Свежего ветерка не хватало.

И тогда Кирюха придумал новую игру. Давайте, мол, на высадку сыграем. Мы сначала не поняли, но он растолковал.

В десять вечера на седьмой участок уходил мотовоз, между поселком и участком – три остановки: разъезд, суходол и мост. Мы должны были сесть в вагон и начать играть на высадку – значит, тот, кто проигрывает первый, высаживается на разъезде и топает домой. Второй проигравший вылезает на суходоле и отправляется вдогонку. Третий выходит на мосту. А чемпион преспокойненько доезжает до конечной и обратным рейсом возвращается домой.

Придуманно было не слабо. Всем понравилось, особенно Генке, он даже объяснил нам, что подобный розыгрыш называется «олимпийской системой». Правда, Сашка попытался его

отрезвить, успокойся, мол, ты же первый и потопаешь на свою олимпиаду. Ну а физкультурник решил, что, если карта пошла, значит, это надолго, раздухарился мальй.

– Ты меня не пугай, – кричит, – мы еще посмотрим, кто потопаёт, а кто поедет!

Кирюха тоже свое шило подпустил:

– Не слушай его, Генаша, я, к примеру, на голову ниже тебя, значит по сравнению с тобой – безголовый!.. Так у кого больше шансов? И вообще, трус в карты не играет...

Договорились встретиться на вокзале без пятнадцати десять.

Вечером из дому вышел – небо нездорового цвета, и духотища опять же – вроде как дождь собирается. Идти, думаю, или нет. Дорога до вокзала недолгая, отправился для очистки совести. А игроки уж там. Нервничают. Ольховик заверяет, что слышал по радио, будто бы дождь обещали. Сашка вообще привык за главного выступать, каждый год то старостой, то комсоргом выбирали, и на вокзале сразу же два шага вперед – и обсуждать повестку дня. А первым предложением – не разойтись ли по домам, пока дождик не начался. Ехидненько так предложил. Генка заменжевался – я, мол, как все. А что все? Ясно, что каждому по отдельности хочется домой, под надежную крышу, только сознаваться в этом никому не хочется. Сашка провокацию подпустил и ждет. Я смекнул, что он ждет, когда мы запаникуем, и молчу. Но всех удивил Кирюха. Уперся – и ни шагу назад. Уговор дороже денег. Колоду из кармана выхватил и быстренько сдавать, а если карты на кону, то отговорки уже не в счет. Взялся – ходи.

Но на игру его уже не хватило. Зашел, что называется, не в свою масть. И карта вроде нормальная пришла, так нет же, разбазарил козырей и остался ни с чем. Глубокий нокаут. Генка от радости чуть ли не визжал.

– На выход! – кричит, – уговор дороже денег!

Я, грешным делом, думал, что Кирюха начнет изворачиваться, вечно у него отговорки находились. А тут, как партизан, молчит, терпит. Подъехали к разъезду. Кирюха вздохнул, подобрал с пола газетку затоптанную, поднял ее над головою, вроде как на случай дождя, и под нашим конвоем подался из вагона, да и спрыгнул-то прямо в лужу – это уже явный перебор... Но сам ведь игру придумал.

Он остался, а мы поехали дальше. Генка продолжает духариться: теперь, мол, очередь за молодым, выставим пернатого, авось дождичек начнется, пусть подрастет. За молодого, разумеется, меня держит. А пернатым меня звали, потому что фамилия птичья.

– Сам, – говорю, – не вылети.

А он в философию пускается:

– Ерунда, мне в техникуме не повезло, значит, здесь будет все нормально.

Достойное утешение нашел, ничего не скажешь. И, самое интересное, что он почти угадал. Карта мне пришла жиденькая, можно было и, не играя, сдаваться. Но Сашка распорядился по-своему – он собрал верхушку козырей и держал игру, кому вылетать, зависело от него, и выгоднее было топить меня, потому как сидел под моей рукой, – но он почему-то пожертвовал Генкой. А тот сразу в хай:

– Сговорились! Не считается! Или будем переигрывать, или я никуда не пойду. Сяду здесь, и ничего вы со мною не сделаете.

И действительно, что можно сделать с человеком, для которого не существует законов чести?

Да тут еще здоровенный дядька услышал наш базар и подошел. Поинтересовался, не на деньги ли играем. И поинтересовался именно у Генки, потому как догадался, кто в проигрыше и кому предстоит расплачиваться. Но у того хватило ума сказать, что играем на щелбаны. А за это дяденька ему тут же и выговорил:

– В таком, случае, парень, ты не прав. Коли проиграл – подставляй. Сам-то, поди, горазд лупить, вон клешня какая.

Мы для вида засмеялись, а когда мужик отошел, Сашка высказал должнику – не громко, но вразумительно – что если он не вылезет из вагона, то вылезем мы, только жизнь его после этого дня станет очень и очень грустная. И Кирюху в пример привел, дескать, на что уж хилак, а держался, как настоящий мужчина.

Генка закип. Крыть было нечем. И чтобы хоть как-то отвлечь нас от военных мыслей, предложил, пока мотовоз ползет до остановки, сыграть просто так, чтобы время убить. Но Сашка его тут же окоротил:

– Нет, Генаша, если ты сейчас сойдешь, завтра мы с тобой может быть, и поиграем, а пока извини... Страшно, конечно, одному, но Кирюхе тоже невесело было.

Нашел чем пронять – кому хочется оставаться без друзей, да еще и трусом прослыть?

Высадили. Ноги он не проиграл, так что бежать было на чем. Остались вдвоем. Пока с Генкой склочничали, вроде как союзниками сделались. Но игра-то не кончилась. Да тут еще гром как хрястнет, вагон чуть ли не подпрыгнул. И дождик влупил. Сашка колоду в руки взял, тасует, а сдавать не спешит. Я тоже не тороплю. Сижу, прикидываю – если протянуть время, то можно до моста не успеть разыграть партию, тогда уже волей-неволей придется ехать до конечной в сухом и теплом вагоне. А на мосту, между прочим, даже будки нет, чтобы сильный дождь переждать. Оказалось, что и Сашка об этом же думал. Может, так и протянули бы, но он возьми да и предложи – давай, дескать, на ничью. Говорит вроде как в шутку, а ухмыляется так самодовольно, будто подарок мне делает. И абсолютно уверен, что я обрадуюсь его подарку и с благодарностями поеду. Это меня и взбесило.

– Нет, – говорю, – сдавай. Ребята мокнут, а мы чем лучше?

Он тогда с другого боку. Ты, мол, ничего не понял – нас надули, как первоклашек. Сам подумай – что выигрывает чемпион? Катается всю ночь в поезде – это разве выигрыш? Занявший второе место шлепает по шпалам восемь километров, а тот, кто догадался проиграть раньше других, идет всего два километра.

Получалось, что Кирюха проиграл специально. И пока мы выясняли, кто из нас дурнее, он лежал на диванчике и посмеивался. Глупые дерутся за первое место, а умный предпочел занять последнее, но остаться в выигрыше.

Кстати, я сразу обратил внимание на странный проигрыш, но подоплеку не усек. Хорошая мысль пришла опосля и после подсказки. Однако на Кирюху злости почему-то не было. Зато против Сашки... аж до лихорадки. Может, потому, что всегда недолюбливал его за гонор, за то, что на все рот кривил и «шестерками» себя окружал.

Он, когда Генке помогал проиграть, уже тогда был уверен, что я подчинюсь ему. С глупым Генкой можно было на неожиданности нарваться, а со мной – без церемоний...

Это меня и доконало. Лучше уж пешком, под дождем, чем под Сашкиным крылышком. Не нужен мне такой зонтик.

– Нет, – говорю, – будем играть.

Ему деваться некуда. Марку терять неохота. Он даже сказал, будто пошутил насчет ничьей, на вшивость меня якобы пробовал.

Я и потом таких фрутков частенько встречал, им почему-то казалось, что они имеют право экзамены людям устраивать...

Как выиграл, я не понял. Наверное, слишком сильно хотелось. Не проиграть боялся, не высадки из вагона, а именно выиграть хотел. Да и дурная наследственность должна была помочь. Не мог же внук знаменитого шулера опростоволоситься в такой ответственный момент. Доигрывали уже после остановки, так что на прощальные слезы времени не было. Да и желания. Сашка даже не доиграл, как только понял, что с его картами не победить, бросил их и, ни слова не говоря, вышел.

Когда поезд тронулся, я все-таки не удержался, выглянул из тамбура посмотреть, как он там, но ничего не увидел.

Дождь.

Темнота.

Жуть.

Верите или нет, но стоило заглянуть в эту природную прорву, и, кроме сочувствия, никаких других чувств к недавнему врагу не осталось. Честное слово. Выпустил пары, и все... Возвратился в вагон, и... представляете, кого увидел. Кирюху!

Сидит на лавочке мокрый, как воробей, и смеется. Я кое-как проморгался и спрашиваю, откуда он свалился.

– С крыши, – говорит, и начинает рассказывать, не терпится ему: – Гена-то наш только при девчонках герой. А как один остался, сразу сторбился. У меня камешек с собой был, я кинул, он как подпрыгнет, и – за поездом вдогонку. Тогда я по-совиному как ухну, он аж присел. Нет, ты бы видел, как он на карачках ползал, должно быть, камень для обороны искал. А Сашка, так тот сразу дрючком вооружился...

– А зачем, – спрашиваю, – на крышу-то полез, спал бы сейчас в теплой постельке и цветные сны смотрел.

– На крыше-то интереснее, – говорит, – и вас проконтролировать хотелось...

Представляете, для того чтобы проследить за нами, проторчал всю дорогу на крыше... Тем, кому не доводилось залезать в поезде выше верхней полки, я поясняю, что там, наверху, даже в солнечную погоду довольно-таки свежо. Ну хоть бы в кабину к машинисту попросился. Нет, ему потребовался самый лучший наблюдательный пункт, чтобы ничто не мешало удовольствию.

Там же, в вагоне, он придумал и новые правила игры, усовершенствованные. Принцип остался прежний, но стартовать надо было с конечной остановки – кто первый проиграл, тому самая длительная прогулка – все по справедливости. Просто, как в прямой пропорции, – и никакого контроля не требуется.

Но на вторую игру он так никого и не подбил.

Кстати, после школы Кирюша поступил на юридический. Ох, не завидую жуликам, которым достанется такой следователь. Но представьте себе другой расклад – вы не виноваты, а он сидит в кресле прокурора...

История с коровой

Вот говорят, что всякий кулик свое болото хвалит. Да ерунда это – не всякий. Здесь возраст надо уточнить. Старый кулик, может, и хвалит, а молодому на своем болоте скучновато. Ему бы куда-нибудь подальше улететь, пусть на такое же болото, но обязательно – не свое. А если по радио каждый день про таежную речку Бирюсу песенки поют да про гидростанции на Ангаре с Енисеем сказки рассказывают – никакого терпежа нет, до того эта гидра заманчива. Не говоря уже про геологические рассказы, от них вообще голова кругом идет. Вот, думаешь, у кого житуха: тайга, медведи, рыбалка – сплошные приключения – скорее бы школу закончить и... держись, геолог, крепись, геолог, ты солнцу и ветру брат.

А геологи взяли да сами нагрязнули.

Представляете, к нам на болото живые геологи! Потом выяснилось, что они, если уж не преувеличивать, всего-навсего – геодезисты.

Но таких тонкостей поселковый народец не разглядел. Зато выходку разглядели. В первый же вечер начальник их Спартак Иванович заявился в бильярдную и такие дуплеты клепал, такие «штаны» резал на две лузы – закачаешься... и ничего не скажешь. А чего говорить, когда птицу по полету видно? Сделает удар и встанет, скрестив руки на груди, – слегка под мухой, бородачи, как у Фиделя, и лысина обветренная до блеска, да еще и в черных очках – геолог, самый что ни на есть.

А на другой день Ванька-крапивник прибегает и говорит, что приезжие геологи набирают подсобных рабочих, ни паспорта, ни метрики не требуют – приходи и зарабатывай, только надо понравиться мастеру.

Если честно, мне очень хотелось понравиться Спартаку Ивановичу.

Но опоздал. Тот уже выбрал себе трех человек и десятерых забраковал. А к нам вышел пухленький мужичонка в сатиновых шароварах, мордашка розовенькая и улыбка до ушей – таких геологов возле поселковой пивной пруд пруди, особенно после бани – и розовенькие, и с улыбочками. Сел на лавочку, поправил прическу, расческу продул. Мы ждем, у каждого грудь колесом, кто-то на цыпочки привстает, а он ни с того ни с сего:

– Отгадайте загадку – чтоб меня употребить, полижите сзади.

Мы варезки разинули, понять ничего не можем – пришли работать, а нам загадку загадывают. Да и загадка-то с душком – полижите сзади – издевается, что ли? На всякий случай смыкаем ряды. Даже не перемигиваясь. Сжимаемся в единый кулак.

А улыбка – хоть завязочки пришей. Щурится на суровые наши рожи. Видит, что ответить не можем, но не торопится, дозреть дает. А потом говорит:

– Слабовата молодежь в области соображаловки. Хотел по пятому разряду принять, да не тянете пока на пятый, – и вторую загадку загадывает. – Когда цыган лошадь покупает, какая она бывает?

Это я знал, но Крапивник меня опередил:

– Мокрая! – кричит и на центр выскакивает, чтобы с кем другим не перепутали, а нас там, романтиков, человек семь было.

Геолог похвалил шустряка, рядом с собой усадил, а Ванька, не рассусоливая, о разряде напоминает, кует, пока горячо. Но геолог его быстро охладил. Так, мол, и так, загадка дешевенькая, всего лишь на третий разряд по теории, а за практику разряд в процессе работы определяется.

Следующая загадка была моей. Он договорить не успел, а я уже ответ выдал на гора. И правильно сделал, потому что третьего в бригаду отбирали не по смекалке, а по росту. Мишку Игнатьева взяли, он уже тогда под сто восемьдесят вымахал.

А ответ на первую загадку так и не сказал. Велел у родителей поспрашивать. У меня, конечно, фора появилась – моего-то батю такими штучками в угол не загонишь. На другой день приношу готовый ответ и, не хуже Крапивника, на повышение разряда намекаю. А он мне: – Приводи батю, для толкового человека и седьмого не жалко.

И вся любовь.

А вы, кстати, как насчет первой загадки?

Молчите... Стыдно, мужички. Пора бы седину и лысины оправдывать... Марка. Обыкновенная почтовая марка. Полизали сзади и приклеили.

Геолога Пашей звали. Он этих задачек и покупок прорву знал. С ним год потолкаться – и в любой университет через самый страшный конкурс без блата прорвешься.

Вот, например: как разделить поровну три картошины на пятерых?

Опять молчите? Я понимаю – делить обиднее, чем умножать, но все намного проще. Надо сварить пюре, а потом – ложками.

Вот к какому спецу попали. Между загадками, конечно, и трудиться приходилось – как же без этого. Бегать с рейкой по кочкам или рулетку таскать – дело нетрудное, баловство, можно сказать; просеки в ивняке прорубать – немного поскучнее, гибкое дерево тупым топором не свалишь, но пока приспособливаешься, пока о бруске мечтаешь, просека понемногу и вытягивается, к тому же малина рядом. Другое дело – шурфы бить. Это примерно то же самое, что картошку в армии чистить, а может, еще и нуднее.

Сейчас точно не помню, на какую глубину зарывались, но фитильного Мишку Игнатьева скрывало. Работенка – не приведи господь. А самый первый шурф я, наверно, и на том свете вспоминать буду.

Приводит нас Паша на опушку лесочка: один шурф рядом с кустиками, а два других по краям овсяного поля. На опушке, рядом с болотом, комарье гудит, лягушки хрюкают – оставаться никому неохота.

Бросили жребий. Выпало, ясное дело, – мне. Паша вырубил мерку из ольховой валежины, чтобы я глубже положенного не зарылся и... до встречи после победы. Ушли. Оставили одного на съедение комарам.

Копать землю дело нехитрое. А я вроде говорил, что у меня уже в детстве от нехитрой работы голова болела. Казалось бы, наоборот быть должно, да у нас, Петуховых, все не людски. С дровами такая же петрушка. Колоть – с удовольствием, а пилить – голова кружится. Может, потому, что мысли от бездействия беситься начинают? К врачу бы надо сходить, посоветоваться, да боязно – засадят в дурдом, а потом доказывай, что ты небуйный.

Ну вот: голова, значит, кружится, комары на спине позавтракали и уже к обеду готовятся, солнышко накал набирает... а ямка еле-еле прибывает, а убывает и того медленнее. Петухов – не Кротов, это и без Дарвина известно.

Поначалу измерять смысла не было, а когда по собственную макушку углубился, дай, думаю, проверю. Выбрался из ямы, а в ней на этот случай ступеньки были, Паша перед уходом подсказал, чтобы сам себе ловушку не выкопал. Выбираюсь, значит, а мерки нет. Пропала ольховина. Куда девалась – понять не могу. Сiju соображаю, заодно и сачкую, разумеется. Голова сразу кружиться перестала. Спрятать мерку некому... А коли так, значит, надо искать. Осмотрелся – вижу, конец из земли торчит, выбрасывал грунт из шурфа и засыпал. Пришлось разгребываться, сам себе работы прибавил. Лучше бы ее совсем потерять, но совесть не позволила.

Откопал.

Смерил.

Расстроился.

Чуть ли не до земной оси прорыл, а мерка все равно на целый метр из шурфа выглядывает. Есть от чего затосковать. Слышали песенку: «Последний бой, он трудный самый»? Так

же и последний метр. Чем глубже в яму, тем земля тяжелее. И давление выше, и притяжение сильнее. Ты ее вверх, а она обратно сыплется. Лопату бросил – полторы назад свалилось. Одна радость на глубине – солнце не такое въедливое. Покидал, таким образом, полчаса. Опустил мерку и совсем заскучал. Опасался взять лишка, а отрыл на три вершка. Нет, честное слово, обидно: работал, работал и никаких сдвигов. Может, мерка виновата. Взять бы ее, подлюю, да укоротить. Зачем французской королеве голову отрубили – сделали бы это с моей меркой – куда полезнее и без крови. Подумал так, и на душе веселее стало. А потом вроде уже и не думал, как-то само собой получилось – взял ольховину и оттяпал кусок с тонкого конца.

Кстати, если у палки отрубить один конец – сколько останется?..

Не ломайте головы. Было два, два и осталось. Правда, не те же самые. Опустил я казенную мерку в шурф, а его и копать вроде как не надо. Пожадничал, слишком длинный кусок отхватил, видно, черт под локоть подтолкнул. И сомнения обуяли. Прикинет Паша на глазок и обязательно рулеточкой проверить захочет. А потом стыдить начнет. Представил я эту пытку и решил добивать до нормы. Но перед последней атакой решил сбегать к пацанам, посмотреть, глубоко ли зарылись они. И тут же веселая идея проклюнулась – вырубить мерку на полметра длиннее и подменить ее Крапивнику, пусть попотеет, а потом рассказать – то-то смеху будет.

И вырубил.

Иду без лишнего шума, как шпион через границу. Подкрался. А в шурфе никого нет. Убежал Ванька. Баба с возу – кобыле легче. Подменил мерку, чтобы знал, как отлучаться с рабочего места, и потопал к себе, домучивать свой шурф, но уже с хорошим настроением.

А с хорошим настроением скучной работы не бывает. Сто раз копнул и готово – можно к Ваньке идти, присесть на камушек и смотреть, как он упирается – сплошное блаженство.

Прихожу, а Мишка уже там. Обогнал меня. И ничего удивительного – с его рычагами можно и шагающий экскаватор на соревнование вызывать. Встали на пару возле ямы и над Ванькой подшучиваем. А он и не думает обижаться. Вылез к нам. Анекдоты травит. Хохочем. Но смех-то смехом, а докапывать все равно надо. Того и гляди Паша придет. Загнали Ваньку в шурф, чуть ли не силком спустили. Пригрозили, что не выпустим, пока не добьет. Стоим, как два надсмотрщика. Только смотреть на такую работу – удовольствие, мягко говоря, сомнительное. Видели, как ребенок капризный в каше ковыряется? Так же и Ванька, воткнет лопату на полштыка, а землицы подденет – курица больше надрищет, и то половину на замахе растеряет. Мишка первый не выдержал. Выгнал его из шурфа.

А тот не больно-то и сопротивлялся. Потом я Мишку подменил. А когда у Крапивника совесть проснулась, глядим, и шеф на горизонте замаячил.

Увидел я начальство и вспомнил, что подменил мерку. Пошутил, называется. Вопрос – над кем? Сам же эти лишние полметра и ковырял. Не зря в Библии сказано: «Не рой другому яму...»

А Паша, оказывается, побывал на моем шурфе и пробы уже отобрал.

Знаете, во что он их складывал?

В полиэтиленовые пакеты, говорите.

Дудки!!! В то время такие пакеты как драгоценность берегли. В самые натуральные презервативы, а если по-русски – в гондоны.

Кстати, проходчики в эти самые резиновые изделия взрывчатку упаковывают, чтобы не отсырела. Мне один горный мастер жаловался, что самое трудное в его работе – заставить взрывников гондонировать взрывчатку. Брезгуют мужики. За издевательство считают. Так я ему выход подсказал – ставить на операцию провинившихся: попал в вытрезвитель – месяц, сделал прогул – две недели, пришел с тяжелого похмела – три дня. Он мне за эту рагуху спиннинг подарил. Сейчас эти резиновые изделия по великому благу достают, а в те годы такого добра по всем аптекам горами и ворохами. У нас в молодости любимый розыгрыш был.

Приедем в район в футбол играть, после игры в аптеку направляемся, девушка там симпатичная работала. Выстраиваемся в очередь, и каждый просит пачку за четыре копейки. Аптекарьша, бедняга, сначала розовеет, потом делается пунцовой, а к одиннадцатому игроку уже белеет от злости. Мы эту процедуру закалкой звали.

Такие вот невинные забавы. Пацанье, шпана – откуда ума взять?

Так на чем я остановился?

На пробах. Упаковал их Паша и велит закапывать шурфы.

Мы:

– Как закапывать?

А он улыбается и говорит:

– Обыкновенно как – лопатами. Вы не думайте, что я шучу, так по инструкции положено.

Свалится какой-нибудь пьянчуга, а потом отвечай за него.

С какой стати, – говорю, – здесь пьяный окажется?

А он вразумляет:

– Отставить разговоры. Пьяный человек может оказаться в любой точке Советского Союза, так что кончай балаган, инструмент в руки и вперед.

Пришлось закапывать. Но я схитрил. Не зря же комаров на опушке кормил. Натаскал в яму валежнику, потом притащил с поля охапку прошлогодней соломы. И уже сверху землицей присыпал. Использовал выгодное географическое положение. А через пять дней врывается к Паше председатель колхоза и заявляет, что в нашу яму провалилась корова и сломала ногу.

Провалилась, разумеется, в мой шурф. Подвела соломка. Не там подстелил.

И платить бы моему батьке штраф за эту корову-рекордистку, если бы не Паша. Ему бы дипломатом в Америке работать. Любую сеть языком сплетет. Так задурил голову, что председатель сам за бутылкой побежал. Паша сказал ему, что на колхозной земле запланировано строительство химического комбината, но если он, Павел Николаевич, проведет умные изыскания, то гигант будут строить в соседнем районе. Председатель услышал такое и про корову забыл, бог с ней, не такая уж она рекордистка, лишь бы землю не загаживали химией вонючей. Выпили они по двести грамм, и выяснилось, что буренка эта вообще плохо доилась и осенью ее собирались на мясо сдавать. Вот если бы корова не колхозная была, тогда бы... лучше и не думать, что бы тогда было.

Потом они поехали в гости, на свежую коровью печенку. А уже после печенки председатель начал допытываться – с какой стати на месте несчастного случая пачки от гондонов валяются. Как используются эти штуки, он, конечно, знал, дело житейское. Его другое интересовало – для какой надобности перед их применением глубокую яму рыть?

У Паши и на этот вопрос нашелся хитрый ответ. Только нам он его не сказал – не доросли еще к тому времени.

Теодолит

Знаете, что такое теодолит?

Угадали – геодезический прибор.

Но вопрос в другом – как расширить его возможности, как приспособить для народных нужд. Этого ни в каких толстых учебниках не вычитаешь.

Однако при хорошем учителе можно достичь кое-каких результатов.

Вели мы с Пашей съемку. Время к обеду подходило. Тащиться домой далеко, только время и силы потратишь, а рядом – деревушка. Паша кладет теодолит на Мишкино плечо и ведет нас на съемку этого уютного населенного пункта. Подходим к крайней избе. Паша устанавливает прибор, а мы с Ванькой рейки наперевес – и в огород.

Я ставлю рейку возле забора. Ванька углубляется в центр и занимает место между огуречных грядок. Паша теодолит настраивает.

У бабули, хозяйки дома, некоторые подозрения – кто, мол, такие и почто в чужую ограду без приглашения приперлись. Мы молчим, на Пашу смотрим. Бабуля к нему. А он прибором занят, оторваться не может, только ладошкой дает понять, чтобы обождала. Закончил настройку, поздоровался, представился, а потом уже сообщил, что будем заносить ее дом на карту. Успокоилась, даже обрадовалась. Старухи, они все пугливые, но тщеславия в них больше, чем страху. Теодолит она за фотоаппарат приняла: фартук одернула, волосы пригладила и встала возле крыльца, моргнуть боится. Потом к окошку перешла под резные наличники, надеется вместе с домом на карту попасть. А Паша не спешит: в одну сторону трубу направит, прицелится, запись в планшете сделает, потом снова к трубе прикиннет и поворачивает к другому углу, чем медленнее, тем больше солидности, а где больше солидности, там больше доверия.

Пока бабуля позировала на фоне избы, я полные карманы редиски набил, и Ванька огурцов за пазуху натолкал. А хлеба Мишка Игнатьев попросил как самый длинный и худой. Бабуля нежадная, бегом побежала, чтобы мы не ушли, не дождавшись. И хлеба вынесла, и кринку молока холодненького, из погреба. Паше рюмку предложила, но он отказался. Молоко на крыльце выпили. Огурцы и редисочку в чистом поле скушали. И в этом же чистом поле нас пронесло.

Носились, как реактивные. Все кочки удобрили. Может, с огурцов ворованных, может, с молока дареного?! Полагаю, что все-таки молоко виновато, потому что огурцы с помощью теодолита мы и в других огородах добывали – и ничего, обходилось. А молоко, наверное, слишком жирное было.

Однако яблоки, огурцы и прочую морковку можно и без теодолита взять, все это баловство, цветочки, можно сказать. Но после цветочков могут и ягодки появиться, так вроде по науке на занятиях кружка юных мичуринцев объясняли.

Отработали мы как-то субботу и воскресенье по двенадцать часов, и Паша отпустил нас в отгулы, но не сразу, а на следующие четверг и пятницу. На работе хорошо, а дома еще лучше. Лежу, читаю шпионскую книгу, «Таранул» называлась, как сейчас помню.

И вдруг на самом интересном месте прибегают Крапивник и приказывает доставать теодолит. Все геодезические причиндалы, чтобы время на лишнюю ходьбу не тратить и для пущей сохранности, мы по домам держали. Теодолит как раз у меня стоял. Но с какой стати я должен его доставать, если имею честно заслуженное право на отдых? А Ванька – так, мол, и так, заходил к нему Паша и попросил сделать срочную съемку пожарки и водоема около нее, а ему совсем некогда, срочные бумаги для отчета готовит. Короче, надо выручать. Ну как тут откажешься?

Крапивник побежал за Мишкой, а я с инструментом прямым ходом к месту съемки. Пацаны тоже не задержались. Первый самостоятельный выход. Готовимся к работе, как взаимовыгодные. Только обидно немного. Почему Паша к Ваньке зашел, а не ко мне? Теперь тот начальника из себя корчит, распоряжается, покрикивает. Меня и Мишку с рейками погнал, а сам к теодолиту. Установил его на дороге и настраивает, а мы ждем.

И все-таки чего хуже – ждать или догонять?

Не знаете.

И я не знаю.

У нашего нового мастера чего-то там не сходилась – крутил, вертел, потом зачем-то велел мне отойти с рейкой к углу бани, солнце ему, видите ли, помешало, плохому танцору любые башмаки не впору. А мне стой сначала у пожарки, теперь у входа в баню, как дурак. Мишка не выдержал и тоже к теодолиту подошел. Еще один великий мастер. Тоже к трубке прилип. Смотрел, смотрел – и вдруг большой палец показывает, будто бы нужный угол отыскал. Идет ко мне, довольнехонький. Давай, говорит, рейку подержу, а ты сходи в трубу глянь. И Крапивник рукой машет. А у меня от их настройки совсем настроение пропало. Воображают из себя, а толку никакого. Лучше бы уж я «Тарантула» читал, намного интереснее, и книгу всего лишь на день дали. А они, если такие умные, и без меня бы управились. Ванька предлагает в трубку заглянуть. А чего мне в нее смотреть? Тебя, говорю, старшим назначили, ты и смотри.

Никогда вроде в начальство не рвался, а там – заело, потому как в этой оптике побольше Ванькиного кумекал.

А он мне:

– Дурак ты, сегодня же в бане женский день, а я еще в прошлый раз краску на стекле соскреб, а теперь нацелил туда трубу и такие сеансы поймал... Там немка с географичкой маются, географичка-то – ерунда, сплошная равнина, зато немка... туши свет. И Танька Лагутина возле них крутится. Да куда им до немки. Пусть вверх ногами, зато увеличены в восемь раз. Эх, попалась бы она мне года через три или после армии...

Размечтался, рожа вся от пота мокрая, будто сам только что из парной.

Верить Крапивнику я давно зарекся, но интересно все-таки – вдруг не треплется? Или уж поймать с поличным? Да как поймаешь, если он вроде и предлагает посмотреть, а сам прилип к прибору и ногами отбрыкивается.

Еле оттащил.

Пристроился сам... и ничего не увидел, сплошная муть. Трепло, говорю. Тут Мишка рейку мою к стенке приставил и тоже подходит.

– И ты видел, – спрашиваю.

Лыбится.

– А чего видел-то?

– Таньку Лагутину с буферами. – И довольнехонек.

Когда двое одинаково врут, это уже подозрительно. Пробую еще раз.

И опять сплошной туман да коричневая краска. Подкрутил настройку – все равно никаких сеансов. Дал Мишке глянуть. И тот ничего не узрел. Ванька его оттолкнул и опять крутить. Только где там фокус поймаешь, если в руках мандраж и глаза потом залиты. А виноваты, конечно, мы. Разорался. Аппаратуру, мол, испортили, штраф платить заставим. Чуете, куда гнет? Уже и штрафовать собирается. Нам-то его угрозы до фени, а тетя Шура-банщица крик услышала. Выходит на крыльцо и спрашивает:

– Чего это вы, ребяташки, тут делаете?

Ванька теодолит в охапку – и деру. Мишка свою рейку, возле пожарки оставленную, тоже схватил. А моя-то как раз перед носом у тети Шуры.

Забегал за угол. Жду. Подсматриваю за тетей Шурой. Рейку она не забрала. Может, не обратила внимания, может, для приманки оставила – подойду, а она хват за шиворот и

к немке на опознание. А пацаны наверняка уже дома и двери заперли. Один я как привязанный. Смотрю, Танька Лагутина из бани вышла. Неужели, думаю, и вправду видели? Очень уж складно сказка складывается. Хотя Ванька и заранее мог знать, что она в баню собирается, они ведь рядом живут. И немку с географичкой встретить мог. После Таньки еще несколько распаренных теток вышло. Рейку мою не трогают. Тогда уж и я осмелел.

Подкрался. Схватил. И дай бог ноги...

Нашел пацанов. Врете, говорю. Ничего вы там не видели. Мишка орет:

– Честное комсомольское!

Ванька матерью своей клянется. Причины разные придумывает: и амбразуру в стекле могли тазиком закрыть, и дверь в парилку открыть, лампочка могла погаснуть – на ходу сочиняет. Сознался только в том, что никакого задания от Паши не получал, сам кино организовал.

Смачно ввали, но я все равно не поверил.

Потом, года три спустя, собрались как-то перед уходом в армию. Ладно, говорю, мужики, признайтесь, что ничего не видели. И, представляете, не сознались. Насмерть стояли, как гвардейцы. Я их и вместе пытал, и порознь, и трезвых, и пьяных – бесполезно.

Может, и взаправду видели?!

Еще раз о чужих яблоках

Просто так и чирей не садится. Если родился в поезде, значит, до смерти по дорогам мотаться. Шестнадцать не исполнилось, а мне уже командировку выписали. У Паши, мастера нашего, случились какие-то осложнения со Спартаком Ивановичем. Крапивник говорил, что они подружку не поделили. Может, и так, а может, и по-другому.

Только спровадили Пашу делать съемку в деревне. Сослали за двенадцать километров от поселка. Впрочем, Паша не унывал. А мы – тем более. Свободушкойдохнуло. Не сказать, что мамы слишком притесняли, но любой поводок всегда удлинить охота, даже самый длинный.

Первая командировка – это все равно что первая любовь или что-то вроде этого.

Заявляемся в деревню, и не какими-нибудь пучеглазыми дачниками, а самыми настоящими геологами, первооткрывателями земных и подземных кладовых. Если у себя в поселке на этих залетных птиц мы, разинув варежки, пялились, то в деревне уже сами, как павлины или страусы. Ванька с теодолитом на плече вышагивал перед домами, задрал нос, и до того довыступался, что врюхался в канаву и чуть прибор не расколотил. А выступать было перед кем. Если не в каждой избе, то через одну – питерская гостя. После блокады Питер опустел, вот и рванул туда деревенский народишко. А наши ровесники к бабушкам своим уже, как заправдашние столичные гости, едут на каникулы поправлять чахлое здоровье чистым воздухом и парным молочком. Ну а местные красавицы этим молочком круглый год и потчуются, и умываются, ходят вроде и попроще дачниц, да очень уж для глаза притягательны. Особенно Дашка Шмакова. Она, правда, чуть постарше нас и вздыхателей у нее хватало. Но ведь и мы не хухры-мухры, а геологи! Хотя, если приглядеться, больше на геолухов смахивали. Пушок под носом пробился, а умишко-то все равно детский. И теодолит на плече извилин не прибавлял. Втюрились на пару с Крапивником в одну. Однако дружбе это не помешало – делить-то все равно нечего, а мечтать или вздыхать издалека вдвоем вроде как и веселее... и не так обидно. Одного не любит, так и другого не привечает. Результат нас не беспокоил. Главное, что предмет поклонения появился – было бы для кого подвиг сотворить и кому внимание оказать. Старились, из кожи лезли. Только весьма своеобразно. Нет бы девчонке букет цветов преподнести или с местной шпаной из-за нее подраться... мало ли путей к женскому избалованному сердцу – очень много, – но мы не умели выбирать верные, а советов просить не любили. Крапивник от избытка чувств три ночи подряд таскал на ее крыльцо коровьи лепехи. Подцепит на лопату и под дверь. Очень уж ему хотелось, чтобы принцесса наша поскользнулась на этом подарке или вляпалась в него. Но вляпался ее папаша. И почему-то не обрадовался, а на другой день пригрозил Вовке Фокину, что в следующий раз подкараулит его с оглоблей. Фокин этот с детства за Дашкой ухлестывал. Здоровенный бугай, а она им вертела как хотела. Гнать не гнала, но и близко не подпускала. Та еще стрекоза.

Крапивник коровьи лепехи вместо пряников носил, да и я не умнее.

Напугать решил.

Имелась проверенная шуточка.

Мужик в Добрынях жил. Такой кулачина – рассказать никаких слов не хватит. Сад свой с ружьем караулил. И стрелял, подлец, без предупреждения, не солью, как положено, а солью с добавкой мелконарезанной свиной щетины. Мне повезло – заряд рядом просвистел. А Ванька Слободчиков после прямого попадания неделю в тазике с теплой водой отсиживался, мяч гонять не мог, игру из-за него проиграли. Ну и решили мы проучить кулачину поганого.

Собрались человек семь, если не десять. Зарядили самопалы, даже два ружья принесли. Подкрались ночью к его саду. Приготовили свои калибры, а потом шумнули, как бы невзначай. Чуть забор трясанули, и сразу же шарах – выстрел. А мы ему в ответ. Он из одного ствола, а мы из десяти. Бедняга шмыг на землю и ползком под крыльцо. Отучили.

И решил я повторить эту шуточку.

У деда, у которого мы на квартире стояли, была старенькая берданка. И яблоки в его саду красивенькие висели. Прикинул я хвост к носу. Покумекал. Померекал. И родил план. Решил подождать Дашутку после кино и позвать в дедов огород за яблоками – девчонка боевая, не испугается... а дальше: подходим к забору, делаем лаз, подкрадываемся к яблоне, и в этот момент Крапивник с крыльца палит из берданки... Дашенька падает в обморок... а у меня ни в одном глазу.

Крапивнику план понравился. Я, конечно, не сказал, что собираюсь, пока она в обмороке будет, нести ее на руках до самого дома. Утаил от дружка-соперника, мало ли что, вдруг он закобенится и захочет ролями поменяться.

Расписали как по нотам, а музыка получилась немного из другой оперы.

Началось с того, что Дашутка из кино с товаркой вышла. Увязалась за ней одна питерская дылда. И к яблочкам дедовским принцесса наша не сказать что сильно воспылала. Зато питерская аж запрыгала от радости. Компотик, говорит, сварю. А мне что оставалось? Компот так компот. В одном неудобство – если обе сразу в обморок брякнутся – как я их поташу? Не осило. Придется за питерской второй рейс делать. Была бы возможность Ваньку предупредить, он бы, конечно, помог отгаскивать. Да как предупредишь. Поздно. У него, наверно, курки на взводе...

Оказалось, что уже и палец на курке.

Мы еще в заборе ковырялись, а он уже бабахнул. От неожиданности я сам чуть язык не прикусил. Даже прикусил немного, но уже не от выстрела, а оттого, что дылда эта питерская ко мне в объятия упала. И, уж если совсем начистоту, не просто упала, но и меня в траву уронила. И не она у меня, а я у нее в объятиях очутился. Обвила, облепила – ни вздохнуть, ни выдохнуть. Лежу, как сноп на самом низу скирды, и связанный, и сжатый. Чуть шевельнулся, а вязки еще туже давят. Да еще рубаха на спине задралась, а крапива у ограды злее пса цепного. Хоть умирай. Запрокинул я голову, а небо полное звезд, и все они такие чистые... Вдруг слышу, задышала, оживать потихоньку начала. Одыбалась от испуга. Но не совсем. Руки еще судорожные. А дыхание все громче и громче. Прямо в лицо мне дышит, и не воздух изо рта, а самый настоящий перегретый пар. Я перепугался. Чокнулась, думаю. Или еще хуже – приступ падучей. И тут она как вопьется губами в мои губы. А рукой за шею ухватила, вроде как душисть собралась. Я совсем растерялся. И чем бы все кончилось – не знаю, если бы Ванька меня не окликнул. Она голос услышала, и словно ток по ней прошел: сначала замерла, потом дернулась и откатилась в сторону. Будто снова в обморок провалилась.

Ванька глаза вылупил, ничего сообразить не может. Он ведь на Дашутку прибежал посмотреть. Тут и я про нее вспомнил. А ее нет. Исчезла. Осмотрели все ближние канавы – испарилась, вознеслась.

Питерской первой надоело по крапиве шарашиться.

– Дураки, – говорит, – Дашутку не здесь надо искать, а на завалинке, в объятиях Вовки Фокина.

Мы, конечно, не поверили, а зря. Подходим к ее дому – сидят голубки. Правда, не на завалинке, а на крыльце. И не обнимаются. Да хоть бы и обнимались – чихать я на этого Фоку хотел – у меня другая трагедия. Пока Дашутку разыскивали, шок мой кончился, и я наконец-то сообразил – что эта дылда со мной наделала, что натворила – она же поцеловала меня, самым натуральным образом поцеловала. Как же я теперь к Дашутке подойду? Какими глазами на нее смотреть буду? Это же измена! Она мне до смерти не простит. Стыдобища. Хоть в лес беги и петлю на осину прилаживай...

Остановились возле крыльца. Крапивник хвастается, как лихо напугал их, аж приседает от смеха. Дашутка тоже смеется, она же не дура, чтобы на шуточки обижаться. И эта, змея питерская, хихикает. Вовка Фокин поначалу возбужать начал, защитника из себя строить, пригро-

зил, что в следующий раз за такую пальбу рога обломает, но увидел, как Дашутка заливается, и тоже расплылся.

Всем смешно. Одному мне... слова не подберу – до чего тяжело. Щеки от стыда пылают. Глаз от земли оторвать не могу. И от питерской все отодвигаюсь и отодвигаюсь...

Пацан еще был. Сплошная прозелень. Первая командировка, и сразу на первый поцелуй нарвался. Вот так-то.

Потом сколько ни мотался, в какие только переделки ни попадал, а такого не повторилось. Мимо. Честное слово. И не надо ухмыляться – говорю вам – с тех пор ни одного первого поцелуя. Я плакать готов, а они хохочут.

Игра в ремни

По субботам в деревне устраивали танцы.

Самая густая толкучка, конечно, собиралась в Заборье. В Новоселье тоже не слабо веселились. Короче, там, где поля поуже, леса пореже, стало быть, и деревни потеснее друг к другу жмутся, ну и, главное, поселок рядом. В пятницу все в Новоселье валят, в субботу – в Заборье. По воскресеньям и в Дроздовке собирались, но туда поселковые не ходили, разве что самые отверженные, те, кому поблизости ничего не доставалось, – восемь километров в один конец ради танцев здоровый парень не пойдет, а слабому – не дотащиться.

А в Заборье – сплошные мексиканские страсти – одним любовь под вязами, другим развод по-итальянски, третьим соблазненные и покинутые. О всем рассказывать никакой ночи не хватит, чего там только ни случалось, какого только народу ни перебивало.

Но и здесь, на отшибе, как ни странно, полный клуб набился. Сам Спартак Иванович приехал к нам с проверкой и тоже к танцам подгадал. Только самым видным гостем оказался один флотский отпускник. Из-за него весь сыр-бор и завязался.

Мы за рекой в тот день работали. Возвратились поздно, пока помылись, пока поужинали, пока Паша брюки отутюжил, потом Спартак Иванович попросил нас на улочке подождать, чтобы планерку с мастером провести, а на самом деле бутылку «раздавить»... Пришли в клуб, а скачки уже обороты набрали. Баянист у них нашим, конечно, не чета, но тоже под польку пострижен и ногой притопывает, как настоящий. Старательный музыкант, работает без переменок, плясуны еще не разогрелись, а он уже мокрый, как истопник. Один недостаток – вальсов слишком много играет. А может быть, специально для Дашутки Шмаковой и флотского, который от нее не отходит? Очень уж здорово у них получается. Да и парень видный, ничего не скажешь. Длиннуций, как мачта. Дашутке, чтобы в лицо ему заглянуть, голову запрокидывать приходилось. И красиво у нее получалось. Запрокидывает и хохочет. А Володя Фокин в углу засел, и ему совсем не до смеха. Не по нему такой юмор. Беломорину до самого табака изжевал, а закурить забыл. И второй Володя, «шестерка» его вечная, тоже лобик наморщил. Забавная парочка: Фока здоровенный, как двустворчатый шкаф, а из кореша его верного полпорции рагу не приготовишь. В деревне его Мыстезкой звали. Потому как начнет чего рассказывать, только и слышно: «Мы с тезкой здоровенную шуку поймали, мы с тезкой ребят из Ботовиц отделили, мы с тезкой...» – и так далее. Короче, Фока сидит окаменелый, а Мыстезкой места себе не находит. Очень ему флотский не нравится. Нам с Ванькой он тоже не очень-то приглянулся, да мало ли – Дашутка, например, танцевала с ним и удовольствия не скрывала. Флотский нагнется, шепнет что-то на ушко, а она заливается на весь клуб. Может, и впрямь смешно было, а может, просто Фоку поддразнивала?

И додразнилась.

Мыстезкой перебазарил с парнями, а потом к баянисту протолкался и что-то сказал ему. Баянист вроде как возражать пробовал, но обострять отношения с Вовкой Фокиным не отважился и выпрягся из баяна. А Мыстезкой выскочил на середину клуба и объявил игру в ремни.

Знаете такую игру?

Теперь так не развлекаются – нервы у людей ослабли, да и нравы не те. А правила игры очень простые: народ собирается в круг, кто-нибудь из парней бросает на серединку ремень и кричит: «Нинка Ветрова тонет!» Нинку я к примеру вспомнил, можно и другую назвать, главное, надо знать, с кем она у калитки шушукалась, знать – кто должен поднимать этот ремень. Кавалер обязан спасти утопающую, а потом может делать с ремнем что угодно: или выйти из игры, или отомстить какой-нибудь разборчивой красавице, или неприятелю напакостить, а можно и просто ради веселья утопить первую попавшуюся на ум девицу. Топят вроде бы девчонок, а отдуваться все равно парням приходится, особенно тихушникам. Иному ухарю

в один вечер достается и Верку спасать, и Надьку, и Любку. А не захочет сознаваться, тогда бросающий ремень кричит второй раз, вроде как предупредительный выстрел делает, а потом уже имеет полное право этим самым ремнем выписать скромнику вдоль спины. Не скупясь. На все и без сдачи. Потому как сдачи, по правилам игры, не полагалось. А правила, они для всех одинаковы, и нарушать их общественность не позволяла никому.

Такую вот игру объявил Мыстезкой. И пока толпа гадала – не рановато ли, может, сначала потанцевать, разогреться? – он вытащил из порток ремень, бросил в круг и заорал:

– Дашка Шмакова тонет!

Назвал имя, и сразу понятно стало, откуда у него такая резвость и ради кого пляски превращаются в концерт. Ремень в кругу не залежался. Первым племянник агронома вышел, пижон питерский. Дашка с ним предыдущим летом гуляла, подружила две недели и отставку дала, так что у него свои резоны были. Поднял он ремень, посмотрел на бывшую зазнобу и ехидненько так:

– Дашенька Шмакова тонет.

И другой парень вышел. Спас – и ее же топить начал. И третий нашелся. Потом четвертый, пятый... И все, как на подбор, крепенькие ребятишки. А мы-то с Крапивником губы раскатали, знаки внимания оказывали. Я не к тому говорю, что после парада поклонников чувства мои остыли. Нет. С чувствами ничего не случилось, пьедестал под богиней не зашатался, но заметного места для себя в этом параде отыскать не смог.

Стою.

Переживаю.

Мучаюсь.

Дашутка тоже переживает. Хоть и храбрится. Улыбаться пробует, но не очень-то у нее получается. В сторону морячка даже не смотрит. А тот, бедняга, все бледнее и бледнее. Сначала в первых рядах топтался, любопытствовал, но быстро устал и незаметненько стушевался в глубь толпы. Головенку, словно перископ, поворачивает, высматривает – кто следующий захочет подружку утопить. Но сам к ремню не подходит. Правда, ремень и не залеживается.

Семь человек или девять прошло – я не считал, но вдруг Шурыга Баранов выполз. Слюнявый Шурыга, с которым не только красавица Дашутка, самая заваливающая девица на одном гектаре не сядет... А тут нате, вылупился. Донжуан полоротый. Стоит с ремнем в руках да еще и подмигивает. Спинку выгибает. Покрасовался и хрясть ремень об пол:

– Дашка Шмакова тонет!

Поднимать ремень после Шурыги почему-то не спешили. Вроде как брезговали. Притих народец. Теперь Шурыга имел право подойти к кому-то с ремнем и понужать вдоль хребта.

Мыстезкой тут же пробрался к баянисту. Я рядом стоял и слышал, как он велел жажнуть музыку, когда наказывать начнут, и музыку самую веселую, чтобы как в ковбойском кино было.

Шурыга ремешком поигрывает, на Вовку Фокина смотрит. Но зрители соображают, что не к Фоке он направится. Все внимание на морячка. Одна Дашутка на него не глядит.

А морячок непонятливого из себя корчит. Обхитрить надеется. А того, дурак, не поймет, что его самого давно уже обхитрили и опозорили. Даже я, молокосос, после того как Шурыга высунулся, понял, что всех этих женишков Мыстезкой подговорил. А если не всех, то большую половину – точно. Устроили кино для отпускника, а тот и поверил, что девчонку чуть ли не вся деревня по очереди лапала.

«Грудь его в медалях, ленты в якорях» – хорошая песенка была. Хорошая песенка, да спеть некому. Притих клуб. Фока сидит ухмыляется. Мыстезкой портки поддернул и руки потирает в предвкушении. Баянист инструмент наизготовку взял. У бедной Дашутки от обиды слезы выступили. Толпа жаждет зрелища...

Шурыга в последний раз кричит:

– Дашка Шмакова тонет!

Девчонка не знает, куда глаза от стыда спрятать. Я стою переживаю и сообразить не могу, как ей помочь... и в этой нездоровой тишине, на удивление толпы, в кругу появляется наш мастер Паша и поднимает ремень.

Мыстезкой орет:

– Куда лезешь! Положь на место!

Паша посмотрел на него, долго так посмотрел, и с улыбочкой, не нарушая правила игры, сказал:

– Хватит ей тонуть, я ее спасаю.

У баяниста нервы не выдержали. Вдарил по вальсу. А тут и Спартак Иванович на помощь подоспел. Подхватил Дашутку и закружил не хуже, чем на званом балу, – честное слово, как в кино. Сначала они одни танцевали, а все остальные смотрели, и смотреть было на что.

До конца танцев он ее так и не отпустил от себя. Потом провожать пошел и вернулся только под утро.

Он эту игру по-своему понял и сделал выводы – если красавица местным оболтусам не отказывает, значит, ему и подавно не откажет.

Паша сделал благородный жест, а Спартак Иванович не постеснялся воспользоваться моментом.

Утром они поругались. Ванька слышал их крики, он как раз под окном сидел, но ничего не понял. Вернее, понял, что они друг друга понять не могут. Паша Спартака Ивановича шакалом обозвал. А тот его – собакой на сене. Крепко поскандалили. А нам, дуракам, непонятно. При чем здесь собака? Чье сено? Образованьишко-то неоконченное среднее. А собственный умишко – совсем детский. Мы, конечно, знали, зачем девок на сеновал водят. Так ведь не Дашутку же?

А девчонка красивая была. Где она теперь? Растолстела поди. Встретишь случайно и не узнаешь.

Предпоследний романтик

Работали с Пашей, и весело работали, но почему-то завидовали пацанам, которые попали в бригаду к Спартаку Ивановичу. И только потом, когда сам пообтерся в дорогах, понял, кто такой Паша и кто такой Спартак Иванович. Один – романтик с внешностью бухгалтера, другой – бухгалтер с выходкой романтика. Паша свое раздаривал, а Спартак Иванович делиться не любил. Он даже пацанов наших грабил не краснея и не морщась. Заставлял расписываться в пустой ведомости, а суммы проставлял потом. Платил – сколько хотел, а записывал – сколько бухгалтерия позволяла.

Пока Спартак Иванович деньги зарабатывал, Паша за барский сад с начальством воевал.

Теперь только название осталось, тоска зеленая, а не сад. Но я помню, каким он был. Понимал природу барин и толк в красоте знал, да сберечь некому было. Лиственниц один ряд остался, а раньше – по аллее с каждой стороны, словно стены стояли, а внутри и яблони с черешнями, и липы с дубами, и сирень, и барбарис, даже три самых натуральных кедра, как раз возле его усадьбы росли. Или возьмем серебристые тополя, кроме как в этом саду, я их нигде не видел, а тоже ведь помотался по земле. А сколько мелких кустов, которым я названия не знаю: не сад, а музей, со всей России деревья собраны. И в центре светлая поляна, усыпанная мохнатыми маргаритками. Теперь она изуродована. Эту самую поляну Паша и пытался отвоевать.

Заглянул он после работы в сад, духом лиственничным подышать, Сибирь любимую вспомнить. Бредет по аллее, глянул на поляну и увидел нечто вроде корабля инопланетян. Подошел поближе, а там обыкновенный экскаватор ковшом в маргаритки уткнулся. Инопланетяне из соседней деревни. Выпросил он у пацана велосипед и прямым ходом к председателю колхоза. Не к тому, с кем печенкой закусывал, а к соседнему. Врывается, а ему с гордым видом и выпуклой грудью: не паникуйте, товарищ приезжий, это не какая-нибудь канава, это силосная яма – ударная стройка семилетки, подготовим объект, а весной поляну кукурузой засадим. Целинных земель у колхоза нет – приходится залежные поднимать...

Паша отговаривать, а председатель – поздно, мол, район уже одобрил инициативу. Паша – в район. И ничего не добился. Еще и белогвардейцем обозвали, заинтересовались, уж не его ли это родовое имение. Органы грозились подключить...

Ну и запил он с обиды. Целую неделю в райцентре гудел. А Спартак Иванович, пользуясь моментом, – уезжай, мол, по-хорошему, а то прогулы придется ставить.

Положение осадное. Кольцо сужается. К тому же еще и мы керосинчику в костер подлили. Рубили очередную просеку, у Мишки Игнатьева топор с ветки соскользнул. Для деревяшки он оказался туповат, а для ноги – в самый раз. В итоге – несчастный случай на производстве. Короче, куда ни кинь – всюду клин, но совсем не тот, в котором композитор Чайковский жил. И пришлось Паше брать перевод на другой участок, да куда подале, да посевней. Аж в Тюменскую область наострился.

Нас тоже распустили. Первое сентября подступило – дети, в школу собирайтесь, петушок пропел давно.

А в те годы не только на кукурузу мода была, и на одиннадцатилетнее образование – тоже. «Эксперимент» называется. Алексей Лукич девять лет к тому времени оттрубил. Еще бы год, и прошмыгнул бы на большую жизненную дорогу. А тут вместо одного – два. И решил я – хватит в мальчиках ходить. Мотанусь-ка лучше с Пашей в Сибирь.

Прихожу к директору школы и требую справку, что успешно прошел девять классов и все школьные коридоры. А директор спокойный мужик был.

– Ладно, – говорит, – иди погуляй, а после уроков зайдешь.

Захожу после уроков, а в кабинете напротив директора мой собственный батя сидит.

– Привет, – говорит, – босяк, ну-ка, расскажи, куда это ты намылился? К Фиделю или к Абделю?

Это он Кастро имел в виду и Насера. Вспомнил мою попытку в Алжир убежать. Детской романтикой попрекнул, дескать, и теперь недалеко повзрослел.

Намек понял, но вида не подаю. Наоборот – их же салом да им по сусалам. На полном серьезе знакомлю с перспективой. Разжевываю, словно детишкам несмышленым, как буду осваивать подземные кладовые, шагать по нехоженным тропам и попутно заканчивать курс наук в заочной школе. Да не больно-то их проймешь. Выложил свои доводы, а они – свои. Пока трудностями пужали, уголовниками сибирскими и даже распутными женщинами – я кое-как держался. Тогда они последний довод вытащили, как пятый туз из рукава.

Потребовали паспорт. А зачем требовать, если отлично знают, что до получения взрослого документа мне еще полгода куковать? Нокаут. Можно считать до девяти и даже до двенадцати.

Однако вместо счета они еще и лежачему добавили. Напомнили, что без паспорта меня ни в одну гостиницу не поселят и ни в один самолет не посадят.

Одолели двое одного. Сижу не рыпаюсь. Готов подписать любые условия капитуляции. А на самом деле замышляю обходный маневр. Планирую взять у Паши его сибирский адрес, переждать злополучные четыре месяца и уже полноправным человеком сделать ручкой родному болоту.

Иду на другой день к Паше в гостиницу. И опять встречаю родного батю. Сидят. Курят. Разговаривают. Бутылка на столе почти допита. Значит, снова двое на одного...

Ох, и обиделся я на Пашу за такое предательство. Он мне письмо из Сибири прислал – я не ответил.

А теперь рад бы написать, поблагодарить за все, да адреса не знаю.

Барнаул

Получил Крапивник геологическую зарплату, почувствовал себя настоящим мужчиной и решил, что протирать штаны за школьной партией ниже его достоинства. Устроился учеником токаря. И заважничал. Еще бы – у меня сорвался уход на свободу, а у него получился. Самостоятельный весь из себя. Позвал его по грибы. Сентябрь теплый стоял, и на суходоле белые полезли – мясистые, словно кабанчики откормленные. Поехали, говорю, пока у тебя вторая смена, сядем на шестичасовую дрезину и к обеду вернемся с полными корзинами. Предложил от щедрости душевной. А он в ответ:

– Некогда мне детством заниматься. Есть развлечения и посерьезнее, взрослеть пора.

Танцевальный сезон в окрестных деревнях уже закончился – где он собирается взрослеть – пытаюсь докумекать и не могу. Ладно, говорю, не хочешь по грибы – мне больше достанется, а ты спи на здоровье, сберегай силы для трудовых подвигов. И вдруг слышу:

– Чихал я на эти трудовые подвиги, мне силы для других подвигов беречь надо. Я теперь в Барнаул хожу.

Что-нибудь слышали о Барнауле?

Я не город имею в виду. Было время, когда в поселке умещался не только Шанхай, но и Будапешт, и Барнаул.

В Будапеште жили цыгане. Барака три или четыре им выделили, точно не помню. Целый табор осел. Потом куда-то разбрелись, не нашли себе применения на торфу. А кто остался – те давно квартиры получили. Бараки еще при цыганах гореть начали, а пацаны дожгли, что осталось. Место не святое, потому, наверно, долго и пустовало под крапивой и лопухами, а теперь, смотря, коттеджиками новое начальство застроило.

А Барнаул стоял на въезде в поселок со станции.

И придумали же названьице!

С Шанхаем все ясно. Шанхай ко всем городишкам пристроены, понятие в расшифровке не нуждается. С Будапештом – посложнее. Венгрия для цыган страна нечужая, но Румыния, на мой взгляд, еще роднее для них. Почему бы тогда Бухарестом не окрестить? Мне кажется, их просто перепутали. Будапешт или Бухарест – какая разница, если глядеть с нашего болота?

Барнаулом называли общежитие для вербованных. Приезжали в основном из татарских и мордовских деревень, хотя и орловских хватало. Но назвали почему-то Барнаулом. Город, конечно, в те годы гремел – целину осваивали. По радио чуть ли не каждый день пели: «Полюбила тракториста, он уехал в Барнаул». Разница между комсомольцами-добровольцами и обыкновенными вербованными небольшая, но все-таки была. Однако я не о том. Я снова о песенке. Дальше в ней пелось: «Далеко уехал милый, сердце так волнуется, ой, боюсь, боюсь, Володя в Барнауле влюбится». В нашем Барнауле тоже было в кого влюбляться, вербовали-то в основном на женскую работу: узкоколейку ремонтировать, пеньки на разработках собирать, торф грузить – короче, туда, где мало платят. Приезжали и мужики, но их селили в Будапешт. Каждую весну прибывала пестрая толпа. Поначалу, помню, они чуть ли не в лаптях заявлялись, а если не в лаптях, то в калошах поверх онучек.

Не знаете, что такое онучи?

Да обыкновенные портянки. Наматывают почти до колен, потом веревочкой обвивают, чтобы не болтались и не сползали. Приезжают в тянучих калошах, а возвращаются в лакированных, на красной подкладке. И только к концу пятидесятых начали зарабатывать на резиновые сапоги. А чему удивляться – народец из самого гиблого захолустья, наши советские пуэртиканцы.

В конторе специального человека для вербовки держали. Дядя Коля Барашкин каждую зиму уезжал пудрить людям мозги, а к сезону привозил дешевую рабочую силу.

Знаете, какой самый хитрый орган в человеческом теле?

Ошибаетесь. Язык. Высунется, болтанет что-нибудь и спрячется, а другим частям тела отвечать приходится: зубы выбьют, нос расплющат, глаз выколуют, голову проломить могут – язык всегда цел, без царапинки. Кстати, и люди такие встречаются, знавал.

Дядя Коля по молодости в бомбежку попал, правую руку по локоть оторвало, язык остался и кормильцем, и поильцем: не только золотых гор на болоте наобещает, но и приласкать безрукого уговорит. Так что первый к вербованным подбирался дядя Коля Барашкин, еще в дороге успевал полакомиться, вдали от глаз земляков, перед которыми речи на собраниях и товарищеских судах толкал. Послушать – такой праведник. Но шило из мешка – сами знаете...

Привозил по весне, когда лягушки соловьями заходятся. У поселковых кобелей кровь забраживает. Инстинкты – куда от них денешься. На свежатинку, по завоеванному праву, слетались прилпатенные и футболисты. Начальство в Барнаул ходить не рисковало. Может, кто-то и терял голову, но на нейтральной территории. Что дозволено футболисту – не дозволено начальнику. Хотя и спортсмены шли с оглядкой, у каждого жена или невеста, но ребята действовали, как в игре, – выждал, когда судья на него не смотрит, двинул соперника между ног и дальше побежал с улыбкой на потном лице – система «дубель вэ» называется. Все, что оставалось после прилпатенной элиты, доставалось поселковым бобылям. Эти шагали в Барнаул с открытыми забралами – мокрую репутацию подмочить невозможно. А уже следом за ними в Барнаул крались пацаны, кто пошустрее, кого женилка беспокоить начинала. Когда-то была мода называть публичные дома именами городов: Мадрид, Вена, Бомбей – вот я и думаю: может, общагу эту окрестили Барнаулом вовсе неслучайно?

Теперь понятно, для каких подвигов Крапивник силы экономил?

– С Юркой Саниным, – говорит, – ходили. Юрка половину Барнаула перепортил!

– А ты наверняка вторую половину? – спрашиваю у него.

Крапивник подвоха замечать не захотел и на полном серьезе, да еще и с гонором, объясняет:

– Салага, разве можно половину Барнаула за один вечер? Я не племенной жеребец. Мне и одной хватило, такая горячая попалась, еле ноги до дома доволол.

Вздыхнул и зажмурился – блаженную усталость изображает. Обычно, когда видел, что ему не верят, Крапивник начинал обзывать, доказывать, что все было именно так и только так, а тут похвастался, и никакого психопатства. Я в лоб ему сказал, чтобы травил свои байки в другом месте – проглотил как миленький, только ухмыльнулся. Поневоле засомневаешься. И все равно не верилось – слишком неожиданно и просто. Я уже и на себя злиться начал. Чего, думаю, разволновался, врет или не врет – какая мне разница. Приказываю себе не думать об этом, а все равно думаю. Крапивник видит мои терзания и, как умудренный опытом товарищ, протягивает руку помощи.

– Айда завтра вместе, – говорит, – тоже попробуешь, если уговорить сумеешь. – Он, значит, смог, а я вроде как могу и не смочь – большее удара по самолюбию в тогдашней моей жизни не было. Я и на турнике подтягивался на шесть раз больше, чем он, и стометровку быстрее бегал.

Короче, договорились встретиться в половине девятого.

На размышления оставались целые сутки. Но как долго они тянулись! Признаюсь честно – перетрусил. Со всех сторон страх обложил. В половине девятого еще светло – увидит кто-нибудь, по всему поселку разрезвонит, со стыда сгоришь. А если даже повезет – проскочим по-шпионски неопознанными – дальше что? К кому подходить? С чего начинать? И опять я засомневался, что у Крапивника что-то там получилось. Сколько ни напрягал свое богатое воображение, все равно не мог представить дружка в такой серьезной роли. Приди, допустим, я к нему на следующее утро и скажи, что меня приглашают играть в московское «Торпедо», поверит он? А почему я должен верить? Спать лег, а уснуть не могу – думаю думаю. Маманя

утром глянула на меня и забеспокоилась – не заболел ли. Оправдываюсь – ничего, мол, серьезного. За обедом увидела, что не ем ничего, и снова спросила. А как ей объяснишь?

Пойду ли в Барнаул, до самого вечера не знал.

И все-таки любопытство победило. Может, и чего другое. Но будем считать, что именно любопытство.

Ровно в половине девятого подошел к клубу, Крапивник уже там ошивался. Если я – пятая спица в этой барнаульской колеснице, он все равно не первая. Без Юрки Санина Крапивник идти не хотел. Тот якобы обещал познакомить со свежими торфушками. Пока ждали, Крапивник его похождения мне пересказывал. Такими подробностями сыпал, будто рядом был или в щелку подглядывал. Распалился, аж лоб вспотел и брюки ниже ремня ожили. Юрку через месяц-полтора забирали в армию. Парень вроде и видный был, двухпудовку, доньшком вверх, одиннадцать раз выжимал, а поселковые девчонки не жаловали. Может, потому, что слишком заполошный? Вечно вокруг него неразбериха.

Он опоздал, а мы виноваты оказались – не там ждем. Обматерил нас издалека и, не снижая скорости, просквозил мимо, только рукой махнул – догоняйте, мол. Так и прибыли в Барнаул с разрывом в десять метров. Хоть бы возле дверей притормозил, куда там, влетел, как в отходящий автобус. Мы за ним, но не так быстро и не так уверенно. Заходим, а Юрка уже исчез. Куда делся? Налево по коридору свернул? Направо? На второй этаж убежал?

Стоим.

Озираемся.

Потеем.

Я злюсь, но молчу – боюсь голос подать. Крапивнику хуже – ему бывалого изображать надо. Надо куда-то вести салагу – меня, стало быть. Топчется на месте и рассуждает:

– На первом этаже татарки живут, у них бритые... бритую не хочу... Пойдем наверху поищем?

Я не спорю. Поднимаемся до середины лестницы. Слышим, Юрка окликает. Бежим вниз. Он возле открытой двери. Рукой нас торопит. Бочком протискиваемся, а там – мужик в трусах, шофер из отдела снабжения по кличке Амортизатор. Тоже баламут порядочный. Расписался с вербованной в поссовете, получил комнату в Барнауле и гужется там с кем захочет, а молодая жена молчит, думает, что так и положено. Амортизатором его прозвали потому, что заикался и, когда пробовал выговорить это слово, на второй букве начинал мычать: «Ам-мы-мы-мы...» – так минуты на три, пока воздух несколько раз не боднет. Не успели войти, Амортизатор сует нам трешку и посылает за бутылкой. А как ее взять, если тетя Маруся из дежурного магазина знает нас как облупленных. Пришлось чесать Юрке. А мы остались. Амортизатор из-под кровати недопитый пузырь вытащил. Нам в стаканы плеснул, сам из горлышка.

А я до этого раза ни грамма не пробовал, даже браги – физкультурником был. Но раз уж пришел в такое заведение, отказываться постеснялся. Тем более Крапивник заглотил и не поморщился, только глаза выпучил. Я, глядя на него, тоже опрокинул. А она теплая, вонючая, горькая, едва до желудка доползла и сразу назад запросилась. Рот ладошкой зажал и пулей на улицу. Еле донес. Выполоскало меня, но что-то, видимо, осталось, потому как хватило дури в Барнаул вернуться. Прихожу, а Крапивник, раскрыв рот, слушает Амортизатора. Я правое ухо приоттопырил и ловлю нечто уже знакомое. Поворачиваюсь левым ухом, драли его намного чаще, оттого и слышит в полтора раза лучше – а слышит те же самые подробности... Часа не прошло, как сам Крапивник захлеб живописал их, а теперь кушает как свежайшее блюдо и добавки просит. Кстати, лучше всех о любовных похождениях рассказывают заики, я в этом не раз убеждался. Когда подходит самый смачный момент, у них от волнения клинит где-то в горле, и получается красноречивее любой многозначительной паузы, достоверности больше.

Сидим с Крапивником, запасаемся теоретическими познаниями, а Юрки все нет. И непонятно, куда он делся, – с его скоростью до дежурного магазина в десять минут можно обер-

нуться. Амортизатор тоже беспокоиться начал – деньги все-таки давал, но, главное, выпить не терпится. Сел на подоконник, чтобы не прокараулить. Да поздно спохватился – Юрку уже перехватили. Какая-то Розка из угловой комнаты заманила его сначала в окно, а потом на кровать. Это мы узнали, когда через час вернулся он потный и с расстегнутой ширинкой. Но водку сберег. Даже бутылку не почал.

К новой бутылке и новые разговоры, которым конца не видно. Крапивник принял пятьдесят граммов, осмелел и ворчать начал:

– Чего рассиживаться, за окном стемнело, пора и на дело выходить.

Амортизатор видит, что в бутылке очень быстро убывает, и сразу же заботливым стал.

– Тебе, Юрка, хорошо, – говорит, – ты уже справил свою нужду, а ребятам не терпится. Веди их в седьмую комнату.

Крапивник тут же вскочил, пока не передумали. Я, грешным делом, надеялся, что Юрка отнекиваться начнет, закралось некоторое сомнение после того, как Амортизатора послушал, а мотню расстегнуть и в коридоре можно... В нем сомневался, но, главное, сам мандражил. Думал, Юрка проволынит, с тем и разбежимся. А он взял да и повел.

На весь коридор одна лампочка, продвигаемся в полумраке. Три двери пропустили, у четвертой остановились. Прислушались. Тишина.

– Или никого нет, или все места уже заняты, – поясняет Юрка, – айда в седьмую, там наверняка найдем.

В седьмой и вправду кто-то был, воркотня доносилась. Юрка велел нам подождать, а сам на разведку пошел. Сначала тихо было, но недолго – женский визг услышали, потом Юркины матерки. Крапивник толкает меня и пассатижи показывает, прихватил для самообороны. А матерки все громче. И уже не только Юркины. Другой мужской голос объявился. Отсидиваться в засаде уже как-то не по-товарищески. Шагаю к двери, здесь я уже решительный, драка – дело привычное, освоенное уже, в отличие от кобеляжа. Шагаю, значит, а дверь вдруг распаивается и прямой наводкой – по моей морде. Девушка с растрепанными волосами из комнаты вылетела и наутек. Я на пороге стою, глаз подбитый рукой зажимаю, но вторым – вижу, что Юрка парня за грудки схватил и к выходу толкает. Тот мямлит что-то, но не сопротивляется, только лицо локтем прикрывает. Проморгался кое-как после встречи с дверью, вижу – в комнате еще одна торфушка, полураздетая уже, на кровати в мужской майке сидит. Титьки огромные, чуть ли не до колен достают. В руке гребенка. Ту, что выскочила, я не рассмотрел, а эта тетенька моей матери, может быть, и помоложе была, но Ванькиной старше наверняка. Стою, жалею, что и второй глаз не подбили. Тут и Юрка из коридора вернулся. Злость на конкуренте сорвал и остыл, уже хохочет.

– Ну чего, Рая, женихов тебе привел. Выбирай любого.

Шуточки у него были всегда не к месту. Но оказалось, что он не шутил. А тетенька и подавно. Деловитым таким голоском отвечает:

– Ванька уже была! Пусть эта, с подбитой глазом, попробует.

Они женский и мужской род всегда путали.

Юрка меня в спину толкает, давай, мол, Леха, не робей, а я нырк под его руку – и ходу. Несусь по улице, чуть землю носом не пашу, и все кажется, что тетенька эта, полураздетая, гонится за мной, сопение даже слышу, а люди изо всех окон пялятся на нас.

И не зря казалось. Только бежала не она, а Крапивник. Догнал возле дома и канючит:

– Чего испугался, всю малину испортил, незачем было идти, если трусишь.

И так мне захотелось врезать ему. И врезал бы, да он отскочить успел, а на второй замах у меня злости не хватило.

Крапивник потом доказывал, что Райка наврала и был он вовсе не у нее, совсем молоденькую выбрал, клялся всеми святыми, в общем – знакомая песенка...

Невинность моя в тот вечер уцелела, но ненадолго. Однако об этом в следующий раз.

Братья Санины

Вербованные – люди терпеливые и вежливые, в чужой монастырь со своим уставом не лезли. Любо не любо – ходи и помалкивай в тряпочку, пусть даже зуд в кулаках спать не дает, все равно – терпи. А народец у нас любопытный, ему это терпение обязательно испытать хочется, дойти, что называется, до горизонта и посмотреть, что за ним спрятано.

И лопнула терпелка.

Решили вербованные проучить Юрку Санина. Как им такая идея в головы взбрела, сами придумали или науськал кто, не знаю, но настроились очень даже серьезно. Сначала пасли его на танцах, потом вроде как отстали, ушли с пяточка всей кодлой, чтобы шпана местная видела, но отступление оказалось военным маневром. Встретили возле дома, прямо у калитки. Сначала двое подвалили базар начать, а когда Юрка попер на них, еще четверо из резерва выскочили. Наверное, не слышали поговорку, что семеро одного не бояться, а то бы обязательно и седьмого прихватили. Хотя шестеро – тоже кое-что. Но, с другой стороны, смотря какие шестеро и смотря какой один. Юрку в чем угодно можно было обвинить, только не в трусости. Да и колотуха у него – если не промажет – мало не покажется. Вербованные, чтобы он деру не дал, в кольцо встали и двух человек к калитке отрядили. Намертво заблокировали. А Юрка и не думал отступать. Он вообще не слишком много думал. Не дожидаясь, чем базар закончится, маханул сплеча, и тот, в которого попал, на земле очутился. Но тут же вскочил.

И понеслась махаловка: кому в «Харьковскую губернию», кому в «Зубцовский уезд», кому в город «Рыльск». Падали не только вербованные, Юрке тоже довелось повалиться. Сбивали, или в собственных ногах путался, в суматохе не разберешь, главное, пинать себя не позволял, всегда успевал подняться. Короче, куда клин, куда рукава, куда паголенки...

И все это возле родительского дома. Долго собирались вербованные, а более подходящего места для битвы найти не смогли. Но, опять же, откуда им было знать, что именно в этот вечер старшие братья Санины соберутся в родном гнезде. Славка тогда еще в поселке жил, бульдозеристом работал и сам, как бульдозер, здоровенный. А Борька сразу после армии в город уехал и случайно заскочил навестить. С виду он не ахти какой поддубный, но парень хлесткий, когда в Венгрии заваруха началась, его в числе первых отправили, а размазю туда не пошлют.

Младший, значит, пластается из последних сил, а старшие сидят за бутылочкой и в окно смотрят, словно экзамен принимают. На улице уже стемнело, но от фонарей под глазами освещения на арене вполне хватает, да и зрение у братцев наукой или тонкой работой не испорчено. Наблюдает, комментарии друг другу делают, два раза после удачных ударов младшенького по рюмахе опрокинули. На помощь идти не спешат. А то, что драку разнять не мешало бы, им, разумеется, и на трезвую голову не придумать. Экзамен прерывать нельзя. И судят со всей строгостью. Старший, он поблагодуще, нет-нет да и похвалит, а Борис ни в какую, у него после Венгрии особый счет: если братишка нагулял силенку, это еще ничего не значит, потому как не сила в драке побеждает. И только после того как Юрка заехал локтем в челюсть вербованного и тот сначала на колени встал, а потом на бок завалился и больше не поднялся, оба экзаменатора единодушно оценили удар в пять баллов. Загорелись выпить по такому случаю, а бутылочка, увы, пустая.

Водка кончилась быстрее, чем драка.

И заскучали братцы. Смотрят друг на друга, думают об одном, а сказать стесняются... Потом, не сговариваясь, поснимали часы – и на поле боя, бегом, пока меньшей без них не управился.

У Борьки выучка военная, силу на пустые замахи не тратит, два раза двинул – и два человека на четвереньки встали. А Юрка к этому времени совсем одурел, глаза потом залиты, лиц не различает – одни силуэты, да и привык уже в одиночку в окружении чужих, вмазал с

разворота, и аккуратно в ухо Славке. Тот и сообразить не успел, откуда прилетело, а Борька уже орет:

– Падла, да я тебе, щенку, за старшего брата все кости переломаяю! – И в челюсть, чтобы слова с делом не расходились.

Славка, который с пьяных глаз так и не понял, кто его в ухо отоварил, увидел, что Борька Юрку бьет, и справедливости ради врезал среднему... Вербованные кто бегом, кто ползком – лишь бы подальше от шальных кулаков. А брат на брата пуще супостата, как в Гражданскую войну.

Мамаша их спала уже и глуховата была, но даже она проснулась. Выбежала в одной рубашке – и в плач. Окати она их из ведра, вряд ли бы разлила, а вот слезами... От материнских слез даже пьяные трезвеют. Проняла.

Потом они целую ночь шаршились втроем по поселку, бутылку искали, чтобы мировую выпить. Да не так-то просто в те годы было найти выпивку среди ночи – не Венгрия. Пришлось мириться насухую. А что делать? Братья все-таки. Родная кровь.

Обычная, в общем, история, но дальше случилась интересная закавыка. Юрку Санина по осени должны были забрать в армию, но врачи нашли какую-то болезнь, и он получил отсрочку на год, потом на второй. В конце концов забрали, но именно с теми парнями, которым перед дембелем досталось побывать в Чехословакии. Одному брату Будапешт, другому – Прага. А говорят, что судьба с завязанными глазами ходит.

Военные

Торф, если его не трогать, сам по себе не загорится. Человек, впрочем, тоже. Самовозгорается неправильно убранный торф, когда его собирают в караваны непросушенным. Но сказать легко, а выполнить план трудно, особенно при капризной погоде. Кто не рискует, тот не получает премию. Вечная наша надежда на авось. Гнали, гнали, гребли, гребли. План перевыполнили, начальство прогрессивку подсчитывает – два пишем, семь в уме. А караваны убранного торфа возьми и задымись. Природу не обманешь.

Пожар – зрелище страшное. Однако, помню, возвращались со второго поселка ночью. Ветер задурил, и там, где узкоколейка вдоль разработок тянется, видно, как с гребня каравана искры в небо летят. Зима стояла: черное небо, белый снег и фонтаны искр. Прилипли к окнам – люблю. Ни фейерверков, ни салютов, ни, тем более, извержения вулканов ни разу не видели, а тут такая бесплатная красотища. Любо-дорого, особенно если смотришь из вагона, он хоть и не отапливается, но ковыляет в сторону дома, и железная крыша над головой. Послевоенным пацанам любая пиротехника в радость.

Но эти пожары начались в августе. Говорю же, на перевыполнение плана по добыче замахнулись. В конторе переполох – премия «горит». С утра и до темна толкутся на болоте, зная, что платить за это никто не будет – рабочий день ненормированный, у трактористов сверхурочные каплют, но большой радости от таких денег не бывает – нормальные люди, понимают, что деньги все-таки пахнут.

Областные чины прикатали. Москва круглые сутки на проводе. А пожар ярится и ширится. Если говорят, что аппетит приходит во время еды, так это в первую очередь об огне. Ненасытный, жрет все, до чего дотянется.

Московские власти, наверное, тоже перепугались, прислали роту курсантов. Не кремлевских, разумеется, а из какого-то заштатного пехотного училища. Прибыли они, когда с пожаром понемногу справляться стали. Не победили, но перелом уже наступил. Разделили их на две группы. Ударную часть отправили на второй поселок, там площади больше и ситуация тяжелее, а у нас оставили шесть человек, неполное отделение. Расквартировали их в школьном спортзале. А там и клуб рядом, и танцплощадка. Аврал авралом, а кровушка-то молодая. Днем работа, вечером охота. Если на погляд, парнишки прибыли ничем не примечательные, но девушки приезжих любят, а военных – тем более. Без пяти минут офицеры все-таки. Об иностранных принцах на белых мерседесах в те годы еще не мечтали. Курсантики не успели устроиться, а наши красавицы уже напевают: «...что-то мне, подружки, дома не сидится...» Так ладно бы Томка Шуваева с Люськой Парамоновой, которые после седьмого класса работать пошли и быстренько, так сказать, повзрослели. Эти злых языков уже отбоялись. Но и отличницы осмелели. Принарядились. Моционы совершают. Дойдут до клуба, постоят и обратно медленными шажочками. Дамская разведка отличается от военной тем, что не прячется, а наоборот, делает все, чтобы ее быстрее обнаружили. Чем заметнее маскхалат, тем лучше. Два-три раза прогулялись мимо окон, и курсанты услышали команду: «Подъем!» Сначала один самый смелый и языкастый подошел поинтересоваться, нет ли поблизости пруда, в котором можно поплавать и понырять, а потом и подкрепление прибыло. Недели не прошло, а уже и парочки сформировались. Нашим парням такой блицкриг, сами понимаете, понравиться не мог. Хорошо еще обошлось без того, что чья-то подружка загуляла с военным. Им и свободных девушек хватало. Были, конечно, тайные воздыхатели, но если раньше боялись чувства открыть, то теперь и подавно помалкивали. Конкретно обиженных вроде и не было, но общее недовольство шипело и булькало. Особенно нервничал Витька Евдонов. У него, кстати, имелась постоянная подружка, Райка Селиванова. Пусть и не красавица, но голос не хуже, чем у настоящей артистки. А он не только на гитаре брэнчал, его и в футбол за взрослую команду

выпускали. Короче, завидовать нужды не было. Но соседка его задружила с курсантиком, и ему это почему-то сильно не понравилось. Начал народ мутить, дескать, негоже своих девушек чужакам уступать. Чего взъелся? Но с другой стороны – ходила недотрога, получала свои пятерки и четверки, две главы из Онегина знала наизусть, вот и зубрила бы третью главу, коли такая правильная. Может, он так думал? А может, и сам ее в личный резерв зачислил? Хитрый портной с запасом кроит. Райка уже приелась, а тут нецелованная отличница с ямочками на щеках. Он даже Томку Шуваеву к военным приревновал. За год до их приезда, пока еще с певуньей не закрутил, хвастался, что водил ее в кусты за линией, побаловался, дескать, и бросил. Правда, не мешало бы спросить, кто с кем баловался и кто кого бросил. Томка через неделю с вратарем из взрослой команды загуляла. И он не возникал, потому что свой, поселковский. А военному нельзя. Кстати, Томка жила от него через дом. И тот курсант, который у них заводилой был, не побрезговал воспользоваться ее добротой. Ушлый парень. Звездами любовался с пионервожатой, а после романтического свидания, уже разогретый, пробирался к Томке и уводил к себе в спортзал, там закутков много, есть где уединиться и кувыркаться на матах не так жестко. Кривые тропы пересекаются чаще прямых. Вот и совпало. Евдон возвращался домой, увидел на лавочке отличницу с курсантиком. Сидят воркуют. Прошел мимо – не заметили. Воспринял как неуважение к собственной персоне. Возвратился и предложил ухажеру уматывать, пока зубы целы. А какой парень вытерпит, чтобы его при девчонке позорили? Тем более военный. Материться не с руки, значит, в дело кулаки. Но первым ударил Евдон. А тому что оставалось? Надо офицерскую честь спасти. Хлещутся, а отличница, на удивление, не паникует, смотрит, как дерутся из-за нее, интересно, глупенькой, кто кого, волнение как при первом поцелуе, а может, даже и сильнее. Евдон все-таки покрепче был, но, на его беду, появился ночной хахаль Томки. Крался к окну, чтобы сигнальный камушек в стекло бросить, а вляпался в драку. Где же вы, друзья-однополчане? Вовремя подоспел, как десант из засады. Отступить пришлось Евдону.

Потом он заверял, что махался довольно долго. Но когда один против двоих, без «отметин на портрете» не обойтись, а он как-то исхитрился. Зато главное дошло до всех: он – один, а военных – двое. Неправильная драка, несправедливая. Евдон обежал полпоселка с призывом восстановить справедливость, отдать должок чужакам. И все соглашались, что спускать нельзя.

Решили собраться возле клуба к семи вечера и показать – кто в поселке хозяин. Я тоже пообещал, хотя Евдона недолюбливал. Не мог забыть, как год назад играли в футбол класс на класс. Мы выигрывали. Евдон, конечно, звездил, его уже тогда мужики два раза в команду брали. Короче, счет 4:2, игра идет к концу, Евдон выходит один на один, от защитников убежал, казалось бы, верный гол, но вратарь бросается в ноги и прижимает мяч к груди. Евдон сам виноват, не надо было мастериться, ткнул бы в дальний угол метров с четырех, но ему захотелось обвести вратаря, поиздеваться, а тот, недолго думая, выстелился и снял мяч с ноги. И тогда Евдон с досады врезал ему бутцей по лицу. Обидно, конечно, но нельзя же так звереть. У парня кровяшка из носа. Все свои, делить особо нечего. Мы и доигрывать не стали. Евдон оправдываться начал, дескать, замах не мог остановить, но я-то рядом бежал и видел, что замахнулся он после того, как мяч отобрали, он же в обводку шел, а не к удару готовился.

В общем, не хотел я идти воевать за него, но испугался показаться трусом.

Обещали многие, но собралось девять человек вместе с Юркой Саниным, которого не звали, сам явился, добровольцем, можно сказать, Узнал от кого-то, что драка затевается, а для него это всегда в удовольствие. Пивом не пой – только дай помахать. Я вот, например, просто так, ради спортивного интереса драться не могу.

Встали мы полукругом у входа в спортзал и орем, чтобы выходили. Ждем, рассуждаем, что, если струсят, окна выьем с двух сторон и ворвемся. И никому в голову не приходит, что нас бы самих в эти окна поодиночке затаскивали и штабелями укладывали. Но окна бить не пришлось. Не испугались курсанты. Сначала вышел один. Прямо как Челубей на бой с Пере-

светом, или наоборот, не знаю уж кем он себя чувствовал: защитником или агрессором? Спустился с крыльца и остановился метрах в трех от нас и спрашивает, зачем пожаловали, будто не понимает – зачем. Голос медленный, но спокойный. Хорошо держится парнишка, но вожак по-другому и не должен себя вести, иначе какой же он вожак? Евдон кричит, что этот гад на него напал, пальцем показывает, словно «ату» командует. На его крик и остальные курсанты на крыльцо высыпали. Встали рядышком. Их шесть, нас девять. Стоим препираемся: кто первый начал, почему двое на одного, почему к нашим девкам липнут, а почему бы и не липнуть, если они согласны, кто мы такие, кто они такие... Короче, базарим. Но резких движений не позволяем ни мы, ни они. Может, так и разошлись бы, да Юрке Санину надоела пустопорожина, он же драться пришел, а не болтушку хлебать. Врезал тому, кто ближе к нему стоял.

И началась потеха.

Каких-то особых приемчиков у военных я не разглядел. Дрались по-деревенски. Училище пехотное, это погранцов с десантниками натаскивают. В этом смысле, можно сказать, что нам повезло. Все было по-честному: без арматурин, без велосипедных цепей, а за ножишки... я вообще не припомню, чтобы поселковая шпана когда-нибудь хваталась. Кто как махался, сказать не могу – не следил, не до того было. Их шесть, нас девять, а летающих в воздухе кулаков не меньше сотни. Только уворачиваться успевай. И все-таки свой пирог во весь бок я заработал. Кто первый побежал, тоже не видел. Их шесть, нас девять, но побежали мы. Кинулись враспынную. Только пятки засверкали. Стояли вместе, а бежали врозь.

Почему не одолели? Нас же больше было, и ребятишки подобрались неслабые. Может, военные особую тактику и стратегию применили? Не знаю. Не заметил. Скорее всего, они были дружнее нас. И отступить им было некуда. А мы разбежались по домам и даже не заметили, что Юрка Санин лежащим на земле остался. Бросили раненого добровольца на поле боя. Но курсанты проявили благородство. Привели к себе, дали умыться, чтобы не шарашиться по родному поселку с окровавленной мордой и даже водки налили. Юрка потом рассказывал, что ночью с их вожакон ходили к Аркахе Киселеву за самогонкой.

На другой день после побоища Евдон снова пытался кодлу сколотить, но обязательно подготовиться к новому бою и действовать продуманнее, чтобы наверняка.

Ни готовиться, ни действовать желающих не нашлось.

А военные продолжали гулять с нашими девушками.

И самое интересное, что Нинка Студенцова сразу после школы вышла замуж за одного из них. Носатая, нескладная. На нее из местных никто внимания не обращал, однако смогла окрутить – может быть, и будущего если не генерала, то подполковника – наверняка.

Оккупант

Когда Юрка вернулся из Праги, меня в поселке не было. Летом в отпуск приехал, и чуть ли не первой новостью донесли, где он службу заканчивал. Первый вечер я со своими стариками просидел. Утром с батеи за грибками прогулялся. Потом к Юрке решил сходить. Не сказать, что закадычными были, но интересно же расспросить. Только дома его не застал. Встретились возле бани, случайно. Смотрю, пристроился за углом пивного ларька, отливает, в свободной руке недопитая кружка. Мимо бабы идут, а ему хоть бы что, уже не стесняется. Меня увидел, обрадовался, обниматься полез. Какое уж тут пиво? Пришлось бутылку брать.

А разговор, естественно, о Праге. О чем же еще, когда брюхо от солдатского ремня отвыкнуть не успело? Мне слово вставить некуда. Но я и не в претензии. Не тот случай и не та ситуация. Да и самому интересно, как там у них, какой расклад, какие козыри.

– Опозорились, – говорит, – на всю Европу. Немцы – молодцы, а мы только языком молоть горазды. Представляешь, входим в город, улица перегорожена, баррикада хиленькая – танк протаранит без разбега, даже не вспотеет, а толпа приличная, человек сто, если не больше. Наш полковник выходит вперед и просит их разойтись. Не приказывает, а просит. Серьезный мужик, войну прошел, боевые ордена имеет. Стоит унижается. Он говорит, они кричат. Оккупанты, мол. Русские свиньи, уберите в свою Москву. Матерки наши на этот случай выучили. Стоим слушаем. Копим впечатления, созреваем. А следом за нами немецкая рота двигалась. Лейтенантик их подходит к нашему полковнику, говорит ему что-то на ухо. Тот вроде как не соглашается, но немцу его согласие до лампочки, если не дальше. Поднимает «матюгальник» и, не надрывая голоса, говорит: «Вэк», это значит – с дороги. Чехи в ответ огрызаются. Расходиться не торопятся. Он второй раз повторяет свой «вэк», потом, не обращая внимания на гвалт, поворачивается к немецкой роте и командует: «Фоер!» – Это значит – огонь. Уже без «матюгальника», нормальным мужицким голосом, не тратя нервов – кому надо, тот услышит. И немецкие пацаны, не раздумывая, садят пару очередей из крупнокалиберных пулеметов. Никого не зацепили, стреляли по верху голов, но толпа врассыпную. Улица махом опустела. Попрятались в подворотнях, никого не видно, ничего не слышно. Лейтенант откидывает руку, словно в гости приглашает: «Биттэ, гер оберст». Это значит – пожалуйста, товарищ полковник. А сам стоит как памятник, рослый такой, рукава засучены по локоть, на губах улыбочка. Мальчишка, наш ровесник. Седому полковнику! Командир наш выматерился и приказал нам разбирать баррикаду. Разобрать нетрудно. Так ведь обидно же. Получается, что русский солдат ни на что серьезное не годен. Вроде как дворники при них. Позорище!

Юрка на повышенную громкость переключается, слюной брызжет. И глаза на мокром месте. Выпивка, разумеется, подогревает переживания, но понять его можно. Я, по крайней мере, понимал. Своя служба после его рассказов мне детской игрой казалась. Я даже и не заикался про нее.

Потом он еще рассказал, как бутылка на голову прилетела. Хорошо, в каске был, а то бы проломили черепушку. Запросто. Он за автомат схватился, но поднять не успел. Командир взвода на руках повис. И старшина подлетел, на помощь. Не Юрке, конечно, помогать – командиру. А Юрке в поддыхало, чтобы успокоился. Потом еще и спасибо требовал сказать, что от трибунала спас.

Бутылку допили, Юрка ее в канаву бросил, а там кирпич подвернулся. Бутылка вдребезги. Мужик мимо проходил, замечание сделал. Справедливое, в общем-то. А Юрка в драку. Еле оттащил. Хорошо, мужик вовремя сообразил, что лучше не связываться, и шаги ускорил. Мужик скрылся, а Юрка в слезы. Сел на берег канавы и хнычет. Ну, прямо как ребенок обиженный. Совсем на него непохоже. Не хлюпик какой-нибудь.

Вот тут уже и я перепугался. Пытаюсь успокоить, но не доходят мои слова до него. Пустые потому что. Не пережил я того, что ему досталось. А он выплакался и вроде как протрезвел. Поднялся, посмеивается. Вспомнил, как к вербованным бабам ходили. Я его до дома проводил, но в гости зайти отказался. Честно признаюсь, страшно было.

Дня через три иду мимо стадиона, вижу, мужики возле теннисного стола кучкуются. И Юрка там. Пить не хотелось, но окликнули. Пришлось уважить. Разговор само собой на пражское направление вырулил. А куда ему деваться, если Юрка в компании? Кто-то из парней, к слову, похвастался, что у батьки есть медаль «За взятие Праги». А Минаич, завклубом, возьми да и урезонь:

– Сочиняете, молодой человек, нет такой медали.

Парень возмущаться:

– Как нет! Если на спор, могу домой сбегать, принесу, она в комодке лежит.

Минаич погрозил ему пальцем и говорит:

– Не торопитесь. Из двух спорящих, как правило, один – дурак, а другой – жулик. Вы что, хотите из меня жулика сделать? Не рекомендую. Да и живете далековато. Ждать долго. А магазин, кстати, рядышком. Если есть желание и ресурсы, то свидетели, надеюсь, будут не против.

Парень артачится, клянется, а Минаич спокоен, молчит до времени, позволяет глупость показать. Артист! Выждал паузу, а потом растолковал:

– Есть медаль «За взятие Кенигсберга», медаль «За взятие Будапешта», или «За взятие Берлина», а Прагу наши войска не брали. Они ее, вроде как, освобождали. Поэтому и медаль называется «За освобождение Праги». Остается выяснить – от кого освобождали.

Вроде как у всех спросил. Мы плечами пожимаем. Ясно от кого – от немцев.

– Не совсем так, молодые люди. Чехи подняли восстание, когда наши были очень далеко от Праги. И американцы – неблизко. Поспешили братья-славяне. Не подготовились как следует, почти без оружия в драку полезли. По-бабьи как-то получилось, на голых эмоциях. И пришел бы им большой капут, если бы не армия генерала Власова. Правда, там не Власов командовал, а генерал Буняченко, но это не существенно, по одной статье проходили. Доблестные изменники Родины протянули мозолистую руку помощи, быстренько навели в Праге свой порядок и разъезжали по улицам с призывами: «Смерть Сталину», «Смерть Гитлеру», а молодые и красивые чешки встречали победителей с распростертыми объятиями. Полагаю, что значительно радушнее, чем нашего Юру с его седым полковником.

Выдал Минаич военную тайну, ошарашил и любитесь вытянутыми физиономиями темных земляков. А мы молчим. Боимся поверить. Но, с другой стороны, понимаем, что Минаич мужик непростой, он свое музыкальное образование в закрытой консерватории получал, на Колыме, и кое-какие исторические знания там тоже преподавали. Он, в общем-то, несильно афишировал свое прошлое, но шило в мешке... сами знаете.

Первым пришел в себя самый заинтересованный из нас и как-то подозрительно тихо выговорил:

– Ты что! Хочешь сказать, что я хуже власовцев?

Минаич тертый калач, без суеты, но и не мешкая, переместился на другую сторону стола, сначала обезопасился, а потом принялся успокаивать:

– Ни в коем случае, Юра, как можно. Власовцы с расчетом в драку ввязались, надеялись, что благодарные чехи им приют дадут, правда, не дождалось, но это естественно. А вы люди подневольные, подвиг ваш бескорыстен. Зато сами остались на свободе.

Обиженный кисло усмехнулся и поблагодарил:

– Спасибо, утешил.

А Минаич ему:

– Да на здоровье! – Смекнул, что бить не будут и пропел: – «Сто тысяч улыбок ты мне подарила, и я не забуду хороших минут, рассветная Прага, красавица Прага, тебя золотую недаром зовут».

Песенку, разумеется, не по этому случаю сочинили, значительно раньше, но завклубом умел ввернуть из хорошо забытого.

Потом ребята поселковые рассказывали, что запил он сразу, как из армии вернулся. Не в глухую, конечно, на работу все-таки устроился, да и здоровьишком не обделили, не алкоголик же. В глаза, по крайней мере, не бросалось. Не он первый, не он последний после дембеля тор-моза отпускал. Может, и успокоился бы. Но весной случилась заваруха на Даманском. Ненуж-ный остров с китайцами не поделили. Там совсем другая история и стрельба другая. Только Юрка вникать не стал. Его и перекосило, и заклинило. Как, мол, так? Почему про погранцов и в газетах, и по радио, а про них ни слова? Они что – в Прагу пивка попить зарулили? В самоволку туда сбегали? Бабанскому звезду Героя на грудь, а ему позорным коленом под зад. И так далее. Чем больше выпьет, тем больше обид. Чем больше обид, тем больше крику.

Народ-то к нему с понятием относился. Видно было, что не врет парень. Потому как сочинять не умел. Врущие, они всегда по-разному рассказывают: сегодня – одно, завтра – дру-гое, каждый раз чего-нибудь прибавляют и обязательно героем себя выставят. Если бы его на придуманные подвиги потянуло, там бы сразу толпы чешских красоток сбежались и реки крови потекли бы. А тут даже морду никому не набил. Потому что о больном изливал, не до хва-стовства. Парень один засомневался, что Юрка за автомат схватился, когда бутылка по башке звезданула, так он без разговора въехал ему между глаз. Все ему казалось, что не верят, а если верят, то осуждают.

Дядя Вася Кирпичов предупреждал его, что добром это не кончится. Загремит за хули-ганство лет на пять. Ошибся старый милиционер. Не посадили. Поехал на праздники в Рыбинск, там и зарезали. Город бандитский. Одно время поговаривали, что занимает третье место по бандитизму, после Одессы и Ростова. Правда, в Черемхове я слышал, что это же самое место занимают они. Но в Черемхове мало кто знает, что такое Рыбинск. Прага, конечно, более знаменита.

Торела

Поселковый народец по наивности своей полагал, что в советской стране таких мужиков не существует, исчезли вслед за князьями, графьями и прочими пережитками. Я старателей имею в виду. Оно и понятно, поселок завяз в болотах, а золото, как в песне поется, роют в горах. Но не круглый же год его там роют. Любая работа отдыха требует. И вот заявляется к нам в поселок отпускник из Сибири, и оказывается, что он самый настоящий старатель, причем не какая-нибудь там темная личность неизвестного происхождения, а наш поселковый парень, с братаном моим в одном классе учился. Служил на Дальнем Востоке и после армии угодил в старательскую артель. Отстарался сезон и явился во всей красе. Были, конечно, и чемоданищи с подарками для родни, и местные любители выпить на халяву погужевали вокруг него, ну и рассказы про диковинную жизнь и настоящих мужчин через край лились. И не только о том, как пьяные старатели кабаки потешат. Там и на другие фокусы мастеров хватало. Взрывник у них, например, насыпал полный стакан аммонала и делал направленный взрыв, при этом стакан оставался целехоньким, только стекло от перегрева белело, правда, потом, когда его в руки брали, он моментально рассыпался в пыль. Но это уже после аплодисментов. А другой трюкач надевал на голову лучшего друга каску или обыкновенное ведро, а потом челюстями грейфера снимал. Какая там сила сжатия, сколько тонн на квадратный сантиметр черепа, я точно не скажу, но достаточно, чтобы при малейшей неловкости голова превратилась в лепешку. Многие наши мужики, конечно, сомневались, особенно насчет взрыва в стакане, но мы, пацаны, верили, слушали, вытирашив глаза.

И Торела тоже верил.

Правда, в то время его звали просто Куликом, потому что фамилия такая была. Торелой он стал после отъезда старателя, когда каждому встречному обещал, и не по одному разу: «Вот поднаторею немного и обязательно завербуюсь к старателям в артель». В одном поднатореть мечтал, в другом поднатореть собирался, а в третьем вроде как и успел поднатореть – так Торелой и прозвали. А в чем может поднатореть тракторист? С какого красивого бока сумеет показать себя? На малых скоростях фокусы не проходят. Успевают рассмотреть. Но он все-таки придумал трюк. Правда, не без помощи артиста Крючкова. Подсмотрел, как он на танке через канавы прыгал, ну и решил повторить его подвиг на своем тракторе. Дело-то, в общем, нехитрое, надо перед канавой нажать на сцепление, а потом резко отпустить. Да и картофельные канавы на торфяном поле не очень широкие. Так что риск не ахти какой. Прыгнул – раз, прыгнул – пять. Все гладко. Хорошо, когда себе что-то доказываешь, но хочется и других удивить. И опять же хочется, чтобы эти другие были, как бы это помягче сказать... Короче, дождался, когда на их участок заявится директор. И на глазах высокого начальства, а если точнее – перед самым носом, распугивая свиту, подкатил трактор Торелы к канаве, замер на пару секунд, потом взревел, как бык, и спланировал на другой берег. Четко по расчету. Вот только приземлился не совсем удачно. Попадаются на торфу зыбкие места, на первый взгляд почти незаметные, разве что чуть темнее, как пятно от бывшей лужи. Человека они выдерживают, а трактор – машина железная, с большим избыточным весом. Гусеницы гребанули под себя и зарылись. Чем сильнее Торела газует, тем глубже садится его «летучий голландец», вернее – «челябинец». Вылез из кабины, когда трактор уже по окну углубился. Выполз к ногам начальства, а встать стесняется. В ошметках грязи – с головы до подошв. Из блондина в негра превратился. К неграм в те годы у нас очень сочувственно относились. И тем не менее... Хотя могли бы и простить.

Кроме торфопредприятия в поселке еще и строительная контора существовала, вроде как независимая, со своим начальником. Но если одни власти сказали – слазьте, то и другие не подсадят. Власть, она женского рода и потому всегда с оглядкой на соседку живет. Ну разве что

из вредности может, под настроение, позволить себе поперечину, только в этом случае человек позаметнее Торелы нужен.

Прыгать научился, а прыгнуть некуда.

Хорошо, что поселок в обжитом месте построили, в окружении трех колхозов, а то бы пришлось монатки в дорогу паковать.

И стал Торела сельским механизатором широкого профиля, хотя старатель и объяснял, что у них в цене только узкие специалисты. Так было бы из чего выбирать.

Поставили его обслуживать зерносушилку. Для начала, чтобы себя показать, навел хозяйский порядок на вверенном объекте, мужик-то не без рук, где капало – подтянул, где скрипело – смазал, где дребезжало – подрегулировал. И заскучал. От природы не спрячешься. Работу для рук надо искать, а голова сама себе заботы находит. Механизмы, как люди, одни тянут общее дело не жалея сил, а другие только видимость создают. Пригляделся Торела к вентилятору, и показалось ему, что этот бугай картину гонит – шуму много, а тяги почти нет. Весь пар, как говорится, в свисток уходит. День вокруг него походил, второй, третий... и догадался, как заставить его трудиться с полной отдачей, взял и наклепал на лопасти дополнительные полосы, увеличил поверхность захвата. Операцию проводил, конечно, в вечернюю смену без главнейших врагов изобретателя – без надсмотрщиков и без советчиков. Наклепал, закрыл кожух и врубил мотор. Соображал он правильно, только не до конца. Колесо оказалось тяжеловато для движка, да еще и расцентровка получилась...

Задымил.

Заискрило.

Вспыхнуло.

А пыль от зерна загорается, как порох. Была у колхоза зерносушилка и не стало. Благо сам живым выбрался. Случись такое во времена Иосифа Виссарионовича, как раз бы к старателям и угодил лет на десять, если не больше, но уже без отпусков в межсезонье.

Почему он оказался в соседнем колхозе, объяснять, полагаю, нет надобности. К механизмам его, разумеется, не подпустили, но в пастухи сгодился.

Если дурная голова ногам покоя не дает, то ноги, наоборот, успокаивают буйную головушку. Набегаешься с кнутом от восхода до заката, все великие мысли растрясешь. Торела даже про артель заикаться перестал. Чему там между хвостов коровьих поднатореешь? Разве что мату многоэтажному. Но мат он не уважал. Ему интеллигентным хотелось выглядеть.

Успокоился вроде мужик, а народец все равно ждет, какой очередной фокус он выкинет. Милиционер дядя Вася Кирпичев возьми да и спроси от нечего делать, что, мол, Куликов, новенького придумываешь, какую очередную диверсию? А Торела выпивши немного был, ну и рассказал, что собирается внедрить на болоте нашем новый вид крупного рогатого скота. Скрестил сначала овцу с быком, потом – телку с бараном, а теперь, дескать, ждет потомства, должен получиться овцебык, только он пока не знает, у какой из пар овцебычата крупнее народятся. По расчетам, животные должны быть центнера по три как минимум. Колхоз при таких показателях сразу в передовые выберется: и по мясу, и по молоку, и особенно по шерсти, можно будет суконную фабрику в поселке построить, а если шкуры в переработку пустить – не только полушубки, даже целые тулупы кроить, почти без швов можно обойтись.

Дядя Вася Кирпичев мужик, в общем-то, невинный, но юмора, как и положено милиционеру, не понимал. Все принял за чистую монету и во избежание греха, опять же о Тореле заботясь, поспешил к его жене. Обратите внимание, не председателю стал названивать, а не вынося сор из избы, можно сказать, что сделал предупредительный выстрел. Но грохоту было... От криков жены в квартире стекла дрожали. Оно и понятно – устала баба. Прожить в мире приключений десять лет и сохранить спокойный характер не каждой по силам. А тут вроде бы и в нормальную колею попали, в доме сметана появилась, а мужика опять с работы выгонять собираются. Шум этот и до председателя колхоза докатился. И очень его развеселил. Он-то

понимал, в отличие от милиционера, что у быка с овцой ничего не получится, а баран с коровой ни при каких обстоятельствах не совладает. Да и не собирался он Торелу выгонять. Желających пасти скотину найти непросто. Это горным чабанам у нас почет, уважение и награды, а свои пастухи – люди как бы низшего сорта. Кто же станет добровольно записывать себя в низший сорт? Только если деваться некуда.

На этот раз все обошлось. Дядя Вася Кирпичов, чтобы неловкость загладить, позвал Торелу по грибы и свозил в самый дальний лес на служебном мотоцикле. Теперь это называется компенсацией за моральный ущерб.

И все-таки одно изобретение Торелы принесло ему пользу. Он сделал громоотвод собственной конструкции. Выточил на токарном станке бронзовый шар величиной примерно с гусиное яйцо, насадил его на никелированную трубку с фланцем и прикрутил эту хитрую штуковину к полу рядом с диваном. Высоту трубки сделал такую, чтобы можно было положить руку на шар, не вставая. Потом припаял к громоотводу провода и вывел их на улицу, а там закрепил на ветке дуба. До рябины было ближе, но он не поленился – если уж делать, так делать с запасом прочности. И вот – как только жена принималась на него кричать, он садился на диван и опускал ладонь на бронзовый шар. Жена бежит перед ним, мечет громы и молнии, а он молчит, прикрыв глаза. Баба захлебывается в ругани, а он сидит, как истукан, вцепившись пальцами в бронзовое ядро. И откуда ей знать, что у него в голове и для какой цели предназначена блестящая трубка с набалдашником.

Так и отвалил.

Новый пятак

Мужья начальниц – работники неважные, но уметь пить они обязаны. А Никодимовой не повезло. Ее благоверный – не умел. Граммуля попадет и уже – до соплей, да и немного ему требовалось.

Минаич, наш завклубом, разумеется, знал про эту слабость, но так уж получилось, что втравил несчастного в пьянку. А на другой день Никодимова спустила на него всех собак, что у нее в душе прятались. При этом даже не заикнулась, что ее собственного мужика спойл, крыла исключительно с общественных позиций. Минаич обычно, как все нормальные пьяницы, перед начальством хвост не задирает, а тут вдруг нашло – опохмелиться уже успел, и мы рядом крутились – не захотел авторитет терять, ну и поднялся во встречный бой. И тоже с общественных позиций. Понес по всем правилам стратегии и тактики. Сначала поприбеднялся для затравки. Я, мол, фигура незначительная, нечто нематериальное, мои желания так и останутся пустыми желаниями, пока вы их не поддержите. Вы же хозяйка поселка. Никодимову большой начальницей назвали, она и плечи развернула, замлела от комплимента. А Минаич мужик ушлый, знает, в котором месте даму пощекотать. Не надо, мол, ложной скромности. Директор не в счет: затурканный планом технократ, ему и в голову не придет, что заведующий клубом может иметь какое-то отношение к созиданию материальных ценностей. Слова-то какие выговаривал, сам, наверное, не все понимал, не говоря уже про Никодимову. И не улыбайтесь, мол, а позвольте для иллюстрации абстрактной мысли – конкретный примерчик. Сколько раз поднимался вопрос о строительстве танцплощадки? После пожара пятилетка прошла. Не понимаете, какое отношение имеет танцевальный павильон к государственному плану предприятия? Никодимова глаза пучит, а слова вставить не решается, боится впросак попасть. Минаич видит такое дело и еще наглее прет. Отношение, мол, самое прямое, потому что поселковой молодежи негде танцевать, и она ходит на танцы в Заборье, до которого три с лишним километра. Пошел, дескать, молодой парень в малокультурное село, продергался там под плохую музыку до двух часов, а потом еще и какую-нибудь сельскую мессалину провожать увязался, домой вернулся к шести, а в семь поплелся на работу, только работник-то из него никудышный.

Потом он про разваленную самодеятельность вспомнил, про испорченный вкус у молодежи... Во всех этих промахах обвинял он только себя, но обвинял так, чтобы Никодимова и свою причастность к вине почувствовала. Хозяйка-то все-таки она. Чем бы его обработка закончилась – неизвестно, Никодимова, пусть и не так витиевато, но голосок на своем посту натренировала, придумала бы, что ответить, да не успела – появилась бабушка Митрохова. Услышала разговор на повышенных тонах – значит, надо полюбопытствовать. А уж коли речь о пятачке – так тут у нее самый прямой интерес. Дипломатию разводить она не стала. Едва уловила, о чем спор, и сразу же напрямик: чего ты, мол, вокруг ее подпрыгиваешь, ты что, для себя эту площадку клянчишь, это ее работа – о поселке заботиться, она за это деньги получает и в город на совещания бесплатно катается – пусть она и строит. А не захочет, так соберемся миром да и снимем с должности. Никодимова посмеялась для вида и в контору заспешила, подальше от скандала. Не раз и не два высказывала она опасения, что старуха запросто может отправить анонимку районным властям, сама писать не умеет, так внуку продиктует и крестик собственноручный под анонимкой поставить не побоится.

Так что через неделю на стадион завезли доски и пригнали бригаду плотников. Было бы из чего, а сколотить – дело нехитрое. Да и Минаич не дремал. Он вроде даже и пить бросил. Притащил из конторы несколько листов толстой бумаги и стал готовить афиши. Нас тоже мелкими поручениями загрузил. Ему нравилось, когда вокруг него народ крутится, если не взрослые, то хотя бы шпана, – артисту иначе нельзя, нужны зрители и слушатели.

«Какими глупыми афишами, – говорил он, – обвешаны городские заборы. Где сейчас увидишь вальсирующую молодую парочку, где вы найдете современного парня, умеющего танцевать вальс? Если уж рисовать вальсирующих, то партнером должен быть галантный старичок в пенсне и с бородкой клинышком».

Потом рассказал про жену Есенина, Айседору Дункан, и прямо при нас набросал карандашом женщину с развевающимся шарфом. Неплохо вроде бы получилось, но ему не понравилось, обещал сделать лучше и обязательно красками. Бросил рисование и стал придумывать объявления для афиш: «Пускай мы не испанцы, но тоже любим танцы!» или «Танцующим вход свободный, для зрителей – цена три рубля!» Водка в то время стоила два пятьдесят две. Он выдает, мы гогочем. Его еще сильнее забирает: «Школу танцев проходили мы на перине Никодимовой!» Про директора еще забористей выдал, только я запомнил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.